

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 3 (10)
2023

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (10) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.

Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габьшева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Даширмаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торотоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2023

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (10) 2023

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences

Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

- Сивцева Н. А.* Функционально-семантическая категория бытийности в якутском языке ...5
Сорова И. Н., Егорова К. М. Лексико-семантическая характеристика
 составных орнитонимов в якутском и алтайском языках 13

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

- Ефремова Н. А., Платонова А. Н.* Типы стилистических ошибок в переводной сказке
 (на материале книги «Х. К. Андерсен. Остуоруйалар» в переводе
 В. С. Федорова-Сэмээр Басылая) 24

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

- Павлова О. К., Джанызакова С. Д.* Сравнения в якутском эпосе
 (на примере олонхо северо-восточной традиции) 32
Паишакова Т. Н. Небеснорожденные персонажи в изданных мифах В. И. Вербицкого:
 слова *Тянар* и *Тангара* 43
Чиркочева Д. И., Адамова З. Г. Мотивационная и функциональная значимость ценности
 «демократия» (на базе данных ассоциативного эксперимента на якутском языке) 51

ИТ В ИССЛЕДОВАНИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

- Сулейманов Д. Ш., Гильмуллин Р. А., Гатиатуллин А. Р.* Современные лингвистические
 ресурсы и IT-разработки для татарского языка: региональный опыт 60

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

- Монастырёв В. Д.* Саха тылын Улахан Быһаарыылаах тылдыта –
 академик П. А. Слепцов түстээбит, тэрийбит, айсыбыт сүнгэннээхэй суолталаах үлэтэ =
 Академик П. А. Слепцов – идейный вдохновитель, организатор и создатель
 Большого толкового словаря якутского языка 70

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

- Sivtseva N. A.* Functional-semantic category of beingness in the Yakut language5
Sorova I. N., Egorova K. M. Lexico-semantic characteristics of composite ornithonyms
 in the Yakut and Altai languages 13

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

- Efremova N. A., Platonova A. N.* Types of stylistic errors in a translated fairy tale (Based
 on the book “H.K. Andersen. Ostuorujalar” translated by V.S. Fedorov-Sameer Basylai)24

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

- Pavlova O. K., Dzhanyzakova S. D.* Comparisons in the Yakut epic
 (the example of olonkho of the northeastern tradition)32
Pashtakova T. N. Heavenly-born characters in the published myths of V.I. Verbitsky:
 the words Tyanar and Tangara43
Chirkoeva D. I., Adamova Z. G. Motivational and functional significance of the value
 of “democracy” (based on the data of an associative experiment in the Yakut language)51

IT IN THE STUDY OF ALTAIC LANGUAGES

- Suleymanov D. Sh., Gilmullin R. A., Gatiatullin A. R.* On the experience of implementing
 the Tatar language into infocommunication technologies in the Republic of Tatarstan60

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

- Monastyrev V. D.* Academician Petr Slepsov – the ideological inspirer, organizer and creator
 of the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language70

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-5-12

УДК 811.512.1

Функционально-семантическая категория бытийности в якутском языке

Н. А. Сивцева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: sivna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционально-семантической категории бытийности в якутском языке. Целью данной статьи является описание структуры рассматриваемой категории, выявленной на материале якутского языка. В основу исследования положен функционально-семантический подход, позволяющий отобразить целостную организацию универсальных семантических категорий с определенным содержанием и средствами выражения. Дана краткая характеристика основных направлений исследования категории бытийности в лингвистике, основанных на функционально-семантическом, лингвопрагматическом, синтаксическом подходах. Представлена структура функционально-семантической категории бытийности в якутском языке. Выявлено, что функционально-семантическое поле бытийности в якутском языке имеет полицентрическую структуру, определяемую типом отношения семантики бытийности к грамматической категории (имени и глагола) и синтаксической структурой предложения (предикативные и номинативные конструкции). С позиции функционально-семантического подхода средства выражения категории бытийности в якутском языке можно объединить в функционально-семантическое поле, состоящее из двух частей: микрополя бытийности, выражаемого именными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия, и микрополя бытийности, представленного глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Указанные части функционально-семантического поля бытийности в якутском языке состоят из равноуровневых средств, рассредоточенных по принципу «центр – периферия». В статье впервые изложено описание структуры функционально-семантической категории бытийности в якутском языке.

Ключевые слова: категория, бытие, функция, значение, поле, функционально-семантический подход, средство выражения, якутский язык.

Для цитирования: *Сивцева Н. А.* Функционально-семантическая категория бытийности в якутском языке // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-5-12.

СИВЦЕВА Наталья Александровна – к. филол. н., старший научный сотрудник, Институт гуманитарных наук и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: sivna@mail.ru

SIVTSEVA Nataliya Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Functional-semantic category of beingness in the Yakut language

N. A. Sivtseva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

E-mail: sivna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the functional-semantic category of beingness in the Yakut. The purpose of this article is to describe the structure of the category under consideration, identified on the Yakut material. The study is based on the functional-semantic approach, which allows us to display the holistic organization of universal semantic categories with specific content and means of expression. A brief description of the main directions of research into the category of beingness in linguistics, based on functional-semantic, linguopragmatic, syntactic approaches, is given. The structure of the functional-semantic category of beingness in Yakut is presented. The structure of the functional-semantic category of beingness in the Yakut language is presented. It was revealed that the functional-semantic field of beingness in Yakut has a polycentric structure, which is determined by the type of relationship of the semantics of beingness to the grammatical category (noun and verb) and the syntactic structure of the sentence (predicative and nominative constructions). From the position of the functional-semantic approach, the means of expressing the category of beingness in the Yakut can be combined into a functional-semantic field, consisting of two parts: the microfield of beingness, expressed by nominal means of denoting existence/non-existence, being/non-existence, presence/absence, and the microfield of beingness, represented by verbal means of denoting existence/non-existence, being/non-existence, presence/absence. The indicated parts of the functional-semantic field of beingness in the Yakut consist of multi-level means, dispersed according to the “center – periphery” principle. The article presents for the first time a description of the structure of the functional-semantic category of beingness in Yakut.

Keywords: category, beingness, function, meaning, field, functional-semantic approach, means of expression, Yakut.

For citation: *Sivtseva N. A.* Functional-semantic category of beingness in the Yakut language // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-5-12.

Введение

Статья посвящена исследованию функционально-семантической категории бытийности в якутском языке. Целью данной статьи является описание структуры рассматриваемой категории, выявленной на материале якутского языка. Для достижения указанной цели необходимо обратиться к истории исследования данной категории в лингвистике, дать ее описание на материале якутского языка с изложением структуры функционально-семантического поля. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения категории бытийности в якутском языке, ее недостаточной изученностью. Изыскания в этом направлении необходимы в развитии фундаментальных исследований в свете современных теоретических подходов. В основу исследования положен функционально-семантический подход, позволяющий отобразить целостную организацию универсальных семантических категорий с определенным содержанием и средствами выражения. В статье впервые изложено описание структуры функционально-семантической категории бытийности в якутском языке.

Категория бытийности в лингвистике. Структура функционально-семантического поля бытийности в якутском языке

Осознание бытия проявляется в языке, поэтому категория бытийности рассматривается как языковая. Начиная с конца XIX в., категория бытийности, относимая в русистике к области грамматики, понималась как универсальная категория языка, отражающая общие связи вещей в мире. В исследованиях отечественных лингвистов представлены положения о глаголе бытия в безличных конструкциях, о связочной функции глагола бытия, базирующейся на понимании существования как признака, присущего всякому понятию, об одночленных именных бытийных предложениях и т. д. [1–4].

В лингвистике со второй половины XX в. в исследовании категории бытийности наметились различные подходы: функционально-семантический, лингвопрагматический, синтаксический. Согласно функционально-семантическому подходу бытийность рассматривается как семантическая категория, объединяющая различные варианты значения бытия, существования, наличия [5, 6]. Разноуровневые средства языка, выражающие данные варианты, представляют собой функционально-семантическое поле (далее – ФСП) бытийности. В исследованиях, представляющих лингвопрагматический подход к изучению языка, бытийность рассматривается в качестве категории, проявляющей себя в синтаксических конструкциях бытийного типа [7]. В таких предложениях выражается пространственно-предметная сторона мира, «утверждается существование в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками» [7, с. 8].

Синтаксический подход к проблеме бытийности представляет ее как категорию, выражающую признак субъектно-предикатных отношений каждого предложения в русском языке [8, 9]. При подходе к проблеме бытийности в качестве категории синтаксиса текста изучаются функции предложений с бытийным значением. Бытийность понимается как компонент грамматического значения предложения – «значение существования в действительности предметов, процессов, признаков, явлений», выраженное средствами языка [8, 10–20 и др.].

В якутском языке проблема категории бытийности исследована в свете изучения вопросов семантики глагольной лексики, текстообразующей функции глаголов бытия [21–23], синтаксических конструкций на материале фольклорных и художественных текстов [24–26]. Бытийность в якутском языке – семантическая категория, состоящая из различных вариантов значений существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. План содержания данной категории составляет систему бытийных ситуаций, обозначающих восприятие конкретного объекта, идентификацию воспринимаемого объекта, временные или пространственные условия события, описанного в последующем контексте, выделение класса объектов, наличие качественно определенного субъекта, существование/исчезновение субъекта, противопоставление реального и воображаемого субъекта, исчерпанность существования конкретного субъекта или события, предназначение субъекта, наличие/отсутствие представления в сознании лица или группы лиц, отсутствие как изменение существенного качества [5]. Бытийная ситуация при этом понимается как «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, основывающаяся на семантической категории и поле бытийности, представляющая собой тот аспект общей ситуации, выражаемой высказыванием», который связан с семантикой существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия [5]. План выражения рассматриваемой категории в якутском языке представлен разноуровневыми средствами, а именно: именами существительными, обозначающими существование/несуществование, бытие/небытие, именами наличия/отсутствия, глаголами и формами глагола (причастия и деепричастия), указывающими на фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, вспомогательными глаголами бытия, номинативными бытийными предложениями, конструкциями с глаголами бытия.

К сфере существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия в якутском языке применимо понятие поля как совокупности взаимодействующих средств. В ней обнаруживаются такие характерные признаки полевой структуры, как «инвентарь разноуровневых средств выражения – конститuentов поля; общее значение, присущее всем конститuentам; неоднородная и сложная структура поля; наличие противоположных микрополей» [27, с. 9]. ФСП – это основанная на определенной функционально-семантиче-

ской категории система, набор разноуровневых средств языка, взаимодействующих между собой на основе выполнения конкретной семантической функции [28–29]. Функция при этом понимается как выполнение языковой единицей определенного назначения в коммуникации. ФСП бытийности в якутском языке имеет полицентрическую структуру, что определяется типом отношения семантики бытийности к грамматической категории (имени и глагола) и синтаксической структуре предложения (предикативные и номинативные конструкции). С позиции функционально-семантического подхода средства выражения категории бытийности в якутском языке можно объединить в ФСП, состоящее из двух частей: микрополя бытийности, выражаемого именными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия, и микрополя бытийности, представленного глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Указанные части ФСП бытийности в якутском языке представлены по принципу частеречной принадлежности ядерных слов, позволяющему классифицировать ФСП на следующие группировки: 1) с акциональным (предикативным) ядром – с глагольным ядром; 2) с предметным (субъектно-объектным) ядром – с именным ядром; 3) с квалитативно-квантитативным ядром (прилагательные и числительные); 4) с обстоятельственным (наречия и словоформы существительных) [30–31]. Хотя в лингвистической литературе имеются тезисы, опровергающие данный принцип [32–33], структурирование ФСП бытийности на материале якутского языка объективно осуществить на основе выделения микрополей с именным и глагольным ядром.

Выявленные части ФСП бытийности в якутском языке состоят из разноуровневых средств, рассредоточенных по принципу «центр – периферия». Наличие центра и периферии является одним из основных признаков ФСП, соотношение которых проявляется в следующем: «1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр), – разреженность таких признаков (периферия); сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение «сетки связей», их ослабление (периферия); 3) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенных семантических функций (центр) – меньшая степень специализации (периферия); 4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр) – нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия)» [28, с. 18]. Имена существительные, обозначающие существование/несуществование, бытие/небытие, а также имена наличия/отсутствия разделяют центр микрополя бытийности, выражаемого именными средствами существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. К периферии данного микрополя относятся номинативные предложения, передающие бытийную ситуацию имплицитно. Глаголы и формы глагола (причастия и деепричастия), наиболее специализированно указывающие на фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, а также конструкции с ними представляют ядро микрополя бытийности, выражаемого глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Глаголы и формы глагола (причастия и деепричастия), наименее специализированно обозначающие фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, обладающие наименьшей регулярностью использования в коммуникации, а также конструкции с ними, вспомогательные глаголы бытия, постепенно удаляясь от центра, в разной степени рассредоточены от него. Подобный набор языковых средств ФСП бытийности в якутском языке в ходе дальнейших исследований может быть дополнен и скорректирован в соответствии с изучаемым текстовым материалом.

Заключение

Таким образом, в статье на основе рассмотрения основных направлений в исследовании категории бытийности в лингвистике представлена структура ее функционально-семантического поля в якутском языке. Выявлено, что функционально-семантическое поле бытийности в якутском языке имеет полицентрическую структуру, определяемую типом отношения семантики бытийности к грамматической категории (имени и глагола) и синтаксической структуре предложения (предикативные и номинативные конструкции). С позиции функционально-семантического подхода средства выражения категории бытийности в якутском языке можно объединить в функционально-семантическое поле, состоящее из двух частей: микрополя бытийности, выражаемого именными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия, и микрополя бытийности, представленного глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Указанные части функционально-семантического поля бытийности в якутском языке состоят из разноуровневых средств, рассредоточенных по принципу «центр – периферия». Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны с изучением имен существительных, обозначающих существование/несуществование, бытие/небытие, и бытийных глаголов, являющихся основой ФСП бытийности, что представляет значение для развития фундаментальных теоретических и прикладных исследований якутского языка.

Литература

1. Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений. Т. 2: Сочинения филологические / К. С. Аксаков. – Москва : Университетская тип. (Катков и К), 1875. – 660 с.
2. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. / А. А. Потебня. – Москва : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
3. Пешковский, А. С. Русский синтаксис в русском освещении. – [3-е изд.] / А. С. Пешковский. – Москва ; Ленинград : Государственное издание, 1929. – 579 с.
4. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка : Учение о предложении и словосочетаниях. Вып. 1 / А. А. Шахматов. – Ленинград : Академия наук СССР, 1925. – 441 с.
5. Бытийность. Вступительные замечания / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак, И. Б. Долинина // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – Т. 6. – С. 52–53.
6. Деева, Н. В. Функционально-семантический аспект глаголов бытия : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Деева Наталья Валерьевна. – Кемерово, 2003. – 24 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип : структура и значение / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – Москва : Русский язык, 1983. – 198 с.
8. Востоков, В. В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке / В. В. Востоков. – Арзамас : Издательство Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара, 2000. – 281 с.
9. Тихонова, И. В. Семантико-синтаксическое поле бытийности в прозе Л. Андреева : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2005. – 24 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Бытийные предложения в русском языке / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР : Серия литературы и языка. – 1976. – № 3. – С. 229–238.
11. Лухт, Л. И. Категория бытия и обладания (французско-румынские параллели) / Л. И. Лухт // Категория бытия и обладания : Сборник статей. – Москва : Наука, 1977. – С. 125–143.
12. Невская, И. А. Семантически элементарные статические локативные конструкции с каноническим локализатором / И. А. Невская // Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). – Новосибирск : Институт филологии ОИИФФ СО РАН, 2005. – С. 160–187.

13. Селиверстова, О. Н. Глагол иметь и конструкция типа У меня (есть) / О. Н. Селиверстова // Труды по семантике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 134–165.
14. Сеньюкова, О. В. Система функционально-семантических полей русских глаголов бытия и обладания / О. В. Сеньюкова, Ю. А. Климова // Научные ведомости : Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184). – Вып. 22. – С. 27–33.
15. Тазранова, А. Р. Глаголы бытия тур=, јат=, отур=, јур= в аспектуально-темпоральных бивербальных конструкциях алтайского языка / А. Р. Тазранова // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск : Издательство НГУ, 1999. – Вып. 6. – С. 133–138.
16. Тазранова, А. Р. Функции бытийных глаголов с глаголами движения в алтайском языке / А. Р. Тазранова // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск : Издательство НГУ, 2002. – Вып. 8. – С. 145–155.
17. Тазранова, А. Р. О месте бивербальных конструкций с глаголами бытия среди аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири / А. Р. Тазранова // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск : Издательство НГУ, 2003. – Вып. 11. – С. 210–221.
18. Тазранова, А. Р. Бивербальные конструкции с глаголами бытия с ЛСГ глаголов состояния / А. Р. Тазранова // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск : Издательство НГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 62–74.
19. Шведова, Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты / Н. Ю. Шведова // Слово и грамматические законы языка : Глагол. – Москва : Наука, 1989. – С. 5–171.
20. Широких, И. А. О категории бытийности и ее репрезентации в языке / И. А. Широких // Языки и культура в поликультурном пространстве. – 2015. – № 1. – С. 165–169.
21. Сивцева, Н. А. Текстобразующая функция глаголов бытия в якутском языке (на примере сложного синтаксического целого) / Н. А. Сивцева // Казанская наука. – 2018. – №12. – С. 198–200.
22. Сивцева, Н. А. Текстобразующие возможности глаголов бытия баар 'быть, существовать', сырыт 'жить, быть, пребывать, находиться где-либо' в инициальных формулах якутских волшебных сказок / Н. А. Сивцева // Мир науки. Социология, филология и культурология. – 2020. – № 4. – Том 11. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK420.pdf>.
23. Сивцева, Н. А. Текстобразующий потенциал глагола начала существования төрөө 'рожать, родиться, рождаться' в якутском языке / Н. А. Сивцева // Мир науки. Социология, филология и культурология. – 2022. – № 2. – Т. 13. – URL : <https://sfk-mn.ru/49flsk222.html>.
24. Ефремов, Н. Н. Бытийные конструкции в эпическом тексте (по материалам якутского героического эпоса-олонхо) / Н. Н. Ефремов // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 4 (36). – С. 149–154.
25. Сивцева, Н. А. Глаголы бытия в тексте якутских волшебных сказок / Н. А. Сивцева // Сохранение и популяризация нематериального этнокультурного наследия : традиции и современность в рамках IV Международного фестиваля «Встреча шедевров ЮНЕСКО на земле Олонхо» : сборник материалов Международного научного симпозиума (20-22 июня 2022 г., г. Якутск). – Якутск: ООО Дани-Алмас, 2022. – С. 276–278.
26. Сивцева, Н. А. Глаголы начала каузации существования в поэтических текстах А.Е. Кулаковского жанра алгыс (благословение) // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения известного тюрколога, общественного деятеля, кандидата филологических наук, доцента Ю. И. Васильева-Дьяргыстая (16 декабря 2022 г., г. Якутск) / Н. А. Сивцева : Составители: И. Ю. Васильев, Д. И. Чиркоева, М. П. Попова и др. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2022. – С. 126–131.
27. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – Москва : Просвещение, 1969. – 184 с.
28. Бондарко, А. В. Проблемы функциональной грамматики : Полевые структуры / А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 477 с.
29. Заметалина, М. Н. Функционально-семантическое поле бытийности в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Заметалина Мария Николаевна. – Волгоград, 1995. – 27 с.
30. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – [2-е изд.] / А. В. Бондарко. – Москва : Эдиториал УРСС, 2011. – 208 с.
31. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка / А. В. Бондарко. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

32. Всеволодова, М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 76–99.

33. Клобуков, Е. В. Система семантических противопоставлений в морфологии (семасиологический и ономазиологический аспекты) / Е. В. Клобуков // Семантика языковых единиц : Сборник материалов 3-й межвузовской научно-исследовательской конференции. – Москва : Альфа, 1993. – Ч. 2. – С. 135–137.

References

1. Aksakov, K. S. Polnoe sobranie sochinenij. T. 2: Sochineniya filologicheskie / K. S. Aksakov. – Moskva : Universitetskaya tip. (Katkov i K), 1875. – 660 s.

2. Potebnya, A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 1–2. / A. A. Potebnya. – Moskva : Uchpedgiz, 1958. – 536 s.

3. Peshkovskij, A. S. Russkij sintaksis v russkom osveshchenii. – [3-e izd.] | A. S. Peshkovskij. – Moskva ; Leningrad : Gosudarstvennoe izdanie, 1929. – 579 s.

4. SHahmatov, A. A. Sintaksis russkogo yazyka : Uchenie o predlozhenii i slovosochetaniyah. Vyp. 1 / A. A. SHahmatov. – Leningrad : Akademiya nauk SSSR, 1925. – 441 s.

5. Bytijnost'. Vstupitel'nye zamechaniya / A. V. Bondarko, M. D. Voejkova, V. G. Gak, I. B. Dolinina // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'. – Sankt-Peterburg : Nauka, 1996. – T. 6. – S. 52–53.

6. Deeva, N. V. Funkcional'no-semanticheskij aspekt glagolov bytiya : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyk» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Deeva Natal'ya Valer'evna. – Kemerovo, 2003. – 24 s.

7. Arutyunova, N. D. Russkoe predlozhenie. Bytijnyj tip : struktura i znachenie / N. D. Arutyunova, E. N. SHiryayev. – Moskva : Russkij yazyk, 1983. – 198 s.

8. Vostokov, V. V. Sistema grammaticheskikh znachenij prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke / V. V. Vostokov. – Arzamas : Izdatel'stvo Arzamasskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.P. Gajdara, 2000. – 281 s.

9. Tihonova, I. V. Semantiko-sintaksicheskoe pole bytijnosti v proze L. Andreeva : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Moskva, 2005. – 24 s.

10. Arutyunova, N. D. Bytijnye predlozheniya v russkom yazyke / N. D. Arutyunova // Izvestiya AN SSSR : Seriya literatury i yazyka. – 1976. – № 3. – S. 229–238.

11. Luht, L. I. Kategoriya bytiya i obladaniya (francuzsko-rumynskie paralleli) / L. I. Luht // Kategoriya bytiya i obladaniya : Sbornik statej. – Moskva : Nauka, 1977. – S. 125–143.

12. Nevskaya, I. A. Semanticheski elementarnye staticheskie lokativnye konstrukcii s kanonicheskim lokalizatorom / I. A. Nevskaya // Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykah YUzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). – Novosibirsk : Institut filologii OIFF SO RAN, 2005. – S. 160–187.

13. Seliverstova, O. N. Glagol imet' i konstrukciya tipa U menya (est') / O. N. Seliverstova // Trudy po semantike. – Moskva : YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 134–165.

14. Senyukova, O. V. Sistema funkcional'no-semanticheskikh polej russkikh glagolov bytiya i obladaniya / O. V. Senyukova, YU. A. Klimova // Nauchnye vedomosti : Seriya Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 13 (184). – Vyp. 22. – S. 27–33.

15. Tazranova, A. R. Glagoly bytiya tur=, jat=, otur=, jur= v aspektual'no-temporal'nyh biverval'nyh konstrukciyah altajskogo yazyka / A. R. Tazranova // YAzyki korennyh narodov Sibiri. – Novosibirsk : Izdatel'stvo NGU, 1999. – Vyp. 6. – S. 133–138.

16. Tazranova, A. R. Funkcii bytijnyh glagolov s glagolami dvizheniya v altajskom yazyke / A. R. Tazranova // YAzyki korennyh narodov Sibiri. – Novosibirsk : Izdatel'stvo NGU, 2002. – Vyp. 8. – S. 145–155.

17. Tazranova, A. R. O meste biverbal'nyh konstrukcij s glagolami bytiya sredi analiticheskikh konstrukcij v tyurkskikh yazykah YUzhnoj Sibiri / A. R. Tazranova // YAzyki korennyh narodov Sibiri. – Novosibirsk : Izdatel'stvo NGU, 2003. – Vyp. 11. – S. 210–221.

18. Tazranova, A. R. Biverbal'nye konstrukcii s glagolami bytiya s LSG glagolov sostoyaniya / A. R. Tazranova // YAzyki korennyh narodov Sibiri. – Novosibirsk : Izdatel'stvo NGU, 2005. – Vyp. 16. – S. 62–74.

19. SHvedova, N. YU. Russkie bytijnye glagoly i ih sub'ekty / N. YU. SHvedova // Slovo i grammaticheskie zakony yazyka : Glagol. – Moskva : Nauka, 1989. – S. 5–171.

20. SHirokih, I. A. O kategorii bytijnosti i ee reprezentacii v yazyke / I. A. SHirokih // YAzyki i kul'tura v polikul'turnom prostranstve. – 2015. – № 1. – S. 165–169.
21. Sivceva, N. A. Tekstoobrazuyushchaya funkciya glagolov bytiya v yakutskom yazyke (na primere slozhnogo sintaksicheskogo celogo) / N. A. Sivceva // Kazanskaya nauka. – 2018. – №12. – S. 198–200.
22. Sivceva, N. A. Tekstoobrazuyushchie vozmozhnosti glagolov bytiya baar 'byt', sushchestvovat'', syryt 'zhit', byt', prebyvat', nahodit'sya gde-libo' v inicial'nyh formulah yakutskih volshebnyh skazok / N. A. Sivceva // Mir nauki. Sociologiya, filologiya i kul'turologiya. – 2020. – № 4. – Tom 11. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK420.pdf>.
23. Sivceva, N. A. Tekstoobrazuyushchij potencial glagola nachala sushchestvovaniya toroo 'rozhat', rodit'sya, rozhdat'sya' v yakutskom yazyke / N. A. Sivceva // Mir nauki. Sociologiya, filologiya i kul'turologiya. – 2022. – № 2. – T. 13. – URL: <https://sfk-mn.ru/49flsk222.html>.
24. Efremov, N. N. Bytijnye konstrukcii v epicheskom tekste (po materialam yakutskogo geroicheskogo eposa-olonho / N. N. Efremov // Gumanitarnyj vektor. – 2013. – № 4 (36). – S. 149–154.
25. Sivceva, N. A. Glagoly bytiya v tekste yakutskih volshebnyh skazok / N. A. Sivceva // Sohranenie i populyarizaciya nematerial'nogo etnokul'turnogo naslediya : tradicii i sovremennost' v ramkah IV Mezhdunarodnogo festivalya «Vstrecha shedevrov YUNESKO na zemle Olonho» : sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (20-22 iyunya 2022 g., g. YAkutsk). – YAkutsk: OOO Dani-Almas, 2022. – S. 276–278.
26. Sivceva, N. A. Glagoly nachala kauzacii sushchestvovaniya v poeticheskikh tekstah A.E. Kulakovskogo zhanra algys (blagoslovenie) // Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov : materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo tyurkologa, obshchestvennogo deyatelya, kandidata filologicheskikh nauk, docenta YU. I. Vasil'eva-D'argystaya (16 dekabrya 2022 g., g. YAkutsk) / N. A. Sivceva : Sostaviteli: I. YU. Vasil'ev, D. I. CHirkoeva, M. P. Popova i dr. – YAkutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2022. – S. 126–131.
27. Gulyga, E. V. Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemeckom yazyke / E. V. Gulyga, E. I. SHendel's. – Moskva : Prosveshchenie, 1969. – 184 s.
28. Bondarko, A. V. Problemy funkcional'noj grammatiki : Polevye struktury / A. V. Bondarko. – Sankt-Peterburg : Nauka, 2005. – 477 s.
29. Zametalina, M. N. Funkcional'no-semanticeskoe pole bytijnosti v sovremennom rusском literaturnom yazyke : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyk» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Zametalina Mariya Nikolaevna. – Volgograd, 1995. – 27 s.
30. Bondarko, A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii. – [2-e izd.] / A. V. Bondarko. – Moskva : Editorial URSS, 2011. – 208 s.
31. Bondarko, A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki : na materiale russkogo yazyka / A. V. Bondarko. – Moskva : YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 736 s.
32. Vsevolodova, M. V. Polya, kategorii i koncepty v grammaticheskoy sisteme yazyka / M. V. Vsevolodova // Voprosy yazykoznaniiya. – 2009. – № 3. – S. 76–99.
33. Klobukov, E. V. Sistema semanticeskikh protivopostavljenij v morfologii (semasiologicheskij i onomasiologicheskij aspekty) / E. V. Klobukov // Semantika yazykovykh edinic : Sbornik materialov 3-j mezhvuzovskoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii. – Moskva : Al'fa, 1993. – CH. 2. – S. 135–137.

Лексико-семантическая характеристика составных орнитонимов в якутском и алтайском языках

И. Н. Сорова, К. М. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: isorova@mail.ru

E-mail: kristieegorova@gmail.com

Аннотация. Вопросы сравнительного изучения языка принадлежат к числу наиболее актуальных тем в современном языкознании. Сравнительно-типологический метод особенно важен при изучении словообразовательных систем двух языков с целью выявления сходств и различий. Составные слова активно пополняют лексический запас языка во всех его функциональных разновидностях. Существует достаточно объемный пласт лексики составных слов, представляющих собой названия птиц – орнитонимы. Обилие составных слов в якутском и алтайском языках, служащих для называния птиц, и отсутствие трудов по их комплексному исследованию и систематизации свидетельствуют о необходимости научного исследования названий птиц. Целью исследования является изучение лексико-семантических особенностей и словообразовательных структур составных слов, обозначающих названия птиц в якутском и алтайском языках. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: выявление функционального значения составных слов; рассмотрение истории изучения названий птиц в тюркском языкознании; систематизирование названия птиц в якутском и алтайском языках; установление основных лексико-семантических групп, способов образования и структурных моделей составных орнитонимов. В данном исследовании используется комплекс методов: сравнительно-сопоставительный, описательный и количественный методы. Научная новизна работы состоит в том, что вопросы сравнительного анализа составных слов, обозначающих названия птиц в якутском и алтайском языках, не являлись предметом специального изучения. Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы при изучении составных орнитонимов в других тюркских языках, также при разработке лекционных курсов, семинаров по лексике.

Ключевые слова: орнитоним, составные слова, номинация, мотивационный признак, лексико-семантическая группа, способ образования, словообразовательная структура, способ примыкания, изафет, способ управления.

Для цитирования: *Сорова И. Н., Егорова К. М.* Лексико-семантическая характеристика составных орнитонимов в якутском и алтайском языках // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-13-23

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Yakut Language, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЕГОРОВА Кристина Максимовна – магистрант кафедры якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: kristieegorova@gmail.com

EGOROVA Kristina Maksimovna – Master's student, Department of Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Lexico-semantic characteristics of composite ornithonyms in the Yakut and Altai languages

I. N. Sorova, K. M. Egorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: isorova@mail.ru

E-mail: kristiegorova@gmail.com

Abstract. The issues of comparative language learning are among the most relevant topics in modern linguistics. The comparative typological method is especially important when studying the word-formation systems of two languages in order to identify similarities and differences. Complex words actively replenish the lexical stock of the language in all its functional varieties. There is a fairly voluminous layer of vocabulary of composite words representing the names of birds – ornithonyms. The abundance of composite words in the Yakut and Altai languages used for naming birds, and the lack of work on their comprehensive research and systematization indicates the need for scientific research of bird names. The purpose of this work is to study the lexical and semantic features and word-formation structures of composite words denoting the names of birds in the Yakut and Altai languages. In order to achieve this goal, the following tasks are solved: identification of the functional meaning of composite words; consideration of the history of the study of bird names in Turkic linguistics; systematization of bird names in the Yakut and Altai languages; establishment of the main lexico-semantic groups, methods of formation and structural models of composite ornithonyms. This study uses a set of methods: comparative, descriptive and quantitative methods. The scientific novelty of the work consists in the fact that the issues of comparative analysis of composite words denoting the names of birds in the Yakut and Altai languages were not the subject of special study. The theoretical and practical significance of the work is that its materials can be used in the study of composite ornithonyms in other Turkic languages, as well as in the development of lecture courses, seminars on vocabulary.

Keywords: ornithonym, compound words, nomination, motivational attribute, lexico-semantic group, method of formation, word-formation structure, method of adjacency, *izafet*, method of control.

For citation: Sorova I. N., Egorova K. M. Lexico-semantic characteristics of composite ornithonyms in the Yakut and Altai languages // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-13-23.

Введение

Орнитоним (*от греч. ornis (ornitos) «птица», onima «имя, название»*) – это номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц [1, с. 11].

В тюркологии названия птиц наиболее обширно изучены в башкирском, узбекском, азербайджанском и татарском языках. Э. Ф. Ишбердин, наряду с названиями животных, анализирует диалектные названия птиц в башкирском языке, выявляет их этимологии и принципы номинации [2]. Д. Х. Базарова в сравнительном плане рассматривает вопросы этимологии, номинации и образования многих узбекских орнитонимов, приводит примеры из древнетюркских письменных памятников, а также из многих тюркских языков [3]. Ю. Юсифов определяет место зоологической лексики в лексико-семантической системе языка, широко исследует этимологию и лексико-семантические особенности орнитонимов азербайджанского языка, их способы образования и грамматические структуры [4]. Э. И. Сафина на основе данных древнетюркских письменных памятников, переводных, толковых, отраслевых, диалектологических, энциклопедических словарей систематизирует орнитонимы татарского языка, определяет их принципы номинации и способы образования, генетические пласты и распространение татарских орнитонимов в других родственных и неродственных языках [5].

До настоящего времени орнитологическая лексика в якутском и алтайском языках в основном была рассмотрена лишь в диалектологических исследованиях, единичные наи-

менования птиц были подвергнуты этимологическому анализу или же рассматривались в связи с решением различных лингвистических проблем и вопросов.

В алтайском языке специального монографического исследования по орнитонимам не имеется, но в отдельных статьях рассматривались названия птиц и их способы образования. Так, Н. В. Ерленбаева, А. В. Киндикова описывают морфологический и лексико-синтаксический способы образования орнитонимов алтайского языка, а также словообразовательную модель парных слов [6]. Е. В. Чайчина рассматривает некоторые способы образования сложных слов с общей семантикой названия птиц в алтайском языке с точки зрения особенностей их мотивации и словообразования [7]. В 2019 г. издан «Алтайско-русско-английский словарь орнитонимов», который содержит алтайские, русские, английские, латинские названия птиц, разделенных по отрядам [8].

Лексико-семантические группы составных орнитонимов в якутском и алтайском языках

Как известно, птицы являются обширным классом позвоночных животных, включающим в себя более 8600 видов. Используя справочники-определители «Знаете ли вы птиц Якутии?» [9], «Птицы Якутии» [10], «Алтайдын ан-куштары» [11] и словарь «Алтайско-русско-английский словарь орнитонимов» [8], выяснили, что к настоящему времени на территории Якутии зафиксировано и описано 310 видов птиц, среди них 225 наименований представлены составными словами; а на территории Алтая выявлено пребывание 337 видов птиц, из которых – 111 составных орнитонимов.

Составные орнитонимы состоят из двух и более компонентов, которые в последствии лексикализации приобретают смысловую целостность. Основным компонентом является однословный термин – выразитель родового понятия, не теряющий своего значения. К слову, обозначающему родовое понятие, примыкает второе слово, обозначающее конкретное, сужающее его значение. В результате словосочетание приобретает значение, обозначающее разновидность одного родового понятия.

В якутском языке *чыычаах* ‘птица’ – это небольшое живое существо, покрытое перьями и пухом, с двумя крыльями, двумя ногами и клювом [12, с. 283]. Этот термин, носящий общее название всех видов крылатых, в составных словах может образовывать 25 разновидностей птиц, например: *сылгы чыычааба* ‘белая трясогузка’, *балыксыт чыычаах* ‘зимородок’, *абааны чыычааба* ‘вертишейка’, *таас чыычааба* ‘сибирский выюрок’, *хагдан чыычаах* ‘жулан’, *эриэн кынаттаах* чыычаах ‘зяблик’, *сиик түһэрэр чыычаах* ‘малая пестрогрудка’, *кыһыл моойдоох түүнү чыычаах* ‘соловей красношейка’ и др. В алтайском языке *куш* – общее определение названия птиц, класс теплокровных яйцекладущих позвоночных животных, которые отличаются наличием перьевого покрова [13, с. 412]. Со словом *куш* можно отдельно выделить 17 видов птиц: *јеерен куш* ‘огарь’, *јаман куш* ‘удод’, *кедей куш* ‘оляпка’, *балыкчы куш* ‘крохаль’, *кудай куш* ‘голубь’, *тас куш* ‘черный гриф’, *бүрүңкүй куш* ‘козодой’, *торко сары куш* ‘иволга’, *бијеечи чекчил куш* ‘каменка-плясунья’ и др.

В якутском языке составные орнитонимы в одном терминологическом поле с компонентом *хопто* представляют 10 видов: *кыра хопто* ‘малая чайка’, *күөл хопто* ‘озерная чайка’, *хайаах хопто* ‘серебристая чайка’, *акыйаан хопто* ‘тихоокеанская чайка’, *муора хопто* ‘бургомистр’, *алыы хопто* ‘сизая чайка’, *тэкэ хопто* ‘розовая чайка’, *үрүн хопто* ‘белая чайка’, *ачаах кутуруктаах хопто* ‘вилохвостая чайка’, *үс тарбахтаах хопто* ‘моевка’. В алтайском языке в одном терминологическом поле с компонентом *үкү* выявлено 6 видов: *јолду үкү* ‘ястребиная сова’, *кулакту үкү* ‘ушастая сова’, *сасчы үкү* ‘болотная сова’, *бай үкү* ‘филин’, *ак үкү* ‘белая сова’, *кулборко јалбай үкү* ‘длиннохвостая неясыть’.

И таких составных орнитонимов, образованных на основе стержневого родового слова и представляющих более 5 разновидностей птиц, достаточно много: в якутском языке с компонентами *хопто* – 10 видов (*кыра хопто, күүл хоптото, хайаах хопто, акыйаан хоптото, муора хоптото, алыы хоптото, тэкэ хопто, үрүҥ хопто, ачаах кутуруктаах хопто, үс тарбахтаах хопто*); *чаччыгыныар* – 10 (*кубалаҥ чаччыгыныар, борон чаччыгыныар, кугас чаччыгыныар, хара чаччыгыныар, эриэн чаччыгыныар, өрүөстээх чаччыгыныар, кыра чаччыгыныар, кугас моойдоох чаччыгыныар, үрүҥ куолайдаах чаччыгыныар, ырыаһыт чаччыгыныар*); *иһиирэм* – 9 (*муора иһиирэмэ, кыра иһиирэм, улахан иһиирэм, куллурбас иһиирэм, чырылыаха иһиирэм, чылыгыныар иһиирэм, дудукаан иһиирэм, кэһиэх иһиирэм, ала түөстээх иһиирэм*); *хараҥаччы* – 6 (*хара хараҥаччы, мас хараҥаччыта, таас хараҥаччыта, уу хараҥаччыта, дэриэбинэ хараҥаччыта, дьибэ хараҥаччыта*); *хаас* – 6 (*борон хаас, үрүҥ хаас, хонгор хаас, үрүҥ моойдоох хаас, хара тумустаах хаас, хардырбас хаас*); *татыйык* – 6 (*тиит татыйыга, хомус татыйыга, алыы татыйыга, харыйа татыйыга, ыарба татыйыга, сэлпэрээк татыйыга*); *куоҕас* – 5 (*үрүҥ моойдоох куоҕас, үрүҥ тумустаах куоҕас, быытта куоҕас, даллан куоҕас, чындайы куоҕас*); *ымыы* – 5 (*борон ымыы, байбал ымыыта, тойон ымыы, харыйа ымыыта, тиит ымыыта*); *күөрэгэй* – 5 (*тиит күөрэгэйэ, мас күөрэгэйэ, туундара күөрэгэйэ, муостаах күөрэгэй, туйаарар күөрэгэй*); в алтайском языке с компонентами *үкү* – 6 видов (*јолду үкү, кулакту үкү, сасчы үкү, бай үкү, ак үкү, кулборко јалбай үкү*); *үренчи* – 6 (*агаш үренчи, мөһтин үренчизи, акту үренчи, аштын үренчизи, сары үренчи, јаан үренчи көктөш*); *томыртка* – 5 (*кара-чоокыр јаан томыртка, ак белдү томыртка, буурыл томыртка, кичү чоокыр томыртка, кара-чоокыр јаан томыртка*); *бачырткы* – 5 (*кара мойынду бачырткы, кызыл мойынду бачырткы, кожончы бачырткы, каттын бачырткызы, јаан боро бачырткы*).

С учетом мотивационного признака составные орнитонимы в якутском и алтайском языках можно разделить на следующие группы:

1. Наименования птиц, образованные в соответствии с цветовыми особенностями. В основе этой номинации лежит цвет оперения, определяющий какую-то часть тела птицы: голову, брюхо, крылья, ножки, спину или же весь перьевого покрова.

В якутском языке имеется 78 таких наименований: *хара эһир* ‘черный аист’ – оперение преимущественно черное с зеленоватым и медно-красным металлическим отливом; *кугас иһиирэм* ‘краснозобик’ – окраска ржаво-рыжая с рябью на спине и бурыми крыльями; *от куөбэ тонсохой* ‘седой дятел’ – спина зеленая, голова и верх шеи зеленовато-серые; *эриэн бараах* ‘камышарка’ – окраска пестрая: верх рыжий с белым и черным, брюхо белое, подбородок и шея белые, ноги оранжевые; *арабас түөс татыйык* ‘овсянка дубровник’ – горло, брюшко, грудь желтые; *ала умсаах* ‘красноголовый нырок’ – спина и бока светло-серые с мелкими поперечными пестринами; *өрүөстээх чаччыгыныар* ‘белобровик’ – брюшная сторона белая в бурых пятнах, бровь широкая белая; *үрүҥ кынаттаах тыыраахы* ‘белокрылая крачка’ – похожа на черную крачку, отличается светло-серыми крыльями; *хагдан чыычаах* ‘жулан’ – голова серая, спина блекло-рыжеватобурая, низ белый с розоватым налетом; *алтан харах* ‘пискулька’ – вокруг глаз имеются кольца голой кожи рыжеватожелтого цвета и др.

В алтайском языке всего 50 составных орнитонимов, определяющих по цвету оперения: *ак јелечи* ‘белая трясогузка’ – спина пепельно-серая, остальная часть тела белая; *кызыл тош* ‘снегирь’ – шея, грудь, передняя часть брюшка и щеки киноварно-красного цвета; *јеерен куш* ‘огарь’ – называют еще красной уткой из-за кирпично-красного цвета; *кара өртөк* ‘горбоносый урпан’ – однотонный чёрный с синеватым отливом на голове, спине и зобе; *боро турна* ‘серый журавль’ – весь верх и нижняя сторона тела серые; *сары башту*

чайча ‘желтоголовая трясогузка’ – самцы отличаются однотонной жёлтой окраской головы; *кызыл кожончы* ‘чечевица’ – кроме хвоста и крыла, полностью покрыт красным солнечным светом; *күрөг јинјилей* ‘бурая пеночка’ – оперение верхней части тела тёмно-бурое; *јажыл јинјилей* ‘зеленая пеночка’ – спина оливково-зелёная, брюхо серо-белое; *килин кара* ‘клушица’ – окраска оперения угольно-чёрная, блестящая, часто с зелёным, синим или фиолетовым отливом и др.

Первый компонент составных орнитонимов, входящих в данную группу, в якутском и алтайском языках передается именем прилагательным. Здесь можно выделить часто встречающиеся определенные имена прилагательные, от которых образовано большая часть этого мотивационного признака: в якутском языке – *хара, үрүҥ, ала, эриэн, кугас*; в алтайском – *кызыл, ак, кара, боро*.

2. Наименования птиц, образованные по месту обитания и гнездования. Данная группа показывает такие места обитания и гнездования птиц, как реки, горы, поляны, степи, болота, моря, хвойные леса, берега и т. д.

В якутском языке насчитывается таких 55 составных орнитонимов: *хонуу бочугураһа* ‘перепел’ – населяется в лугах, полях, в сухих открытых участках среди лесов; *үөт мэкчиргэтэ* ‘мохноногий сыч’ – населяет различные типы лесов, преимущественно держится по опушкам, населяется в кустарниках и ивняках; *сылгы чыычааба* ‘белая трясогузка’ – весной рано прилетает, гнездо строится в постройках людей и на конюшне; *сиик түһэрэр чыычаах* ‘малая пестрогрудка’ – обитает в таежном подлеске с травянистой растительностью, в захлавленных сырых участках леса; *таас лоокуута* ‘пепельный улит’ – гнездится sporadically в горных участках таежной зоны; *курун дьыэрэнэ* ‘кроншнеп малютка’ – обитатель сырых участков кустарников и гарей; *дэриэбинэ харангаччыта* ‘деревенская ласточка’ – деревенские ласточки строят гнезда в домах; *хомус татыйыга* ‘тростниковая овсянка’ – населяет кустарниковые и тростниковые заросли по берегам различных водоемов и др.

В алтайском языке найдено 23 составных орнитонимов, указывающих место пребывания: *суучы мүркүт* ‘скопа’ – держится у рыбных водоемов с прозрачной спокойной водой; *чөл јоло* ‘степной лунь’ – обитает в различных вариантах степей с включением более увлажненных участков; *кайа күүле* ‘скалистый голубь’ – поселяется на скалах, выходящих среди лесных массивов, хотя на деревья он никогда не садится; *сасчы үкү* ‘болотная сова’ – гнездится в низменных влажных местах, обыкновенно по окраинам болот; *јараттай карлагаш* ‘береговушка’ – обитает вдоль обрывистых берегов рек с достаточно мягким грунтом, на открытых лугах, у песчаных или щебёночных карьеров, недалеко от водоёмов; *јаланг чекчил куш* ‘луговой чекан’ – часто можно обнаружить на заливных лугах, пастбищах, болотах и пустошах; *агаш үренчи* ‘садовая овсянка’ – гнездятся на лесных опушках или на вырубках, поросших густой растительностью; *таскыл таан* ‘альпийская галка’ – гнездо устраивает в труднодоступных скалистых расщелинах и др.

3. Наименования птиц, образованные в соответствии с размером птиц. Сюда входит группа птиц, отличающихся по внешнему виду, а именно по большим и малым размерам.

В якутском языке имеются 35 составных названий птиц, мотивированных по их размерам: *улахан чуускун* ‘тулес’ – довольно крупный кулик: длина тела от 26 до 29 см, размах крыльев от 56 до 63 см, весом 170–320 гр; *кыра лопхойуут* ‘малый зуек’ – похож на галстучника, но мельче: длина крыльев – 106–120 см, масса – 31–47 гр; *улахан сар* ‘мохноногий курганник’ – похож на канюка, но заметно крупнее: масса тела самцов и самок около 1,5 кг; *кыра кураһал* ‘длиннохвостый поморник’ – самый мелкий из поморников: длина крыльев – 283–325 мм, масса – 260–317 гр; *орто турукаан* ‘гага очковая’ – достаточно крупная утка массивного телосложения, но несколько меньше гаги и гаги-гребенушки:

длина 51–58 см, вес около 1630 гр; *улахан чырылас* ‘толстоклювая камышевка’ – крупнее садовой камышевки: длина крыльев – 75–86 мм, масса – 26–29 гр. и др.

В алтайском языке представлено 12 составных орнитонимов, отличающихся по их большим и малым видам: *јаан албай* ‘чиж’ – немного крупнее пеночки: длина тела 11–14 см, крыло 7–8 см, а размах крыльев 19–23 см; *кичү мечиртке* ‘воробьиный сыч’ – самая мелкая сова размером со скворца; *огош аркачы* ‘ястреб-перепелятник’ – похож на перепелятника, но мельче: самец с дрозда, самка меньше голубя; *јаан үренчи көктөш* ‘большая синица’ – несколько больше по размерам своих соплеменниц: вес – 14–21 г, длина тела 13–17, длина крыльев – 7–8, размах – 22–26 см; *оскус уул* ‘сова-сплюшка’ – миниатюрная сова, которую за элегантный вид именуют «маленьким герцогом», сыном филина; *јаан јыткуш* ‘чомга’ – крупная поганка, длина ее тела достигает 50 мм, они лишь немного меньше кряквы и др.

В якутском языке размеры птиц определены такими именами прилагательными, как *кыра* ‘маленький’ (18), *улахан* ‘большой’ (11), *бытта* ‘маленький’ (2) и *орто* ‘средний’ (1). А в алтайском языке представлены компонентами *јаан* ‘большой’ (6), *кичү* и *огош* ‘маленький’ (4).

4. Наименования птиц, указывающие на особенности частей тела и внешнего вида. Эта группа является одной из самых интересных номинаций, которая обозначает особенный внешний вид птиц.

В якутском языке найдено 22 составных орнитонимов, характеризующихся своеобразным внешним видом: *сыа муруннаах турукаан* ‘гага гребенушка’ – у самца над клювом нарост-гребень с жировой основой; *чобулдан чырыт* ‘круглоносый плавунчик’ – имеет большой светящийся яркой точкой глаза; *эһэ барааба* ‘турухтан’ – в брачный период из перьев komponуются красивые уши, как у медведя; *көбүллээх кыырт* ‘хохлатый осоед’ – на голове имеется хорошо развитый хохол; *муостаах күөрэгэй* ‘рогатый жаворонок’ – отличается наличием “рожков” на голове – длинные тонкие черные перья; *токур тумус* ‘пищуха’ – имеет длинный, тонкий, изогнутый вниз клюв; *атырдьах кутурук* ‘речная крачка’ – отличается тем, что имеет длинный белый вильчатый хвост и др.

В алтайском языке всего 8 составных слов, обозначающих названия птиц по особенностям частей тела: *коокый кас* ‘гусь’ – птица с длинной стройной шеей; *шыйрак шонгор* ‘сапсан’ – на ноге внутренний палец значительно короче наружного, средний палец длиннее цевки; *кулакту үкү* ‘ушастая сова’ – отличается от болотной совы большими ушными пучками, состоящими из 6 перьев; *кыл куйрук* ‘шилохвостка’ – отличается очень острым хвостом; *тас куш* ‘черный гриф’ – почти голая, покрытой лишь пухом, голове и голой шее, окруженной “воротником” из длинных заостренных перьев; *теке муус* ‘чибис’ – имеет длинный, тонкий хохол, похожий на рожки и др.

И в якутском, и в алтайском языках можно подметить, что определяющие слова, образованные от имени существительного и имени прилагательного, внутри данной номинации используются минимум два раза, тем самым показывая особенность птиц.

5. Наименования птиц, обозначающие характер звуков, издаваемых птицами.

В якутском языке выявлено 14 наименований, определенных воспроизведением различных звуков: *чардырбас чөркөй* ‘чирок-трескунок’ – характерный сухой раскатистый треск (визгливый голос), передаваемый как «чарт-чарт»; *куллурбас иһиирэм* ‘песочник красношейка’ – издает глухие гортанные звуки; *чырылыаха иһиирэм* ‘длиннопалый песочник’ – имеет приглушенно-журчащий голос; *чылыгыныар иһиирэм* ‘белохвостый песочник’ – говорит быстро тонким писклявым голосом; *кэһиэх иһиирэм* ‘песчанка’ – голос при тревоге – короткое “вик-вик”, в брачном полете – хриплое “трр-тррр”; *туйаарар күөрэгэй* ‘степной конек’ – однообразное щебетание “три-иа-иа, три-иа-иа-иа”; *тыллаах чыгычаах* ‘чечевица’

– песня состоит из свистов, звучащих как “витю-витю”, крик – негромкое “чуй-и”; *иһиирэр түүннү чыычаах* ‘соловей свистун’ – певчая птица, свистящая по ночам в лесу и др.

В алтайском языке найдено 3 названия птиц, отличающихся по голосу, крику и пению: *кол буказы* ‘выпь’ – у нее громкий голос, напоминающий рёв быка; *түлей күүк* ‘глухая кукушка’ – крик этого вида глуше, чем чистое «ку-ку» обыкновенной кукушки: крик самца можно передать скорее, как глуховатое, низкое «уу-ту-ту уу-ту уу-ту», а самки – резкий, отрывистый крик; *кожонды боро бачыртка* ‘певчий дрозд’ – песня певчего дрозда считается очень красивой: размеренная, неторопливая, звонкая, продолжительная, состоит из низких свистов и коротких трелей, почти каждый элемент песни обычно повторяется 2–4 раза.

Отметим, что некоторые орнитонимы якутского языка этой группы образованы от звукоподражательных слов.

6. Наименования птиц, указывающие характерные действия и поведения. В эту группу входят названия птиц, характеризующие образ жизни разных видов: как добывают корм, как передвигаются, какие привычки имеют, как строят гнезда и т. д.

В якутском языке имеются 13 орнитонимов, отличающихся от других видов своим поведением: *ангала буурбаһыт* ‘глупыш’ – является излишне доверчивой птицей, почти совсем не боится людей; *обот үгүрүө* ‘вальдшнеп’ – имеет чрезмерное желание есть, жадность и ненасытность; *умсар чыычаах* ‘оляпка’ – в отличие от других птиц, корм добывает, ныряя под воду; *өрт турааба* ‘грач’ – весной прилетает раньше всех, во время весеннего пала; *төгүрук уйалаах* ‘крапивник’ – для нескольких самок один самец строит на ветвях, невысоко над землей несколько шарообразных с боковым входом гнезда; *сурулаа үгүрүө* ‘бекас’ – производит жужжащий, непрерывный шум при быстром падении с высоты; *чын-дайы куобас* ‘рогатая поганка’ – плывущая птица держит голову чуть откинутой назад, выпрямляясь; *көстүбэт чыычаах* ‘славка завирушка’ – летит настолько быстро, что люди не успевают четко разглядеть и др.

В алтайском языке представлено 10 наименований птиц, мотивированных характерными действиями: *јаман куш* ‘удод’ – у птенцов удода и у самки в период насиживания яиц копчиковая железа вырабатывает особую чёрно-коричневую жидкость с весьма неприятным запахом; *кудай куш* ‘голубь’ – когда нужно приостановить стремительное движение, голубь раскрывает хвост «бабочкой», своеобразно тормозя в воздухе и паря на месте; *бүрүнкүй куш* ‘козодой’ – активен с наступлением темноты и до рассвета, охотится как на кормовой территории, так и далеко за её пределами; *бијеечи чекчил куш* ‘каменка-плясунья’ – передвигается бегом, осматриваясь часто принимает вертикальную позу, и по трясогузочьи покачивает задней частью тела; *кедей куш* ‘оляпка’ – из отряда воробьиных птиц оляпка единственная, способная нырять от 1 до 15 метров, чтобы добыть корм; *тегерик борбыйак* ‘пухляк’ – название пухляк получила за манеру сильно распушать оперение в ненастную погоду и др.

7. Наименования птиц, указывающие объект питания. Названия птиц этой группы отличаются по употребляемой пище или объекту охоты. Рацион составляют рыбы, маленькие птицы, насекомые и семена различных злаков.

В якутском языке найдено 8 составных орнитонимов, определяющихся по объекту питания и охоты: *кусчут кыырт* ‘болотный лунь’ – часто отлавливает молодых и взрослых ондатр, уток и куликов; *балыксыт чыычаах* ‘зимородок’ – основу питания составляет мелкая рыба; *тиит ымыыта* ‘белокрылый клест’ – основу питания составляют семена ели и лиственницы; *улар кыырта* ‘тетеревятник’ – ястреб, рацион которого обычно составляют заяц-беляк, тетерев, куропатка; *искэх сиэччи* ‘кукша’ – основу питания составляют насекомые, их личинки, семена растений, также питается яйцами мелких птиц, икрой рыб;

көтөр кыырда ‘сокол-дербник’ – основной добычей выступают чеканы, каменки, коньки, трясогузки, жаворонки и мелкие представители воробьиного семейства; *харыйа ымыыта* ‘клест’ – основу рациона составляют семена ели; *чыычаах кыырда* ‘ястреб-перепелятник’ – их добычей являются птицы малой и средней величины.

В алтайском языке всего 5 названий птиц, мотивированных по употребляемой пище: *балыкчы куш* ‘крохаль’ – кормится мелкой рыбой, ныряя за ней на глубину до 4 м; *каттын бачырткызы* ‘рябинник’ – зимой рябинники слетаются полакомиться зрелыми ягодами: рябиной, боярышником, облепихой, шиповником, можжевельником, барбарисом; *аштын үрэнчизи* ‘овсянка’ – основной корм взрослых семена различных сорняков, трав и злаков, иногда зеленая часть растений, птенцы же питаются гусеницами, мелкими саранчами, крупными комарами-долгоножками и ктырями; *түн чычканчы* ‘чеглок’ – в сумерки кормится летучими мышами; *секчи куш* ‘ворон’ – ключевое значение в рационе занимает труп животного.

В якутском и алтайском языках отмечаются одинаковые орнитонимы, получившие название по объекту питания, но отличающиеся своим родовым понятием: в як. яз. *балыксыт чыычаах* ‘зимородок’; в алт. яз. *балыкчы куш* ‘крохаль’.

Словообразовательные структуры составных орнитонимов в якутском и алтайском языках

По способу образования в якутском и алтайском языках можно выделить такие составные орнитонимы:

1. составные орнитонимы, построенные на примыкании. Прослеживаются следующие двухкомпонентные модели: в якутском языке – модель *прилагательное (прил.) + существительное (сущ.)* (*эриэн түөс* ‘белолобый гусь’, *хара көбөн* ‘черная кряква’, *чардырбас чөркөй* ‘чирок-трескунок’, *токур тумус* ‘пищуха’, *көбүллээх кыырт* ‘хохлатый осоед’, *ала боруллуу* ‘белоплечий орлан’, *уһун кутурук* ‘длиннохвостая синица’ и др.); модель *сущ. + сущ.* (*алтан харах* ‘пискулька’, *күүс чөкчөнө* ‘черныш’, *обот үгүрүү* ‘вальдшнеп’, *хаар эбэ* ‘белая сова’, *тойон ымыы* ‘шур’, *киргил кинээс* ‘желна’, *атырдьах кутурук* ‘речная крачка’, *куйуур айах* ‘розовый пеликан’ и др.); модель *причастие (прич.) + сущ.* (*туйаарар күүрэгэй* ‘степной конек’, *умсар чыычаах* ‘оляпка’, *көстүбэт чыычаах* ‘славка завирушка’, *ыллыыр чыычаах* ‘вьюрок’); модель *прил. + прил.* (*төгүрүк уйалаах* ‘крапивник’, *улахан уйалаах* ‘скопа’, *түгнэри уйалаах* ‘пеночка весничка’); в алтайском языке – модель *прил. + сущ.* (*кара чилен* ‘черный аист’, *коокый кас* ‘гусь’, *боро кушкаш* ‘воробей’, *јеерен јыткуш* ‘красношейная поганка’, *јерлик өртөк* ‘свизь’, *сасчы үкү* ‘болотная сова’, *јажыл јинјилей* ‘зеленая пеночка’ и др.); модель *сущ. + сущ.* (*кыл куйрук* ‘шилохвостка’, *кудай куш* ‘голубь’, *теке мүйс* ‘чибис’, *јолду үкү* ‘ястребиная сова’, *шыйрак шонгор* ‘сапсан’, *караду түггейчи* ‘черногорлая завирушка’ и др.); модель *прил. + прил.* (*торко сары* ‘иволга’, *кышкы сары* ‘мохноногий канюк’, *килин кара* ‘клушица’); модель *прич. + сущ.* (*кедей куш* ‘оляпка’, *кудай куш* ‘голубь’);

– трехкомпонентные модели: в якутском языке – модель *прил. + прил. + сущ.* (*үрүн моойдоох куоҕас* ‘белошейная гагара’, *хара тумустаах хаас* ‘сухонос’, *үрүн харахтаах ханай* ‘белоглазая чернеть’, *ала түөстээх иһиэрэм* ‘чернохобик’ и др.); *прил. + прил. + прил.* (*улахан түгнэри уйалаах* ‘пеночка таловка’, *күөх түгнэри уйалаах* ‘зеленая пеночка’, *кыра түгнэри уйалаах* ‘пеночка зарничка’, *борон түгнэри уйалаах* ‘бурая пеночка’); модель *сущ. + прил. + сущ.* (*сыа муруннаах турукаан* ‘гага гребенушка’, *ачаах кутуруктаах хопто* ‘вилохвостая чайка’, *тиинг сангыяхтаах чычып-чаап* ‘сероголовая гаичка’); модель *сущ. + сущ. + сущ.* (*буор атах анды* ‘синьга’, *хаһа саал атах* ‘серощекая поганка’);

модель *прил. + суц. + суц.* (*арабас түөс татыйык* ‘овсянка дубровник’, *ала түөс бараах* ‘песочник-чернозобик’); модель *числ. + прил. + суц.* (*үс тарбахтаах хопто* ‘моевка’); модель *прич. + прил. + суц.* (*иһиирэр түүннү чыычаах* ‘соловей свистун’); в алтайском языке – модель *прил. + прил. + суц.* (*кара төбитү турна* ‘журавль-красавка’, *кичү чоокыр томыртка* ‘малый пестрый дятел’, *кара чекчил куш* ‘черноголовый чекан’, *кызыл мойынду бачырткы* ‘краснозобый дрозд’ и др.); модель *суц. + прил. + суц.* (*јалан чекчил куш* ‘луговой чекан’, *бијеечи чекчил куш* ‘каменка-плясунья’, *бажы боро борбыйак* ‘сероголовая гаичка’, *кожонды боро бачыртка* ‘певчий дрозд’); модель *прил. + суц. + суц.* (*јаан ток-пок јаак* ‘лесной дупель’, *ак белдү томыртка* ‘белоспинный дятел’, *јаан үренчи көктөш* ‘большая синица’);

– четырехкомпонентные модели: в якутском языке – модель *прил. + прил. + прил. + суц.* (*кыһыл моойдоох түүннү чыычаах* ‘соловей красношейка’, *күөх моойдоох түүннү чыычаах* ‘варакушка’); модель *прил. + прил. + прил. + прил.* (*хара атахтаах түгнэри уйалаах* ‘пеночка теньковка’, *эриэн төбөлөөх түгнэри уйалаах* ‘корольковая пеночка’); в алтайском языке – модель *прил. + прил. + прил. + суц.* (*кара чоокыр јаан томыртка* ‘большой пестрый дятел’), модель *прил. + прил. + суц. + суц.* (*ак кабакту суу караачы* ‘хрустан’);

2. составные орнитонимы, построенные по изафетной конструкции, где связь между компонентами осуществляется при помощи аффикса принадлежности (с афф. принадл.) –*та, –а* (в якутском языке), –*зы, –ы* (в алтайском языке):

– двухкомпонентные модели: в якутском языке – модель *суц. + суц. с афф. принадл.* (*бэс тонсобойо* ‘пестрый дятел’, *хаар чооруоһа* ‘пепельная чечетка’, *ыарба татыйыга* ‘овсянка крошка’, *өрүс улуна* ‘длинноносый крохаль’, *үөт мэкчиргэтэ* ‘мохноногий сыч’, *дьэ хараначчыта* ‘воронок’, *көтөр кырыда* ‘сокол-дербник’ и др.); в алтайском языке – модель *суц. + суц. с афф. принадл.* (*кырдын јелечизи* ‘горная трясогузка’, *мөштин үренчизи* ‘клевт-еловик’, *аштын үренчизи* ‘овсянка’, *кол буказы* ‘выпь’, *тенгерининг текези* ‘бекас’, *каттын бачырткызы* ‘рябинник’ и др.);

– трехкомпонентные модели: в якутском языке – модель *прил. + суц. + суц. с афф. принадл.* (*мангаас сылгы чыычааба* ‘желтоголовая трясогузка’, *кыра өрт турааба* ‘даурская галка’); модель *суц. + прил. + суц. с афф. принадл.* (*өлөҥ улахан чыычааба* ‘певчий сверчок’, *өлөҥ кыра чыычааба* ‘пятнистый сверчок’); модель *суц. + суц. с афф. принадл. + суц. с афф. принадл.* (*хайа сылгытын чыычааба* ‘горная трясогузка’); в алтайском языке – модель *суц. + прил. + суц. с афф. принадл.* (*тайганын кызыл кужы* ‘щур’);

– четырехкомпонентная модель: в алтайском языке – модель *суц. + прил. + прил. + суц. с афф. принадл.* (*састын јаман үндү кужы* ‘большая выпь’).

В основном таким способом образуются сложные орнитонимы, названные по месту обитания и гнездования: *муора ханайа, хонуу бочугураһа, таас лоокуута, уу чырыта, курун дьизэрэнэ, күөл хоптото, бэс тонсобойо, мас күөрэгэйэ, хаар чооруоһа, кырдын јелечизи, мөштин үренчизи, тенгерининг текези, тайганын кызыл кужы* и др.;

3. составные орнитонимы, построенные на подчинительной связи управления. Такие орнитонимы отмечаются только в якутском языке: модель *суц. в винительном падеже + суц. на –ааччы (искэх сиэччи* ‘кукша’, *уот ылааччы* ‘болотная сова’). Помимо них наблюдается трехкомпонентное название птицы, образованное способами управления и примыкания: модель *суц. + прич. + суц.* (*сиик түһэрэр чыычаах* ‘малая пестрогрудка’).

В алтайском языке встречаются несколько примеров словосложения, широко применяемого в русской терминологии как терминообразующий способ: *кызылбаиш* ‘красноголовый нырок’, *көкмөйүн* ‘варакушка’, *кызылтөш* ‘снегирь’, *сарытөш* ‘большая синица’.

Заключение

В результате исследования составных орнитонимов в якутском и алтайском языках нами выявлено 7 основных групп по мотивационным признакам. Самыми значительными признаками, положенными в основу наименования составных орнитонимов, оказались цвет оперения, место обитания и гнездования, величина, особенности частей тела, звукоподражание, характерные действия и объект питания.

Большинство составных орнитонимов в якутском и алтайском языках строится на приимкании, они представлены двух-, трех- и четырехкомпонентными сочетаниями. Двухкомпонентные орнитонимы многочисленны и являются исходными для остальных многокомпонентных наименований. Как в якутском языке, так и в алтайском языке характеризуются безаффиксной атрибутивной репрезентацией, поэтому чаще всего в качестве производящего выступают сочетания существительного с прилагательным.

Немалая часть составных орнитонимов в якутском и алтайском языках образуются с помощью формы притяжения (*суц. + суц. с афф. принадл.*). В якутском языке отмечаются примеры составных орнитонимов, образованных способом управления. А в алтайском языке прослеживаются примеры словосложения.

Анализ и систематизация данных в настоящей работе имеют практическое значение, которое заключается в том, что достигнутые результаты могут быть использованы при конкретизации и упорядочивании якутской и алтайской зоонимической терминологии.

Литература

1. Симакова, О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков) : специальность 10.02.01 «Русский язык» ; 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Симакова Ольга Борисовна. – Орел, 2004. – 28 с.
2. Ишбердин, Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах : специальность 10.02.02 «Языкознание. Языки народов РФ (башкирский язык)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ишбердин Эрнст Файзрахманович. – Уфа, 1970. – 24 с.
3. Базарова, Д. Х. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка / Д. Х. Базарова. – Ташкент : Фан, 1978. – 224 с.
4. Юсифов, Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов) : специальность 10.02.02 «Языкознание. Языки народов РФ (азербайджанский язык)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Юсифов Юсиф Годжа оглы. – Баку, 1985. – 166 с.
5. Сафина, Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование / Э. И. Сафина. – Казань : Дом печати, 2006. – 160 с.
6. Ерленбаева, Н. В. Способы образования орнитологической лексики в алтайском языке и его диалектах / Н. В. Ерленбаева, А. В. Киндикова // Мир науки, культуры, образования, 2019. – № 6 (79). – С. 565–567.
7. Чайчина, Е. В. Образование сложных слов с общей семантикой названий птиц на основе атрибутивных отношений компонентов в алтайском языке / Е. В. Чайчина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета : Филологические науки, 2020. – № 5 (148). – С. 125–128.
8. Алтайско-русско-английский словарь орнитонимов / составители Н. В. Ерленбаева, А. Н. Конунова, С. Б. Сарбашева. – Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2019. – 91 с.
9. Сидоров, Б. И. Знаете ли вы птиц Якутии? : справочник-определитель / Б. И. Сидоров. – Якутск : Бичик, 2005. – 96 с.
10. Находкин, Н. А. Птицы Якутии : полевой справочник / Н. А. Находкин, Н. И. Гермогенов, Б. И. Сидоров. – Якутск : Октаэдр, 2008. – 384 с.
11. Торбоков, Т. Звери и птицы Алтая : справочник-определитель (на алт.) / Т. Торбоков. – Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2020. – 214 с.

12. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 14 / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2017. – 589 с.
13. Алтайско-русский словарь / составители А. Э. Чумакаев, Н. В. Екеев, А. Н. Майзина [и др.]. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. – 936 с.

References

1. Simakova, O. B. Leksiko-semanticheskaya grupa «Ornitonimy» (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov) : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyk» ; 10.02.19 «Teoriya yazyka» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Simakova. Ol'ga Borisovna. – Orel, 2004. – 28 s.
2. Ishberdin, E. F. Nazvaniya zhyvotnyh i ptic v bashkirskih govorah : special'nost' 10.02.02 «Yazykoznanie. Yazyki narodov RF (bashkirskij yazyk)» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Ishberdin Ernst Fajzrahmanovich. – Ufa, 1970. – 24 s.
3. Bazarova, D. H. Istoriya formirovaniya i razvitiya zoologicheskoy terminologii uzbekskogo yazyka / D. H. Bazarova. – Tashkent : Fan, 1978. – 224 s.
4. YUsifov, YU. G. Zoologicheskaya leksika azerbajdzhanskogo yazyka (na osnove ornitonimov) : special'nost' 10.02.02 «Yazykoznanie. Yazyki narodov RF (azerbajdzhanskij yazyk)» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / YUsifov YUsif Godzha ogly. – Baku, 1985. – 166 s.
5. Safina, E. I. Nazvaniya ptic v tatarskom yazyke i ih leksikografirovanie / E. I. Safina. – Kazan' : Dom pechati, 2006. – 160 s.
6. Erlenbaeva, N. V. Sposoby obrazovaniya ornitologicheskoy leksiki v altajskom yazyke i ego dialektah / N. V. Erlenbaeva, A. V. Kindikova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2019. – № 6 (79). – S. 565–567.
7. CHajchina, E. V. Obrazovanie slozhnyh slov s obshej semantikoj nazvanij ptic na osnove atributivnyh otnoshenij komponentov v altajskom yazyke / E. V. CHajchina // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta : Filologicheskie nauki, 2020. – № 5 (148). – S. 125–128.
8. Altajsko-russko-anglijskij slovar' ornitonimov / sostaviteli N. V. Erlenbaeva, A. N. Konunova, S. B. Sarbasheva. – Gorno-Altajsk : BIC GAGU, 2019. – 91 s.
9. Sidorov, B. I. Znaete li vy ptic YAkutii? : cpravochnik-opredelitel' / B. I. Sidorov. – YAkutsk : Bichik, 2005. – 96 s.
10. Nahodkin, N. A. Pticy YAkutii : polevoj spravochnik / N. A. Nahodkin, N. I. Germogenov, B. I. Sidorov. – YAkutsk : Oktaedr, 2008. – 384 s.
11. Torbokov, T. Zveri i pticy Altaya : spravochnik-opredelitel' (na alt.) / T. Torbokov. – Gorno-Altajsk : Altyn-Tuu, 2020. – 214 s.
12. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 14 / Pod redakciej P. A. Slepцова. – Novosibirsk : Nauka, 2017. – 589 s.
13. Altajsko-russkij slovar' / sostaviteli A. E. CHumakaev, N. V. Ekeev, A. N. Majzina [i dr.]. – Gorno-Altajsk : NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2018. – 936 s.

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-24-31

УДК 821.512.157(347.78.034)

Типы стилистических ошибок в переводной сказке (на материале книги «Х. К. Андерсен. Остуоруйалар» в переводе В. С. Федорова-Сэмээр Басылая)

*Н. А. Ефремова, А. Н. Платонова*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: Enadin1979@mail.ru, al3na.p@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены типы стилистических ошибок, допущенных при переводе литературной сказки с русского на якутский язык, приведены примеры из переводного текста, выполненного якутским переводчиком В. С. Федоровым-Сэмээр Басылаем в 1983 г. Оригиналом для сличения с переводным текстом послужили сказки, переведенные на русский язык супругами Ганзен, знаменитого датского писателя Х. К. Андерсена «Дикие лебеди», «Огниво», «Стойкий оловянный солдатик», «Свинья-копилка», «Гадкий утенок», «Снежная Королева», «Соловей», «Девушка-пастушка и трубочист», «Старый дом», «Волшебный холм», «Летающий сундук», «Дюймовочка». Использован сопоставительно-описательный метод с применением классификации стилистических ошибок, допускаемых в якутском языке при переводе художественного текста. Методологическую базу данного исследования составили труды отечественных исследователей И. Б. Голуб, Г. Я. Солганика в области стилистики и культуры речи русского языка, а также учебные издания на якутском языке Т. И. Петровой, А. А. Васильевой, Н. А. Ефремовой. Авторами дана объективная оценка качеству перевода текста на якутском языке, на основе анализа выявлены следующие виды стилистических ошибок в переводном тексте: 1) на лексическом уровне (путаница в значении слова, избыточность, недостаточность слова, нарушение узуальной и литературной нормы, искажение фразеологизмов, вкрапление канцеляризмов); 2) на грамматическом уровне (добавление неуместных аффиксов); 3) на синтаксическом уровне (нарушение порядка слов в предложении).

Ключевые слова: литературная сказка, сказки зарубежных писателей, художественный перевод, оригинал текста, якутский язык, типы стилистических ошибок, засорение лексики, речевая избыточность, недостаточность, нарушение узуса, литературной нормы, искажение фразеологизмов, вкрапление канцеляризмов.

Для цитирования: *Ефремова Н. А., Платонова А. Н.* Типы стилистических ошибок в переводной сказке (на материале книги «Х. К. Андерсен. Остуоруйалар» в переводе В. С. Федорова-Сэмээр Басылая) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-24-31.

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПЛАТОНОВА Алёна Николаевна – студент, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

PLATONOVA Alyona Nikolaevna – student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Types of stylistic errors in a translated fairy tale: the case of the book “Hans Christian Andersen. Ostuorujalar” translated by V. S. Fedorov – Sameer Basyalai

N. A. Efremova, A. N. Platonova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: Enadin1979@mail.ru, al3na.p@mail.ru

Abstract. The article reveals the types of stylistic errors made when translating a literary fairy tale from Russian into the Yakut language; examples are given from the translated text made by the Yakut translator V. S. Fedorov – Sameer Basyalai in 1983. As the source text for the comparison, we used Russian translations made by the Hansen spouses of the fairy-tales by famous Danish writer Hans Christian Andersen: “Wild Swans”, “Flint”, “Steady Tin Soldier”, “Piggy Bank”, “Ugly Duckling”, “Snow Queen”, “Nightingale”, “Shepherd Girl and Chimney Sweep”, “Old House”, “Magic Hill”, “Flying Chest”, and “Thumbelina”. A comparative and descriptive method was used with the use of the classification of stylistic errors made in the Yakut translation. The methodological basis of this study was the work of Russian researchers I. B. Golub and G. Y. Solganika in the field of stylistics and culture of speech of the Russian language, as well as educational publications in the Yakut language by T. I. Petrova, A. A. Vasilyeva, and N. A. Efremova. The authors gave an objective assessment of the quality of the translation of the text in the Yakut language, based on the analysis, the following types of stylistic errors in the translated text were identified: 1) at the lexical level (confusion in the meaning of the word, redundancy, insufficiency of the word, violation of the usual and literary norms, distortion of phraseological units, interspersed with clericalisms); 2) at the grammatical level (adding inappropriate affixes); 3) at the syntactic level (violation of the order of words in a sentence).

Keywords: literary fairy tale, fairy tales of foreign writers, literary translation, original text, Yakut language, types of stylistic errors, clogging of vocabulary, verbal redundancy, insufficiency, violation of the usage, literary norm, distortion of phraseological units, interspersed with clericalisms.

For citation: *Efremova: N. A., Platonova A. N.* Types of stylistic errors in a translated fairy tale (Based on the book “H.K. Andersen. Ostuorujalar” translated by V.S. Fedorov-Sameer Basyalai) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-24-31.

Введение

Перевод литературных авторских сказок на якутский язык начался еще в 30-х гг. прошлого столетия. Знаменитые на весь мир сказки таких зарубежных писателей, как братья Гримм, Перро, Гауф, Андерсен интересовали первых якутских писателей и переводчиков П. Ойунского, А. Софронова, Н. Павлова, И. Винокурова, Ф. Софронова, Н. Канаева, Г. Тарского и др. Несколько переводов сказок братьев Гримм вошли в первую якутскую азбуку С. А. Новгородова.

Самым востребованным писателем среди советского читателя является Х. К. Андерсен, живший в эпоху Фредерика VI в Копенгагене. На протяжении всей своей жизни он написал 3342 литературных произведения, в число которых входят пьесы, драмы, романы, фантастические рассказы, которых мы называем волшебными сказками. Его произведения «Снежная королева», «Гадкий утенок», «Русалочка», «Огниво», «Дюймовочка», «Принцесса на горошине», «Новое платье короля», «Дикие лебеди», «Стойкий оловянный солдатик», «Свинопас» были переведены на многие европейские язык, были пересказаны и на русский язык. Отмечают, что 156 сказок Андерсена «заговорили» на ста разных языках всего мира.

Известно, что в 1930-1940 гг. в Советском Союзе переводом сказок зарубежных писателей на русский язык занимались молодые писатели и переводчики «маршакской редакции»: М. Ступинской, А. Тихонов, И. Татаринова, М. Салье, Н. Касаткина, С. Апт, Г. Шалаева, Н. Полевой, Э. Иванова, Л. Яхнин, Н. Преображенская, С. Кузьмин, А. Аль-

никин, В. Найденов, Н. Полевой, А. Веркин, А. Введенский, Ю. Коринец, С. Апт, Т. Габбе, А. Любарская, Г. Джаладян, Б. Прозорова, О. Расщепкина, Л. Яхнин, В. Гетцель, А. Альникин, С. Кузьмин, Н. Полевой, А. Веркин, М. Коренева, А. Ломаев и др.

О переводе на русский язык сказок Х. К. Андерсена

Переводом андерсеновских сказок на русский язык занялись супруги П. и А. Ганзен еще в 1894-х гг. Именно их перевод считается классическим среди других переводов. Датско-русская супружеская пара хорошо владела скандинавскими языками и издала полное собрание сочинений Андерсена в 4-х томах, куда вошли сказки, рассказы, новеллы [1]. Зачитываясь подлинником, переводчики обратили внимание на идею создания волшебных сказок. Вот что пишут они в предисловии данного сборника: «... сказки и рассказы Андерсена тем именно и замечательны, что дают пищу уму, сердцу и воображению читателей всех возрастов. Дети, конечно, главным образом увлекаются самой фабулой, взрослые же поймут и оценят глубину содержания...».

Критики и литературоведы Л. Волобуева, И. Н. Пасечная, Б. Грэнбек отмечали воспитательную роль и значение сказок датского писателя Х. К. Андерсена в детской советской литературе: «Сказки Андерсена проникнуты подлинным гуманизмом, любовью к народу, к простым и особенно к бедным, забитым и страдающим людям. Сказки Х. К. Андерсена учат чуткости и доброжелательности в обращении с людьми. Доброе и чистое сердце простого человека в них противопоставляется черствости горделивой знати. Они дают большую пищу детскому воображению, учат детей наблюдать за окружающим, обращать внимание на незаметные предметы и явления и осмысливать их. Это лучше всего сделать, сопровождая чтение сказки краткой воспитательной беседой» [2].

Мы не можем оценивать качество перевода русского текста, т. к. не имеем возможности сравнить его с оригиналом. Однако смеем сказать несколько слов о речевой культуре текста сказок. На наш взгляд, переводчики руководствовались общими принципами, которых придерживались многие переводчики того времени. Что же они включают?

1. Точность. Переводчик обязан донести до читателя полностью все мысли, высказанные автором. При этом должны быть сохранены не только основные положения, но также нюансы и оттенки высказывания. Заботясь о полноте передачи высказывания, переводчик вместе с тем не должен ничего добавлять от себя, не должен дополнять и пояснять автора. Это было бы искажением текста оригинала.

2. Сжатость. Переводчик не должен быть многословным, мысли должны быть облечены в максимально сжатую и лаконичную форму.

3. Ясность. Лаконичность и сжатость языка перевода однако нигде не должны идти в ущерб ясности изложения мысли, легкости ее понимания. Следует избегать сложных и двусмысленных оборотов, затрудняющих восприятие. Мысль должна быть изложена простым и ясным языком.

4. Литературность. Как уже отмечалось, перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам русского литературного языка [3].

Переводы на якутский язык сказок Х. К. Андерсена

Первый перевод сказок Х.К. Андерсена был издан в 1937 году в Якутском книжном издательстве под названием «Сэһэннэр» в редакции Г. И. Поскачина, куда были включены переводы семи сказок «Сидьин кус оҕото», «Лүөн», «Бэһиэн биир лабааттан», «Уола Лукуойа», «Браахтааҕы сана ыраахыта», «Харыйа», «Оҕонньор онгорбута барыта үчүгэй» [4]. В этом же году вышла книга «Куһаҕан кусчаан» в переводе Г. М. Васильева [5]. За ним последовал перевод широкоизвестной сказки «Дюймовочка» («Сүүтүкчээн») в исполнении Н. П. Канаева [6]. Ранние переводы были напечатаны в новгородском алфавите

и хранятся в фонде Национальной библиотеки РС (Я). И только в 1983 году вышел сборник сказок Х.К. Андерсена «Остуоруйалар» в переводе В. С. Федорова-Сэмээр Басылая [7].

Перед тем как приступить к стилистическому анализу переводного текста сказок, нам следует разобраться с понятием «литературная сказка». Литературная сказка – это в принципе то же самое, что фольклорная сказка, но в отличие от народной, литературная сказка создана писателем и поэтому несет на себе печать неповторимой творческой индивидуальности автора [8].

Следует еще раз упомянуть, что языком оригинала для нас послужил текст, написанный на русском языке супругами Ганзен. Поэтому мы не можем утверждать, что перевод был выполнен с исходного оригинала, т. е. с датского языка. Справедливо признать, что русский язык послужил «языком-посредником» между двумя разными лингвокультурами.

Согласно Т. А. Казаковой, «переводчик создает не столько эквивалент оригинала, сколько его подобие, особый вид текста, призванный представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре... Переводчик предпринимает определенные действия, в основе которых лежит некая переводческая стратегия, обусловленная отчасти возможностями переводящего языка, переводящей культуры, а отчасти личными свойствами и предпочтениями переводчика» [9, с. 7]. Текст перевода должен быть не только смысловым подобием, он должен соответствовать актуальным требованиям аудитории языка перевода, которые меняются с течением времени.

Поиск нужного слова

Одной из наиболее важных задач переводчика – это поиск нужного слова, подходящего по контексту. Только при выборе правильного и стилистически оправданного слова можно достичь этой цели, например: ‘Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева’; *пер.*: Оннооѳор күүл быһытталаммыт мууһун кырамталара кытта үнкүүлээн экирээбиттэрэ, кинилэр сылайан сынһанаары тохтообуттарыгар, Хаар королева Кайга суруйтара сатыыр тыллара сааһылана түспүттэрэ [7, с. 75]. Как мы видим, переводчик допустил ошибку: неправильно перевел второй компонент слова ‘льдины’ *кырамта*. В Большом толковом словаре якутского языка кырамта означает: 1. звездочка у наконечника стрелы (эвф.); 2. косточки (обычно о мелких косточках конечностей) (эвф.); 3. останки людей, зверей, птиц; остатки, обломки костей; 4. *перен.* обломки, осколки каких-л. предметов (напр., утвари, орудий, техники) [10, с. 310]. Уместно использовать в данном случае в качестве второго компонента наряду со словом *муус кырыпахтара*. В доказательство можем привести несколько примеров словосочетаний: *хаар кырыпаба, кумах кырыпаба, сулус кырыпаба, таас кырыпаба*.

Лексическая сочетаемость

Самым резким нарушением законов «притяжения» слов является лексическая несочетаемость [11, с. 14]. В большинстве случаев, это объясняется неправильным употреблением многозначных слов. В тексте якутского перевода данный вид ошибки встречается довольно часто: ‘Ей разрешили стоять у входа большой просторной гостиной – теперь она не простая девушка, а повар дворца’; *пер.*: Дьадаҥы кыыс аанга турарын көнүллээбиттэрэ – аны кини таах кыыс буолбатах, аны кини дыбарыас повара [7, с. 82]. Вместо слова *таах* уместно использовать прилагательное *көннөрү*, т. к. слово “таах” используется как наречие вместе с глаголами, например, *таах сылдыар, таах сибиэ, таах этэбин*. Словосочетание ‘простая девушка’ на якутском можно перевести как көннөрү кыыс или боростуой кыыс, с учетом ее прежнего статуса во дворце.

Речевая недостаточность

Случайный пропуск слов, необходимых для точного выражения мысли также снижает качество перевода. Для переводчика важно, чтобы каждое слово автора, несущее какую-либо информацию, было передано читателям без искажений. ‘Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено пол королевства’; *пер.*: Балтылара Элиза, сизркилэ таас ыскамайайкаба олон эрэн, саарыстыбаларын *анарыгар атастанан* ылбыт ойуулаах кинигэлэрин көрөрө [7, с. 3]. Достоверный перевод данного предложения можно представить следующим образом: Балтылара Элиза, сизркилэ таас ыскамайайкаба олон эрэн, саарыстыбаларын *анарын сага сыанага атыллаһан* ылбыт ойуулаах кинигэлэрин көрөрө.

Речевая избыточность

Наряду с речевой недостаточностью существует и такой вид, как речевая избыточность, которая тоже приводит к абсурдности. Надо сказать, что речевая избыточность часто встречается в переводных текстах, т. к. переводчик каждый раз пытается полностью передать мысли автора, не проронив ни одного слова. ‘И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку’; *пер.*: Кэтээн сыппыт ньээнкэ эмээхсин, уну өгүпшэт саппыкыны кэтээт, экирэппитэ [7, с. 23]. Слово сочетание ‘непромокаемые сапоги’ можно перевести как уу саппыкыта (т. е. резиновые сапоги, которые не моknут в луже).

Нарушение узуса

Узус – языковой обычай, речевой обиход, практика использования тех или иных языковых средств [12]. Узус воспринимается как традиция, обычай в разговорном языке, поэтому носители любого языка придерживаются его. Замена узуса другим словосочетанием также относится к речевым ошибкам. Приведем пример замены узуса: ‘Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней’; *пер.*: Киэргэппиттэрин кэннэ Элиза мэктиэтигэр киһи хараба саатар үчүгэй дьүһүннэммитэ [7, с. 14]. В якутском языке принято говорить о чем-то прекрасном, красивом «киһи хараба халтарыйар үчүгэй, кэрэ». Переводчик этого не учел, перевел дословно. Приведем еще один пример подобной ошибки: ‘Он же ходит по белу свету и рассказывает сказки, только уж не такие веселые, как была его первая сказка о серных спичках’; *пер.*: Уол буоллабына сири-дойдуну кэрийэ сылдьан остуоруйалыыр дьарыктаммыт. Ол эрэри сана остуоруйалара били испиискэ туһунан остуоруйаба тийибэт эбиттэр [7, с. 118]. Вместо «остуоруйалыыр дьарыктаммыт» правильнее сказать: остуоруйа кэпсиир идэлэммит.

Искажение фразеологизмов

Использование фразеологизмов при переводе требует хорошего знания языка переводящего и переводимого. Найти адекватную замену устойчивым выражениям не всегда удается. Существует несколько способов передачи фразеологических единиц в переводе. Уместное использование фразеологизмов в переводе художественного текста компенсирует потерю в некотором смысле. Рассмотрим примеры из текста сказки «Снежная королева»: ‘Кай громко закричал – никто не услышал его!’; *пер.*: Кай туох баарынан хаһытаабыта да, ким да хардарбатаба [7, с. 52]. В обоих переводах можно было передать силу голоса испуганного мальчика фразеологизмами, которые есть в русском и якутском языках: ‘Кай закричал что есть силы’; *пер.*: Кай күөмэйин мунунан хаһытаабыта. Далее: ‘Много было пролито о нем слез; горько и долго плакала Герда’; *пер.*: Кай дьоно ытаспыттара, Герда эмиэ харабын уутун элбэхтик тохпуга [7, с. 54]. Данное предложение можно отредактировать следующим образом: ... Герда эмиэ харабын уутунан сууммуга.

Нарушение литературной нормы

Прежде чем анализировать перевод В. С. Федорова-Сэмээр Басылая на нарушение литературной нормы, нам предстоит заглянуть в орфографический словарь, изданный в 1980-е гг. К сожалению, литературная норма якутского языка формировалась вплоть до 2000-х гг., а правила орфографии менялись каждые 10 лет. Исходя из этого, нам не следует относиться столь принципиально к переводному тексту. Однако отметим некоторые случаи нарушения литературной нормы якутского языка: ‘Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты – пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит!’; *пер.*: Эйигин итиэрдилэр, бэйэлэригэр ыллылар, онон туох эмэ туһалаахха үөрэниэххин да сөп этэ. *Испр.*: ириэрдилэр. Следующий пример: ‘Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался’; *пер.*: Тумпаал саллаат улаханнык долгуйбута, ууллубут хорболдун курдук таммалыахча буолбут харабын уутун нэһииччэ кыатаммыта [7, с. 30]. *Испр.*: нэһиилэ. Элементы вкрапления разговорного стиля доказывает следующий пример: ‘Да, да! – сказала ведро и от удовольствия даже подпрыгнуло, плеснув на пол воду’; *пер.*: Ити кырдык! – диэт биэдэрэ, уута дьалкыйан муостаба тохтуор диэри, өр ойуоххалаабыта [7, с. 114]. *Испр.*: ойуоккалаабыта.

Вкрапление канцеляризмов

Элементы официально-делового стиля, введенные в стилистически чуждый для них контекст, называются канцеляризмами. Употребление их в художественном тексте делает речь невыразительной. Например: ‘Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным’; *пер.*: Дьахтар уурааһына муустааҕар тымнынан хаарыйбыта. Кай дэлби титирээбитэ, тымны муустуйбута быданнаабыт сүрээбэр тийэ киирбитэ [7, с. 53]. Данное предложение можно перевести следующим образом: Дьахтар уолу уураан ылбытыгар, Кай чэнгирэ мууһурбут сүрээбэр тийэ тымнынан хаарыйбыта. Канцелярскую окраску речи часто придают отглагольные существительные, образованные с помощью аффикса *-аһын*, которые распространены в современном якутском языке. Подобные стилистические ошибки приводят к разрушению синтаксического строя художественного текста: ‘Нет, нам одна дорога – пуститься по белу свету!’; *пер.*: Эн биһикки суолбут биир эрэ – аан дойдуну кэрийэ айаннааһын [7, с. 92]. Предлагаем отредактированный вариант данного предложения: Эн биһикки аан дойдуну арҕара айанныыр эрэ аналлаахпыт!

Неправильное употребление формы множественного числа

В отличие от русского языка в якутском языке существительное после числительного употребляется в форме единственного числа, например: *үс хатын* (три березы), *сэттэ кыталык* (семь стерхов). Такое оформление словосочетания в языке основано на том, что числительное больше единицы само дает достаточно ясное указание на множественность определяемого им существительного и не требует подтверждения этого грамматической формой множественного числа. Однако в последнее время под влиянием грамматики русского языка, в якутском языке к существительному часто добавляют форму множественного числа аффикс *-лар*, который не нужен. ‘Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери – старой оловянной ложке’; *пер.*: Хаһан эрэ сүүрбэ биэс кыракый тумпаал саллааттар баар буола сылдыбыттара [7, с. 26]. Исправленный вариант: Хаһан эрэ *хорболдун ньуоскаттан кутулубут сүүрбэ биэс* кыракый тумпаал саллаат олорбута эбитэ үһү.

Неправильная расстановка слов в предложении

Порядок слов играет немаловажную роль в предложении не только в структурном плане, но и в стилистическом. Синтаксическая стройность придает речи художественную вы-

разительность, а также несет смысловую нагрузку. При неправильной расстановке главных и второстепенных членов предложения, возникает логическая ошибка. Например: ‘На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев’; *пер.*: Уу кытыыга бырахпыт үүнээйилэрин кытта куба уон биир түүтэ сытара [7, с. 7]. Здесь речь идет об одиннадцати братьях-принцах, которые превратились в лебедей. Исходя из контекста можно перенести числительное уон биир перед существительным куба: Уу кытыыга бырахпыт үүнээйилэрин кытта уон биир куба түүтэ сытара.

Заключение

Речевая культура переводчика – это одно из самых важных проблем художественного перевода. Каждое слово переводчика должно быть «взвешено», отточено и проверено. Но бывают моменты, когда из-за уважения к автору, оригиналу текста переводчик, стараясь донести до читателя своеобразие и индивидуальность подлинника, переводит дословно, что приводит к самым нелепым стилистическим ошибкам. Чистота языка должна быть соблюдена в переводящем языке, а не в языке переводимом.

Переводы, выполненные В. С. Федоровым-Сэмээр Басылаем, можно оценивать как любительские. В ходе стилистического анализа текстов сказок с русского на якутский язык, нами выявлены следующие типы стилистических ошибок: 1) на уровне лексики (путаница в значении слова, избыточность, недостаточность слова, нарушение узальной и литературной нормы, искажение фразеологизмов, вкрапление канцеляризмов); 2) на уровне грамматики (добавление неуместных аффиксов); 3) на уровне синтаксиса (нарушение порядка слов в предложении). Все вышеуказанные ошибки искажают качество перевода, а также снижают уровень культуры речи языка саха в целом.

Но несмотря на речевые ошибки, переводчик выполнил ту сложную миссию, которая стояла перед писателями той поры – это обогащение фонда детской литературы на якутском языке переводной литературой маленьких советских граждан.

Литература

1. Собрание сочинений Андерсена. В 4-х томах, т.1 / Перевод с датского подлинника А. и П. Ганзенов. // Полное собрание сказок, рассказов и повестей. Часть 1. – Санкт-Петербург : Типо-литография монопечатная и переплетная С. И. Николаева, 1894.
2. Горький, А. М. Сказка жизни / А. М. Горький // М. Горький о детской литературе. – Москва, 2018.
3. Леденева, М. А. Особенности художественного перевода / М. А. Леденева. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2010. – 18 с.
4. Андерсиэн. Сэһэннэр. – Судаарыстыба Саха сиринээҕи бэчээттир суута. – Москуба ; Дьокуускай, 1937. – 56 с.
5. Куһаҕан кусчаан : кыра саастаахтарга / Г. Х. Андерсен ; Дь. Баһылайап тылбааһа; Э. Сопуонабын ойуулар. – Москуба ; Лиэньингыраат : Ыччат бүтүн Сойуустааҕы Лиэниннии коммуһуустуу сойууһун киин кэмитиэтэ, оҕо литэрэтиирэтин бэчээтэ, 1937. – 28 с.
6. Сүтүкчээн : ыра саастаахтарга остуоруйа / Г. Х. Андерсиэн ; М. Ханаайап тылбааһа ; П. Митурич ойуулар. – Москуба ; Лиэньингыраат : Ыччат бүтүн Сойуустааҕы Лиэниннии хомуньуустуу сойууһун киин кэмитиэтин, оҕо литэрэтиирэтин бэчээтэ, 1938. – 31 с.
7. Остуоруйалар : кыра оскуола саастаах оҕолорго / Х. К. Андерсен ; перевод с русского В. С. Федорова]. – Якутскай : Саха сиринээҕи кинигэ издательства, 1983. – 126 с.
8. Липовецкий, М. Н. Поэтика литературной сказки / М. Н. Липовецкий. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1992. – 184 с.
9. Казакова, Т. А. Художественный перевод : теория и практика : Учебник / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург : «ИнГязиздат», 2006. – 265 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыыта. К. Том V / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – С. 310.

11. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка. – Изд. 4 / И. Б. Голуб. – Москва : АйрисПресс, 2003. – 448 с.
12. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / Под общим руководством Л. Ю. Иванова [и др.]. – Москва : Флинта, Наука, 2003. – С. 723.
13. Андерсен, Х. К. Лучшие сказки Ханса Кристиана Андерсена / В переводе П. Г. и А. В. Ганзен. – Москва : Стрекоза, 2020. – 224 с.

References

1. Sbranie sochinenij Andersena. V 4-h tomah. Perevod s datskogo podlinnika A i P Ganzen. Tom pervyj. Polnoe sbranie skazok, rasskazov i povestej. Chast' 1. – Spb: Tipo-litografija monopečatnaja i perepletnaja S.I. Nikolaeva, 1894.
2. Gor'kij A.M. Skazka zhizni. M. Gor'kij o detskoj literature. M., 2018.
3. Ledeneva M. A. Osobennosti hudozhestvennogo perevoda. – SPb: SPbGJeU, 2010. – 18 s.
4. Andersijen. Sjhjennjer. – Sudaarystyba Saha sirinjeješi bjechjejettiir suuta. Moskuba, D'okuuskaj, 1937. – 56 s.
5. Kuhaḡan kuschaan: kyra saastahtarga / G.H. Andersen; D'. Bahylajap tylb.; Je. Sopusonabyn ojuulara. – Moskuba ; Lijen'ingyraat : Ychchat bytyn Sojuuustaagy Lijeninnii kommun'uustuu sojuuhun kiin kjemitijetje, oḡo litjerjetiirjetin pjechjejetje, 1937. – 28 s.
6. Sytykchjejen : [kyra saastahtarga ostuoruja] / G. H. Andjersijen ; M. Hanaajap tylb. ; P. Mituurich ojuulara. – Moskuba ; Lijen'ingyraat. : Ychchat bytyn Sojuuustaagy Lijeninnii homun'uustuu sojuuhun kiin kjemitijetin, oḡo litjerjetiirjetin bjechjejetje, 1938. – 31 s.
7. Ostuorujalar : kyra oskuola saastaah oḡolorgo / H.K. Andersen ; [per. s rus. V. S. Fedorova]. – Jakutskaj : Saha sirinjeješi kinigje izd-vota, 1983. – 126 s.
8. Lipoveckij M. N. Pojetika literaturnoj skazki. Sverdlovsk: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1992. – 184 s.
9. Kazakova T.A. Hudozhestvennyj perevod. Teorija i praktika. Učebnik. SPb: «In##jazizdat», 2006. – 265 s.
10. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaarylaah ulahan tyld'yta. K. Tom V / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – S. 310.
11. Golub I.B. Stilistika russkogo jazyka. Izd. 4. – M.: AjrisPressi, 2003. – 448 s.
12. Kul'tura russkoj rechi. Jenciklopedičeskij slovar'-spravochnik / Pod obshh. ruk. L.Ju. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shirjaeva. – M: Flinta, Nauka, 2003. – S. 723.
13. Andersen H.K. Luchshie skazki Hansa Kristiana Andersena / V perevode P.G. i A.V. Ganzen. – M.: Strekoza, 2020. – 224 s.

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-32-42

УДК 398.22

Сравнения в якутском эпосе (на примере олонхо северо-восточной традиции)

О. К. Павлова¹, С. Д. Джанызакова²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: olga-ksento@mail.ru

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье мы рассматриваем сравнения в якутском эпосе. Целью статьи является изучение поэтических средств в эпических текстах якутов, в частности сравнение в северо-восточной традиции олонхо якутов. В поэтике северо-восточной традиции олонхо выявлена тематическая классификация сравнений. Основой классификации служит объект сравнения, который в мыслительной деятельности слушателя олонхо был направлен на познание нового «незнакомомого». По тематическому принципу сравнения делятся на четыре группы: объекты, описывающие действия; природу; соматизмы; жилища и бытовые принадлежности, животных. Наиболее распространенной группой являются объекты сравнения, описывающие природу. Также разделили классификацию сравнений по двум критериям: по составу и по структуре. Сравнения по составу следует разделить на простые и сложные. Сложные сравнения дифференцируются как ступенчатые и множительные сравнения. Ступенчатые сравнения состоят из ряда простых сравнений, каждое из которых имеет свой объект и образ. Множительные сравнения с двумя, тремя компонентами повторяющихся сравнений, состоят из одного объекта и нескольких образов. Наиболее многочисленную часть представляют именно эти объекты сравнения. В каждом множительном сравнении объекты обычно выражаются однородными, семантически близкими сказуемыми, обозначающими действия персонажа. Сложные сравнения, последовательно раскрывающие ход действий, дополняют определенный образ.

Ключевые слова: эпическая традиция, эпос, эпические тексты, якутский олонхо, северо-восточная традиция якутов, сравнения, простые сравнения, сложные сравнения, ступенчатые сравнения, множительные сравнения.

Для цитирования: Павлова О. К., Джанызакова С. Д. Сравнения в якутском эпосе (на примере олонхо северо-восточной традиции) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-32-42.

ПАВЛОВА Ольга Ксенофонтовна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: olga-ksento@mail.ru

PAVLOVA Olga Ksenofontovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ДЖАНЫЗАКОВА Сеиль Давлетовна – ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ).

E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

DZHANYZAKOVA Seil Davletovna – Assistant Lecturer, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Comparisons in the Yakut epic: the case of olonkho of the northeastern tradition

O. K. Pavlova¹, S. D. Dzhanyzakova²

1M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: olga-ksento@mail.ru

2National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

Abstract. The article considers comparison in the Yakut epic. The purpose of the article is to study poetic means in the epic texts of the Yakuts, in particular, a comparison in the northeastern tradition of the olonkho of the Yakuts. In the poetics of the northeastern tradition of olonkho, a thematic classification of comparisons is revealed. The basis of the classification will be the object of comparison, which in the mental activity of the listener of the olonkho was directed to the knowledge of the new “unfamiliar”. According to the thematic principle, the comparisons are divided into four groups: objects describing actions, nature, somatisms, dwellings and household items, and animals. The most common group are comparison objects that describe nature. We also divided the classification of comparisons according to two criteria: by composition and by structure. Structurally, the comparisons should be divided into simple and complex. Compound comparisons are differentiated as stepped and multiple comparisons. Stepped comparisons consist of a series of simple comparisons, each of which has its own object and image. Multiple comparisons with two or three components of repeated comparisons consist of one object and several images. The most numerous part is represented by these objects of comparison. In each multiple comparison, objects are usually expressed by homogeneous, semantically close predicates denoting the actions of the character. Complex comparisons, consistently revealing the course of actions, complement a certain image.

Keywords: epic tradition, epos, epic texts, Yakut olonkho, northeastern tradition of the Yakuts, comparisons, simple comparisons, complex comparisons, stepped comparisons, multiple comparisons.

For citation: *Pavlova O. K., Dzhanyzakova S. D.* Comparisons in the Yakut epic (the example of olonkho of the northeastern tradition) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-32-42.

Введение

А. А. Потебня выделил ставший классическим принцип сопоставления, основанный на действии «познаваемого (Б) через познанное (А)» [1]. К. Д. Ушинский подчеркивал, что «сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления. Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение. Поэтому нас напрасно упрекают в том, что мы везде настаиваем на сравнении: другого пути для понимания предметов в нашей природе нет» [2, с. 332].

Тувинская исследовательница С. М. Орус-Оол проанализировала сравнения в эпосах тувинского, алтайского, хакасского, шорского и бурятского народов. По тематическому принципу исследователем были выделены 7 групп, включающих природные объекты и ландшафт, животных, предметы быта, явления природы, небесные светила, человека и части его тела, растительный мир [3]. Сравнения, применяемые в текстах бурятского эпоса, по своему содержанию разделяются на три вида: сравнения простые, отрицательные и развернутые. Отрицательные сравнения в бурятском эпосе строятся не на сопоставлении двух предметов (явлений), а на их противопоставлении [4]. Л. Ц. Санжеева подчеркивает, что «в системе сравнений запечатлен не только художественно-эстетический опыт народа, но и социально-бытовые стороны его жизни» [5, с. 192].

Из видов тропов в хакасском эпосе наиболее часто встречаются сравнения. В основном осуществляется сравнение коней, конских статей с природными объектами. Состояние человека сравнивается с картинами окружающей природы, стихиями, домашними животными и дикими зверями [6]. В хакасском эпосе доминируют компаративные конструкции, состоящие из трех компонентов. Первый компонент – это предмет сравнения, то, что сравнивается. Второй компонент – образец для сравнения или то, с чем сравнивается предмет.

Третий компонент – это модуль сравнения. Он обозначает общее свойство или признак, на основании которого пойдет сравнение [7].

Общие вопросы, классификация и функционирование сравнений в якутской филологии и фольклористике были с разной степенью полноты проработаны учеными А. А. Ивановым-Күндэ [8], В. Т. Петровым [9, 10], Ю. И. Васильевым [11], В. Г. Семеновым [12], Л. Н. Романовой [13], Л. С. Ефимовой [14, 15] и др. Первый опыт систематического исследования якутских сравнений принадлежит Ю. И. Васильеву, который в своем исследовании «Способы выражения сравнения в якутском языке» [11] предложил три подхода к их изучению. Первый подход включает в себя изучение устойчивых, постоянных сравнений, сравнений-фразеологизмов или компаративных фразеологических единиц. Второй подход включает рассмотрение синтаксических конструкций, схем и моделей построения сравнительных фраз. Третьим подходом является анализ сравнений в языке художественных произведений.

Тематическая классификация сравнений

В поэтике северо-восточной традиции олонхо можно предложить тематическую классификацию сравнений. Основой классификации послужит объект сравнения, который в мыслительной деятельности слушателя олонхо был направлен на познание нового «незнакомого».

В первую группу включены сравнения, чьи объекты обозначают природу. В данной группе объектами сравнений выступают растительный мир, небесные светила, водоемы, горные вершины и др.

Рассмотрим в качестве примера одну компаративную конструкцию, такую как *тиит курдук туруору хайа* – букв.: ‘крутая гора, словно лиственница’ [16, с. 142]. В данном примере объектом сравнения является составное слово *туруору хайа* – букв. ‘крутая гора’, которую сравнивают с обликом высокой мощной лиственницы, устремленной к небу. Таким способом олонхосут хотел подчеркнуть крутую гору. При исполнении олонхо слушатель улавливал объект сравнения, затем, сопоставив его с образом, зримо и цельно представлял то, что воспевал олонхосут.

Разберем следующее сравнение: *Хороттон кэлбит көбөн кус табыталын таһын тарбата туппунт курдук күөх ургуһун оттоох-мастаах* – букв.: ‘зеленая растительность, словно раскинутые крылья утки-кряквы, прилетевшей из племени хоро’ [17, с. 23]. Объектом данного сравнения выступает *күөх ургуһун оттоох-мастаах* – букв.: ‘зеленая растительность’. В сопоставлении приводится образ *хороттон кэлбит көбөн кус табыталын таһын тарбата тутуллубута* – букв.: ‘раскинутые крылья утки-кряквы, прилетевшей из племени хоро’. Как видно из примера, в образе растительность по цвету сравнивается с ярко-зелеными маховыми перьями крыла утки-кряквы. Якуты по своей природе сами очень наблюдательный народ. Они любят воспевать природу, окружающий мир. Поэтому поэтической ткани олонхо, как и другим жанрам якутского фольклора, характерны такие сравнения.

Вторую группу представляют объекты сравнений, характеризующие соматические признаки, процессы и действия, т. е. относящиеся к сфере тела и чувств. Рассмотрим структуру следующей компаративной конструкции: *хаар курдук мабан эттээх хатын дьахтар* – букв.: ‘белоснежная Госпожа, подобна снегу’ [18, с. 116]. Объектом данного сравнения выступает *мабан эттээх хатын дьахтар* – букв.: ‘белоснежная Госпожа’. Сказитель воспевает женщину, чья кожа и одеяния сравнимы по белизне со снегом. Приведем в качестве примера еще одно сравнение из текста олонхо среднеколымской традиции: *сымалаах буор курдук бырабылла сытар киһи* – букв.: ‘лежащий человек, словно земля’ [18, с. 154]. Обь-

ект сравнения *бырабылла сытар киһи* – «лежащий человек» сравнивается со спокойной непоколебимой поверхностью земли – *сымалаах буор курдук* (словно земля). В данном примере описывается главный герой-богатырь, которого, как землю, невозможно поколебать.

В третью группу отнесены сравнения, объекты которых обозначают жилища и бытовые принадлежности. В текстах якутского олонхо северо-восточной традиции встречаются описания различных видов жилищ. Так, в олонхо среднеколымской традиции показаны золотые дома: *кыыс дьахтар кыһыл-көмүс күлүүчүкэтин кырыытынан туппут курдук кыһыл-көмүс дьиэлэр* – букв.: ‘золотые дома, словно девушка держит с краю золотые ключики’ [18, с. 189]. В данном примере объектом выступают *кыһыл-көмүс дьиэлэр* «золотые дома». В качестве образа сравнения использовано целое выражение: *кыыс дьахтар кыһыл-көмүс күлүүчүкэтин кырыытынан туппута* – букв.: ‘девушка держит с краю золотые ключи’. Объектом сравнения послужили дома.

В тексте олонхо верхоянской локальной традиции описывается железный балаган: *арылыас кус сымыытын умсары уурбут курдук туруорбах тимир балаган* – букв.: ‘одинокий железный балаган, словно поставленное вверх дном яйцо птицы гоголя’ [17, с. 92]. В этом примере объектом сравнения выступает *туруорбах тимир балаган* «железный балаган». Как видно, объект сравнения содержит описание жилища героев олонхо. Образом сравнения является *арылыас кус сымыытын умсары уурбут* – букв.: ‘словно вверх дном поставленное яйцо птицы гоголя’. Кроме жилища, объектами сравнения в текстах олонхо исследуемой традиции выступают детали построек, мебель, кухонная утварь и т. д.

В четвертую группу сравнений вошли компаративные конструкции, описывающие животных и части их тела. Разберем пример, представляющий образ богатырского коня: *түөт суллаабыт хатын дьүлүн саҕа түөт дьүөрэн сотолордоох, баай хара тиит бастын чулкатын быспыт курдук былчыннардаах, үүн тиэрбэһин эриллэччи туппут курдук эриэ бураа харахтаах* – букв.: ‘четыре одинаковых голени, словно четыре бревна березы, мышцы, словно ветки богатой лиственницы, широкие глаза, словно поставленные железные кольца’ [18, с. 174]. Данный пример состоит из трех сравнений. Первое сравнение: *түөт суллаабыт хатын дьүлүн саҕа түөт дьүөрэн сотолордоох* – букв.: ‘четыре одинаковых голени, словно четыре бревна березы’. В этом сравнении объектом выступает *түөт дьүөрэн сотолордоох* – букв.: ‘четыре одинаковых голени’. Образом является *түөт суллаабыт хатын дьүлүн* – букв.: ‘словно четыре бревна березы’. Второе сравнение: *баай хара тиит бастын чулкатын быспыт курдук былчыннардаах* – букв.: ‘мышцы, словно ветки богатой лиственницы’. Объектом второго сравнения представлен *былчыннар* (мышцы). Данный объект сравнивается с образом *баай хара тиит бастын чулкатын быспыт* – букв.: ‘ветки богатой лиственницы’. Третье сравнение: *үүн тиэрбэһин эриллэччи туппут курдук эриэ бураа харахтаах* – букв.: ‘разные глаза, словно поставленные железные кольца’. Объектом этого сравнения является *эриэ бураа харахтаах* – букв.: ‘широкие глаза’. Образом сравнения является *үүн тиэрбэһин эриллэччи туппут* – букв.: ‘словно поставленные железные кольца’. В данном примере описывается образ богатырского коня. Сказитель красочно изображает голени, мышцы и глаза животного. Итак, по тематическому принципу сравнения делятся на четыре группы: объекты, описывающие действия, природу, соматизмы, жилища и бытовые принадлежности, животных. Наиболее распространенной группой являются объекты сравнения, описывающие природу.

Далее предлагается классификация сравнений по двум критериям – по составу и по структуре. Сравнения по составу следует разделить на простые и сложные. В анализируемых текстах олонхо данной традиции выявлено 158 простых сравнений. Рассмотрим

в качестве примера сравнение: *уоннаах харчы саба уу харах* – букв.: ‘глаза подобны монетам’ [18, с. 39], где образом выступает предмет, взятый из обыденной жизни якутов (монета). В этом примере объектом выступает слово *уу харах* (глаза). Образом является *уоннаах харчы* – букв.: ‘монета размером в 10 копеек’. Образ характеризует размер объекта с помощью сравнительной частицы *саба* (подобно). Рассмотрим еще один пример: *күн туллубутун курдук тунаа-манган дьахтар* – букв.: ‘женщина светла и бела, словно спустившееся солнце’ [18, с. 83]. В этом примере в качестве объекта выступает *тунаа-манган дьахтар* – букв.: ‘белокожая женщина’, которая сравнивается с небесным светилом *күн* (солнцем). Образом является *күн туллубута* – букв.: ‘спустившееся солнце’. Для женщин палеоазиатской группы народов цвет белой кожи был характерным и считался эталоном женской привлекательности. Следовательно, речь идет об имплицитно выраженном основании для построения сравнения, когда автор и реципиент восстанавливают не названный признак самостоятельно в соответствии с принятыми в данном языковом сообществе эталонами, по окружающему контексту или в результате собственных ассоциаций.

Сложные сравнения представляют собой компаративные конструкции, включающие объект и несколько образов. Сюда могут входить ступенчатые сравнения. Разберем пример из текста олонхо абыйской локальной традиции. Данное сравнение состоит из семи сравнений. Проанализируем первое сравнение: *Самабын туорайыттан үүммүт саха киһи сыбах курдьэбин курдук соботох тиэрэ хатыллабас атахтаах* – букв.: ‘Выросший на поперечнике поясицы как лопата якута для обмазывания пометом хлев, единственная кривая нога’. В этом примере объектом сравнения является *атах* (нога). Объект конкретизируется эпитетами *тиэрэ хатыллабас* (единственная кривая). Образом выступает целое выражение *самабын туорайыттан үүммүт саха киһи сыбах курдьэбэ* (выросший на поперечнике поясицы как лопата якута для обмазывания пометом хлев). Данный пример состоит из одного объекта и образа, поэтому его считаем простым сравнением. Второе сравнение (2) *Түөһүн тылыттан үүммүт, саха киһи хоппо курдьэбин курдук түннэри хатыллабас илииэхэ* – букв.: ‘выросшая на груди как совковая лопата якута единственная кривая рука’. Объектом сравнения выступает *илии* (рука). Данный объект имеет свой эпитет – *түннэри хатыллабас* (единственная кривая). Образом сравнения можно выделить *түөһүн тылыттан үүммүт, саха киһи хоппо курдьэбэ* (выросшая на груди совковая лопата якута). В результате мы получаем простое сравнение. Следующий пример (3): *Баһаартан кэлбитизэн хатан аньньыы курдук хаптастыгас дэгий кылаан муруннаах* – букв.: ‘Приобретенный из базара как твердая пешня имеет плоский, загнутый острый нос’. Объект сравнения – *мурун* (нос) представлен образным выражением *баһаартан кэлбитизэн хатан аньньыы* – букв.: ‘приобретенный из базара твердая пешня’. Этот пример является простым сравнением. Разберем другое сравнение: *уучча киһи сулууда таас түннүгүн курдук иннэстигэс нимсир күөх харахтаах* – букв.: ‘зеленые глаза, словно стеклянное окно русского человека’. В этом сравнении объектом выступает составное слово *күөх харах* (зеленые глаза), образом сравнения является *уучча киһи сулууда таас түннүк* (стеклянное окно русского человека). Данный пример также можно отнести к простому сравнению. Следующее сравнение: *Ойун киһи хоро кыһаанын курдук тимир тэбинизэр астаах* – букв.: ‘Как железные подвески шамана с железными, твердыми волосами’. Объектом сравнения является *ас* (волосы). Образом представлена *ойун киһи хоро кыһаанын* (железные подвески шамана). Простое сравнение: (6) *Сыыр быстыбытын курдук сылластыгас хаан сырайдаах* – букв.: ‘Как будто провалившаяся горка с отвислым, кровавым лицом’. Объект сравнения – *сырай* (лицо), образом выступает *сыыр быстыбыта* (будто провалившаяся горка). Далее разберем пример: (7) *Хальляай хайдыбытын курдук хааннаах ньамастыгас айахтаах* – букв.: ‘Как буд-

то раскололся склон с кровавым раскрытым ртом'. Объект сравнения – *айах* (рот). Образ сравнения – *хальляай хайдыбыт* (будто раскололся склон). Значит, проанализированный пример, состоящий из семи простых сравнений можно отнести к сложным сравнениям. Эти сравнения оформлены ступенчатой конструкцией, где каждое сравнение способствует раскрытию цельного образа. Такая конструкция постепенно помогает общему зрительно-му и образному восприятию слушателем образов олонхо.

Для текстов олонхо исследуемой традиции характерны множительные сравнения. Их можно отнести ко второй группе сложных сравнений. Эти сравнения представляют собой языковые конструкции, состоящие из одного объекта с несколькими повторяющимися образами. Рассмотрим пример: *тобус өргөстөөх толомон маџан күн турталла ойон тахсан эрэрин курдук, аџыс сарданалаах аламай күнүм алаарыта тыган турарын курдук* – букв.: 'девушка, словно девятилучистое белое солнце восходит, словно восьмилучистое солнце светит' [18, с. 237]. В данном примере объектом сравнения выступает *кыыс* (девушка). В качестве образов выступают два последующих сравнения: *тобус өргөстөөх толомон маџан күн турталла ойон тахсан эрэрэ* – букв.: 'девятилучистое восходящее белое солнце' и *аџыс сарданалаах аламай күнүм алаарыта тыган турара*. – «восьмилучистое светящееся солнце». Сказитель воспевает девушку, сравнивая с образом солнца. Как видно из примера, образ повторяется два раза. Образы можно выразить следующей схемой:

- 1) тобус өргөстөөх
толомон маџан күн
турталла ойон тахсан эрэрэ
(девятилучистое белое солнце восходит)
1. аџыс сарданалаах
аламай күнүм
алаарыта тыган турара
(восьмилучистое солнце светит)

В первом образе девушку сравнивали с образом восходящего девятилучистого белого солнца. Во втором образе повторно сравнивают со светящимся восьмилучистым солнцем. В них применен прием синтаксического параллелизма. По синтаксической вариативности повторяются слова – числительные (*тобус* – девять, *аџыс* – восемь), однородные имена прилагательные (*өргөстөөх* – лучистое, *сарданалаах* – лучистое). Далее повторяются постоянные эпитеты солнца (*толомон маџан, аламай* – белое). В конце повторению подвергаются близкие в семантическом плане сложные сказуемые (*турталла ойон тахсан эрэрэ* – восходит, *алаарыта тыган турара* – светит). Данное сравнение, описывающее девушку, подчеркивает и усиливает ее светлый образ. Сопоставление сделано на основе параллелизма с древним культом поклонения – Солнцем. Стоит отметить, что повторения встречаются только в образе. Значит, сравнения такой конструкции можно считать множительными сравнениями. Они часто встречаются в поэтике олонхо.

Рассмотрим следующий пример: «*халлаан хайдарын курдук, былът быстарын курдук икки хараџын уута икки көлүйэ күөл буолуобар диэри ытаата-сонгоото*» – букв.: 'плачет и переживает, словно небо раскололось, словно туча порвалась, пока слезы не превратились в два озера' [18, с. 175]. В этом примере объектом сравнения выступает парное сказуемое *ытаата-сонгоото* (плачет, переживает). Объект подчеркивает действие героя. Образом являются два сравнения: *халлаан хайдара* (небо раскололось) и *былът быстара* (тучи развеяны). Они повторяются:

- 1) *халлаан хайдар* (небо раскололось);
- 2) *былът быстар* (тучи развеяны).

В примере эмоциональный процесс (плач и переживание) героя сопоставляется с возмущением небесных стихий (неба и туч). Описание стихий усиливается повторением. В данном примере по синтаксической вариативности повторяются слова: имена существительные или подлежащие в виде небесных светил (*халлаан* – небо и *былыт* – туча), сказуемые (*хайдар* – расколосось, *быстар* – развеяны). В этих сравнениях использован прием синтаксического параллелизма, поэтому они повторяются.

В текстах олонхо используемой традиции характерны множительные сравнения с трехкратным повторением. Например: *лип курдук симээтилэр, тан курдук тангыннардылар, ох курдук онгордулар* – букв.: ‘нарядили словно красивое дерево, одели словно высокая гора, приукрасили словно тетева стрелы’. В данном примере сравнение относится к действиям подготовки невесты к отъезду на родину мужа. Объектами выступают три однородных, семантически близких сказуемых – *симээтилэр* (нарядили), *тангыннардылар* (одели), *онгордулар* (приукрасили). Образами являются однородные имена существительные, повторяющиеся – *лип* букв.: ‘красивое дерево’, *тан*, точнее *таб* (высокая гора), *ох* (тетива стрелы). Все эти образы сравнительных конструкций трехкратно повторяются на основе параллелизма. Значит, данное сравнение следует отнести к множительным сравнениям.

В тексте олонхо «Көтөр Мүлгүн (Летающий Мюлгюн)» [19] обнаружен пример множительного сравнения, состоящий из восьмикратного повторения объектов и образов сравнений. Пример приведем в схематичной форме:

1. *кэтэбэришигги ороннообу киһитэ кэбэ саба буолан көстүбүт* (сидящий на задней стороне балагана человек показался размером с кукушку),

2. *биллэрик ороннообу киһитэ биргинэх саба буолан көстүбүт* (сидящий на передней стороне балагана человек показался размером со свища)

3. *атах ороннообу киһитэ арылыас саба буолан көстүбүт* (сидящий на самой передней стороне балагана человек показался размером с гоголя),

4. *суол аанынаабы киһитэ суор саба буолан көстүбүт* (сидящий возле двери балагана человек показался размером с ворона),

5. *унга диэкки киһитэ үгүрүө саба буолан көстүбүт* (сидящий на правой стороне балагана человек показался размером с кулика),

6. *уот иннинээби киһитэ уоннаах оҕо саба буолан көстүбүт* (сидящий возле камелька человек показался размером с десятилетнего ребенка),

7. *ханас диэкки киһитэ хаххан саба буолан көстүбүт* (сидящий на левой стороне балагана человек показался размером с неясны),

8. *хотон аанынаабы киһитэ хонор хаас саба буолан көстүбүт* (сидящий возле хлеба человек показался размером с гуся-гуменника)

В каждом сравнении (1-8) объекты выражены одними и теми же сложными сказуемыми, обозначающими действия человека, – *буолан көстүбүт* (человек показался размером). Образами сравнения представлены имена существительные, обозначающие размер птиц – *кэбэ* (кукушка), *биргинэх* (свищ), *арылыас* (гоголь), *суор* (ворон), *үгүрүө* (кулик), *хаххан* (неясны), *хонор хаас* (гусь гуменник) и *уоннаах оҕо* (десятилетний ребенок).

В поэтике олонхо других традиций часто встречаются множительные сравнения. Но в исследуемой традиции обнаружены множительные сравнения с двумя, тремя компонентами повторяющихся сравнений. В тексте олонхо «Көтөр Мүлгүн (Летающий Мюлгюн)» характерно присутствие только одного примера восьмикратного повторения множительного сравнения. Следовательно, такой вид сравнений, как вид художественного воспеания, не был достаточно развит в исследуемой традиции олонхо.

В отличие от других жанров фольклора поэтике олонхо данной традиции характерны сравнения, описывающие действия. В текстах олонхо исследуемой традиции имеются простые сравнения, построенные по принципу сопоставления одного объекта с одним образом. Рассмотрим в качестве примера сравнение: *кулунун ахтыбыт биз курдук курдаттыы тартардым* – букв.: ‘полностью привязался, словно кобыла тоскует по своему жеребенку’ [18, с. 81]. Здесь в качестве объекта сравнения выступает выражение *курдаттыы тартардым* – букв.: ‘полностью привязался’. Объект выражен сложным сказуемым – *курдаттыы тартардым* и обозначает действие героя. Образом сравнения является выражение *кулунун ахтыбыт биз* – букв.: ‘кобыла тоскует по своему жеребенку’. Образ также выражен действием, что кобыла тоскует по своему жеребенку. Здесь четко выражается принцип сопоставления объекта с образом. Такое построение сравнений в поэтике олонхо, по-видимому, было востребовано с целью передачи слушателям не только для восприятия образа, но и для понимания им действий определенного персонажа. В таком случае данный вид художественного приема мы предлагаем назвать сравнением с действиями.

Разберем структуру следующего сравнения: *ханса эрэ буруотун курдук субурус гынан хаалла* – букв.: ‘исчез, как дым курительной трубки’ [19, с. 186]. В этом примере объектом сравнения является выражение *субурус гынан хаалла* (исчез). В этом примере объект описывает действия: богатырь исчез. Образом данного сравнения выступает *ханса эрэ буруота* – букв.: ‘дым курительной трубки’. В объекте и в образе данного сравнения также наблюдаем действия. В итоге слушатель, слушая олонхосута (сказителя), на основе принципа сопоставления воспринимает действие персонажа: герой исчез так быстро, как дым курительной трубки. Рассмотрим построение следующего сравнения: *уулаабатах кулун харабын курдук, унаарыччы көрдө, аһаабатах кулун харабын курдук алаарыччы көрдө* – букв.: ‘задумчиво посмотрел, подобно глазам жаждущего жеребенка, спокойно посмотрел, подобно глазам исхудавшего жеребенка’ [17, с. 110]. В двух приведенных компаративных конструкциях представлены два сравнения *уулаабатах кулун харабын курдук, унаарыччы көрдө* – букв.: ‘задумчиво посмотрел, подобно глазам жаждущего жеребенка’ и *аһаабатах кулун харабын курдук алаарыччы көрдө* – букв.: ‘спокойно посмотрел, подобно глазам исхудавшего жеребенка’. В первом сравнении объектом выступает сложное сказуемое, выражающее действие героя, – *унаарыччы көрдө* букв. «посмотрел задумчиво». Образ первого сравнения *уулаабатах кулун харабын курдук* – букв.: ‘подобно глазам жаждущего жеребенка’ выражается действием жеребенка, не утолившего жажду. Еще одним объектом является выражение *алаарыччы көрдө* – букв.: ‘спокойно посмотрел’. Образ сравнения представлен выражением: *аһаабатах кулун харабын курдук* – букв.: ‘подобно глазам исхудавшего жеребенка’. В примере принцип сопоставления усиливает образное, даже и зрительное восприятие слушателем действий персонажа. Такое сопоставление часто встречается в поэтике других жанров якутского фольклора.

Теперь рассмотрим еще один пример сложного сравнения, состоящего из четырех самостоятельных сравнений – *икки хатан мас курдук ханарыччы хардыспыттар, кишл мас курдук кинэриччи тардыспыттар, сигэ талах курдук эриспиттэр, хол курдук холоспуттар* – букв.: ‘загибаясь боролись, словно два крепких дерева, пригибаясь, перетягивались, словно крепкие деревья, состязались, словно тальник для связки, боролись, словно равные’ [19, с. 123]. Схематично можно показать такую конструкцию следующим образом.

1. *икки хатан мас курдук ханарыччы хардыспыттар* «загибаясь боролись, словно два крепких дерева»;

2. *кишл мас курдук кинэриччи тардыспыттар* «пригибаясь, перетягивались, словно крепкие деревья»;

3. *сигэ талах курдук эриспиттэр* «состязались, словно тальник для связки»;

4. *хол курдук холоспуттар* «боролись, словно равные».

Первое сравнение – *хатан мас курдук ханарыччы хардыспыттар* – букв.: ‘загибаясь, боролись, словно два крепких дерева’. Объектом выступает сложное сказуемое – *ханарыччы хардыспыттар* – «загибаясь, боролись». Образом первого сравнения является *икки хатан мас* – «два крепких дерева». В данном примере объект *ханарыччы хардыспыттар* – «загибаясь, боролись» выражен действием. Слушатель воспринимал данный объект через образное и зрительное восприятие действий героя на основе сопоставления. Второе сравнение – *кишл мас курдук кинэриччи тардыспыттар* – букв.: ‘пригибаясь, перетягивались, словно крепкие деревья’ является синонимическим вариантом первого сравнения. Они образованы на основе параллелизма. Объектом данного сравнения является выражение *кинэриччи тардыспыттар* – букв.: ‘пригибаясь, перетягивались’. Образом второго сравнения выступает *кишл мас* «крепкие деревья». Сопоставление обосновывается на образе сравнения и зрительно воспринимается слушателем. Третье сравнение *сигэ талах курдук эриспиттэр* – букв.: ‘состязались, словно тальник для связки’, где объектом сравнения является сказуемое, передающее действие *эриспиттэр* «состязались». Оно образовано на основе параллелизма, подтверждающего первые два сравнения. Образ данного сравнения – *сигэ талах курдук* – букв.: ‘словно тальник для связки’. В конструкции четвертого сравнения – *хол курдук холоспуттар* – букв.: ‘боролись как равные’ объектом сравнения выступает действие *холоспуттар* – «боролись». Образ оформлен выражением – *хол* «рука», использован в переносном смысле: «равные». Приведенный пример компаративной структуры состоит из четырех сравнений, каждое из которых имеет свои объекты, выраженные действиями. Данные простые сравнения объединены в сложную структуру, последовательно раскрывающую ход действий, дополняющий определенный образ. В данном случае сложная структура сравнения, описывающего действия, используется для углубленной характеристики поединка богатырей Среднего и Нижнего миров.

Заключение

Таким образом, для текстов олонхо северо-восточной традиции характерны простые и сложные сравнения. Простые сравнения имеют один объект и образ. Сложные сравнения дифференцируются как ступенчатые и множительные сравнения. Ступенчатые сравнения состоят из ряда простых сравнений, каждое из которых имеет свой объект и образ. Множительные сравнения с двумя, тремя компонентами повторяющихся сравнений состоят из одного объекта и нескольких образов. Наиболее многочисленную часть представляют именно эти объекты сравнения. В каждом множительном сравнении объекты обычно выражаются однородными, семантически близкими сказуемыми, обозначающими действия персонажа. В образах сравнений используются однородные имена существительные. Но следует отметить, что такой вид сравнений, как вид художественного воспеания не был достаточно развит в исследуемой традиции олонхо. Сложные сравнения, последовательно раскрывающие ход действий, дополняют определенный образ.

Литература

1. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Высшая школа, 1990. – 343 с.
2. Ушинский, К. Д. Родное слово : Год 3-й : Руководство к преподаванию по «Родному слову» / К. Д. Ушинский // Собрание сочинений. – Т. 7. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии педагогических наук, 1949. – 360 с.
3. Орус-Оол, С. М. Тувинские героические сказания : Текстология, поэтика, стиль / С. М. Орус-Оол. – Москва : Макс Пресс, 2001. – 423 с.

4. Буяхаева, Л. И. Язык эпоса «Гэсэр» (эхирит-булагатский вариант) / Л. И. Буяхаева. – Иркутск : Иркутский университет, 2006. – 132 с.
5. Санжеева, Л. Ц. Бурятский эпос : проблемы поэтики и стиля / Л. Ц. Санжеева. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2011. – 240 с.
6. Хакасский героический эпос Ай-Хуучин / Запись и подготовка текста В. Е. Майногашевой. – Новосибирск : Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т.16).
7. Кыржинакова, Э. В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации» : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Кыржинакова Эльвира Валерьевна. – Москва, 2010. – 26 с.
8. Иванов, А. А.-Күндэ. Саха поэзиятын уус-уран куормата : поэзия, семантика = Художественная форма якутской поэзии : поэзия, семантика (на якут. яз.) / А. А. Иванов // Кыһар тунат. – Дьокуускай, 1979.
9. Петров, В. Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе / В. Т. Петров. – Москва : Наука, 1978. – 137 с.
10. Петров, В. Т. Взаимодействие традиций в младописьменных литературах / В. Т. Петров ; редактор Н. В. Емельянов. – Новосибирск : Наука, 1987. – 236 с.
11. Васильев, Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке / Ю. И. Васильев. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1986. – 111 с.
12. Семенова, В. Г. Поэтический мир Анемподиста Софронова (Истоки. Проблематика. Поэтика) : специальность : 10.01.02 «Литература народов РФ (якутская литература)» : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Семенова Валентина Григорьевна. – Якутск, 1999.
13. Романова, Л. Н. А. Е. Кулаковский и его современники : Особенности поэтического языка / Л. Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 120 с.
14. Ефимова, Л. С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири : классификация, общая характеристика / Л. С. Ефимова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 178 с.
15. Ефимова, Л. С. Лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)» : диссертация кандидата филологических наук / Ефимова Людмила Степановна. – Якутск, 2004. – 182 с.
16. Томская, Д. А. Ючюгэй Юдьюгюэн, Кусаган Ходжугур = Лучший Юдьюгюэн, Худчий Ходжугур (на якут. яз.) / составители : В. В. Илларионов, В. С. Никифорова. – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2011. – 376 с.
17. Хаан Дьаргыстай : олонхо = Хаан Джаргыстай (на якут. яз.) / М.К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни федеральной университет, Хотугулуу-Илинни норуоттар тылларын уонна культураларын ин-та, Фольклор уонна култуура кафедрата ; хомуйан онордо В. В. Илларионов; научнай редактор филологической наука кандидата, доцент Т. В. Илларионова. – Дьокуускай : Алаас, 2016. – 232 с. Хакасское народное поэтическое творчество / М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева. – Абакан, 1972. – 311с.
18. Орто Халыма олонхолоро = Среднеколымские олонхо (на якут. яз.) / бэчээккэ бэлэмнээтилэр: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова; редколлегия : А. Н. Жирков (бас редактор) [уо. д. а.] ; Россия наукаларын академиятын Сибиридээби салаата, Гуманитарнай чинчийи уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын института ; М.К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни федеральной университет, Хотугулуу-Илинни норуоттар тылларын уонна культураларын института : Республикаатабы “Олонхо” ассоциация, Олонхо иккис уон сылын (2016–2025 сс.) бэлэмнээн ытыгыга Саха Республикатын национальной тэрийэр комитета. – Дьокуускай : Бичик, 2016. – 280 с. – (Саха боотурдара: 21 т.; Т. 18).
19. Муома олонхолоро= Момские олонхо(на якут. яз.) / ответственный редактор В. В. Илларионов. – Дьокуускай : Бичик, 2004. – 240 с. (Саха боотурдара: 21 томнаах; 4-с том.)

References

1. Potebnja, A.A. Teoreticheskaja pojetika / A.A. Potebnja. – М.: Vyssh. shk., 1990. – 343 s.
2. Ushinskij, K.D. Rodnoe slovo. God 3-j. Rukovodstvo k prepodavaniju po «Rodnomu slovu» // Sobr. soch. – Т. 7. – М.; L.: Izd-vo Akad. ped nauk, 1949. – 360 s.

3. Orus-Ool S. M. Tuvinskie geroicheskie skazanija. Tekstologija, pojetika, stil'. – M.: Maks Press, 2001. – 423 s.
4. Bujahaeva, L.I. Jazyk jeposa «Gjesjer» (jehirit-bulagatskij variant) / L.I. Bujahaeva. – Irkutsk: Irkut. un-t, 2006. – 132 s.
5. Sanzheeva, L.C. Burjatskij jepos: problemy pojetiki i stilja / L.C. Sanzheeva. – Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2011. – 240 s.
6. Hakasskij geroicheskij jepos: Aj-Huuchin / Zapis' i podgot. teksta V.E. Majnogashevoj. – Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe izdatel'sko-poligraficheskoe i knigotorgovoe predprijatje RAN, 1997. – 479 s. – (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. – T.16).
7. Kyrzhinakova Je.V. Sposoby vyrazhenija sravnenija v hakasskom jazyke: avtoref. diss. k.filol.n. – M., 2010 – 26 s.
8. Ivanov, A.A. – Kyndje. Saha pojezijatyn uus-uran kuormata: pojezija, semantika = Hudozhestvennaja forma jakutskoj pojezii: pojezija, semantika (na jakut. jaz.) / A.A. Ivanov // Кыуһар тыһат. – D'okuuskaj, 1979.
9. Petrov, V.T. Fol'klornye tradicii v jakutskoj sovetsoj literature / V.T. Petrov. – M., 1978.
10. Petrov, V.T. Vzaimodejstvie tradicii v mladopis'mennyh literaturah / V.T. Petrov. – Novosibirsk, 1987.
11. Vasil'ev, Ju.I. Sposoby vyrazhenija sravnenija v jakutskom jazyke / Ju.I. Vasil'ev. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1986. – 111 s.
12. Semenova, V.G. Pojeticheskij mir Anempodista Sofronova (Istoki. Problematika. Pojetika): avtoref. diss. k.filol.n. / V.G. Semenova – Jakutsk, 1999.
13. Romanova, L.N. A.E. Kulakovskij i ego sovremenniki: Osobennosti pojeticheskogo jazyka / L.N. Romanova. – Novosibirsk, 2002.
14. Efimova, L.S. Algys saha (jakutov) v svete fol'klornyh tradicii tjurko-mongol'skih narodov Sibiri: klassifikacija, obshhaja harakteristika / L.S. Efimova. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 178 s.
15. Efimova, L.S. Leksiko-stilisticheskie osobennosti jazyka horovodnyh pesen jakutov: diss k.filol.n./ L.S. Efimova. – Jakutsk, 2004. – 182 s.
16. Tomskaaja, D.A. Juchjugej Judjugujjen, Kusagan Hodzhugur = Luchshij Judjugujjen, Hudchij Hodzhugur (na jakut. jaz.) / sost.: V.V. Illarionov, V.S. Nikiforova. – Jakutsk: IGI i PMNS SO RAN, 2011. – 376 s.
17. Haan D'argystaj: olonho = Haan Dzhangystaj (na jakut. jaz.) / M.K. Ammosov aatynan Hotuguluu-Пинни federal. un-t, Hotuguluu-Пинни noruottar tyllaryn uonna kul'turalaryn in-ta, Fol'klor uonna kultuura kaf.; [homujan onordo V.V. Illarionov; nauch. red. filol.n.k., doc. T.V. Illarionova] – D'okuuskaj: Alaas, 2016. – 232 s. Hakasskoe narodnoe pojeticheskoe tvorcestvo / M.A. Ungvickaja, V.E. Majnogasheva. – Abakan, 1972. – 311s.
18. Orto Halyma olonholoro = Srednekojlymskie olonho (na jakut. jaz.) / [bjechjejejjke bjeljemnjejetiljer: V.V. Illarionov, T.V. Illarionova; redkol.: A.N. Zhirkov (bas red.) uo.d.a.]; Ros. Naukalarын akad., Sibiirdjejeji salaa, Gumanitar. chinchijii uonna hotugu azyjah ahsaannaah omuktar probl. in-ta, M.K. Ammosov aatynan Hotuguluu-Пинни feder. un-t, Hotuguluu-Пинни noruottar tyllaryn uonna kul'turalaryn in-ta, Resp. "Olonho" asociacija, Olonho ikkis uon sylyn (2016 – 2025 ss.) bjeljemnjejen uytyga Saha Resp. nac. tjerijjer kom.– D'okuuskaj: Bichik, 2016. – 280 s. – (Saha booturdara: 21 t.; T. 18).
19. Muoma olonholoro = Momskie olonho (na jakut. jaz.) / otv. red. V.V. Illarionov. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 240 s. (Saha booturdara: 21 tomnaah; 4-s tom.)

Небеснорожденные персонажи в изданных мифах В. И. Вербицкого: слова *Тянар* и *Тангара*

Т. Н. Паштакова

Университет Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР

E-mail: ms.tatuna@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются алтайские мифы с упоминанием имени персонажа Тянар, опубликованные в труде «Алтайские инородцы» В. В. Вербицкого. Но для выяснения исконности персонажа Тянар в алтайских мифах нами выясняется история записи мифов В. И. Вербицким, проводится анализ мифов о небесных персонажах. С этой же целью мы выясняем другие алтайские мифологические сюжеты о посланниках небесного мира в алтайской космогонии и сопоставляем с якутскими сюжетами, в которых присутствует персонаж Тангара. В статье прослеживается культ Неба в обрядовой поэзии саха (якутов) в сравнительно-сопоставительном плане с культурами поклонения Небу алтайцев, хакасов, тувинцев и бурят. Анализируются близкие термины, обозначающие понятие Неба и адресаты, символизирующие поклонение Небу. Авторы считают, что культ Неба у саха (якутов) сохранил общие типологические черты с аналогичными культурами тюрко-монгольских народов Сибири. Он проявлялся в алгыхах во время ритуально-обрядового комплекса ыһах. Поклонение Небу олицетворяли *Урдук Айыылар* 'Высшие божества', по представлениям якутов, проживающие на разных ярусах небес.

Ключевые слова: мифы, исследования, персонажи, Тенгри, Тянар, Тангара, божественные посланники, репертуар, сопоставление.

Для цитирования: Паштакова Т. Н. Небеснорожденные персонажи в изданных мифах В. И. Вербицкого: слова *Тянар* и *Тангара* // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-43-50.

Heavenly-born characters in the published myths of Verbitsky: the words *Tyanar* and *Tangara*

T. N. Pashtakova

Inner Mongolia University, Hohhot, China

E-mail: ms.tatuna@mail.ru

Abstract. This article discusses Altai myths with the mention of the name of the character Tyanar, published in the work "Altai aliens" by Vasily Verbitsky. However, in order to clarify the primordial character of the Tyanar in the Altai myths, we find out the history of the recording of myths by Verbitsky, and analyze the myths about celestial characters. For the same purpose, we find out other Altai mythological stories about the messengers of the heavenly world in the Altai cosmogony and compare them with the Yakut stories in which the character Tanara is present. The article traces the cult of Heaven in the Sakha (Yakutia) in terms of comparative and shamanic ritual with the poetry of Altai, Khakassia, Tuva and Buryat. We analyzed similar terms for the concept of Heaven and destinations that symbolize the worship of heaven. The author believes that the cult of Heaven in the Sakha (Yakut) kept the general typological features. It manifests itself in ritual and ceremonial complex of Ysyakh festival. Sky personified *Urdukh Ajyylar* 'Supreme Deity', on presentation of the Yakuts, living in different layers of heaven.

Keywords: myths, research, characters, Tengri, Tyanar, Tanara, divine messengers, repertoire, comparison.

ПАШТАКОВА Татуна Николаевна – аспирант, Университет Внутренней Монголии (234, ул. Западная Университетская, 010021 Хух-Хото, КНР)

E-mail: ms.tatuna@mail.ru

PASHTAKOVA Tatuna Nikolaevna – Postgraduate student, Inner Mongolia University (234, Zapadnaya Universitetskaya Str., 010021 Hohhot, China).

For citation: *Pashtakova T. N.* Heavenly-born characters in the published myths of V.I. Verbitsky: the words Tyanar and Tangara // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-43-50.

Введение

Первые исследования алтайского фольклора, этнографии начинаются с середины XIX века. Одним из таких исследователей является христианский миссионер В. И. Вербицкий (1827–1890 гг.).

Василий Иванович Вербицкий родился в 1827 году. Он был сыном дьякона Нижегородской епархии, закончил курсы Нижегородской семинарии, вскоре уехал в Сибирь к двоюродному брату, руководителю Алтайской Духовной миссии Степану Васильевичу Ландышеву. Алтайская Духовная Миссия была создана для распространения христианства среди коренного народа Алтая в 1830 г. Так, В. И. Вербицкий с 12-го января 1853 года с 26 лет стал служить в Алтайской Духовной Миссии [1, с. 29]. Вначале он начал изучать быт русского народа и выявлял особенности сибирского говора. Изучая народы Сибири, он начал интересоваться культурой коренных народов Сибири [2]. Со временем он стал одним из крупных исследователей этнографии, языка и фольклора алтайского народа XIX века. Исходя из своей деятельности христианского миссионера, он стал постигать алтайский язык, но в дальнейшем его увлечение вывело его на исследовательскую стезю, что он даже был признан авторитетным научным обществом того времени — Российским Географическим обществом. Он издал фундаментальную работу под заглавием: «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (1884 г.), опубликованную в г. Казани, что внесло огромный вклад в отечественную тюркологию [3].

В 1878 г. «за выдающийся вклад в науку Василий Иванович Вербицкий был избран действительным членом Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, членом-сотрудником Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества и действительным членом Томского статистического комитета» [4, с. 21].

О персонаже Тянар в алтайских мифах

Впервые имя фольклорного героя с именем Тянар (Тянар, Янгар) встречается в опубликованных 2 мифах издания «Алтайские инородцы» (1893 г.) В. И. Вербицкого [5].

После обращения к текстам мифов и преданий, опубликованных в «Алтайских инородцах», возникает вопрос: от кого записаны эти тексты или каким опубликованным источником пользовался В. И. Вербицкий.

Как считают исследователи, аналогичные мифы публиковались И. Завалишиным, С. Ландышевым. При сравнении этих текстов с материалами В. И. Вербицкого, оказывается, что у всех авторов был один источник. Если В. И. Вербицкий не указывает источник своего материала, то И. Завалишин приписывает рассказ этих мифов богатому зайсану В. А. Муйтуева в послесловии переиздания «Алтайских инородцев» пишет, что основным собирателем материалов для В. И. Вербицкого был священник Михаил Чевалков, происходивший из представителей коренного населения. Вторым – крещенный алтаец Ефим Корты, который жил по реке Чуя [5, с. 258-259]. Хотя советский этнограф Л. П. Потапов утверждал, что основным источником изданных мифов В. И. Вербицкого является черновик рукописи миссионера С. Ландышева, содержащей конкретные данные о различных мифах и преданиях, собранных переводчиком М. Чевалковым. Материал собирался в начале 50-х годов XIX века у представителей алтайских диалектных групп – кумандинцев и телеутов – и включает сведения крещеного инородца Ефима Корты [6]. Также известно, что, М. В. Чевалков редактировал тексты, готовящиеся В. И. Вербицким к изданию, обучал

приезжих исследователей алтайскому языку. М. Чевалков вместе с В. И. Вербицким собрал 29 рассказов, 6 сказок (из них 4 героический эпос), 29 песен, 139 пословиц, загадок, которые все были опубликованы [5].

По поводу опубликованных текстов мифов с героем Тянгар возникают вопросы: являются ли достоверными зафиксированные им 2 мифа с упоминаемыми имени персонажа «Тянгар (Тянар)» или же они относятся к вымышленным произведениям самого исследователя. В посмертный сборник исследователя «Алтайские инородцы» вошел не только собранный им самим материал В. И. Вербицкого, но и записи других собирателей, в частности, рукописи его родственника С. Ландышева, а также материалы, находящиеся в архиве Алтайской Духовной Миссии, собранные другими людьми до его приезда. Учитывая большую роль в собирательской деятельности приезжих исследователей В. И. Вербицкого, В. В. Радлова, затем и Г. Н. Потанина, следует указать возможным источником текстов Вербицкого о персонаже Тянгар, несмотря на отсутствие указания исполнителя текста, скорее всего, им являлся М. В. Чевалков, который сам как носитель языка записал эти тексты с привнесением христианских мотивов или записал у кого-то, уже принявшего христианство, у того же Е. Корты.

Таким образом, в книге «Алтайские инородцы» в главе «Предания» встречается упоминание имени персонажа Тянгар (в разных вариантах по тексту: Тянгару, Тянгара, Тянар) в одном из сюжетов алтайских мифов, зафиксированных В. И. Вербицким в цикле мифов о сотворении земли. Судя по содержанию, два мифа: № 8 «О всемирном потопе», № 9 «Происхождение шаманства; разделение языков и определение безграмотства» – нужно рассматривать, как связанные между собой мифы. Потому что в мифе № 8 описывается сюжет о потопе и строителе ковчега – кереп – Нааме (в настоящее время в алтайском языке так называют служителей буддизма – лам /нама), которого после спасения от потопа люди назвали – Яячи (творец) (Жайаачы) и стали приносить ему жертвы.

В мифе № 9 идет дальнейшее продолжение обустройства мира после потопа. Здесь активную роль играет божество Улген. Но появлению в мифе персонажа Тянгару имеет отношение Балыкса – один из сыновей Наамы: «После потопа Балыкса захворал и призвал к себе человека по имени Тянгару, заставив его камлать». Значит, Тянгару был шаманом? Но из мифа выясняется, что интрига заключается в том, что именно Эрлик – владыкя подземного мира (в отдельных случаях один из братьев-оппонентов небесных божеств) научил Балыксу позвать Тянгару, чтобы тот камлал, что не понравилось Улгену. Поэтому Улген велел Балыксе: «ты будь слуга Эрлику, потому что ты не мне приносишь жертву, и после смерти пойдешь к Эрлику». Так определилась дальнейшая судьба Балыксы – одного из сыновей спасителя людей и животных – Наамы [5, с. 126]. Значит, судя по истории божеств из алтайских мифов, раскол между небесными братьями уже произошел, так как Улген (Уч Курбустан) и Эрлик были братьями, потом, когда Эрлик решил вмешаться в сотворение окружающего мира и человека, его изгнали [7]. В анализируемых же мифах люди уже есть, и отношения между верхним и подземным миром уже сложились как противоборствующие миры.

В этом же тексте также выясняется жизненное назначение Тянгару: «Тянгара сказал в ответ Ульгэню: пожалуй, я и тебе таким же образом буду приносить жертву, как Эрлику. Ульгэнь сказал ему: отныне будет имя твое *Кам*. Кто будет подражать тебе, тот не будет иметь богатства на земле» [5, с. 126-127]. Значит, Тянгару изначально не был камом (шаманом), но так как, по наущению Эрлика, ему велено было камлать, Улген и оставил его предназначение, полученное от Эрлика. Только сам Тянгар как бы выправил свое предназначение, чтобы его покровителем стал сам Улген, а не Эрлик. Но в любом случае, Тянар

не произошел от детей Наамы, скорее всего, он один из персонажей божественного происхождения, посланник бога. В дореволюционных текстах словом «кижи» (человек) могут определять не только человека, но и Улгения, и Эрлика [7, с. 11-29]. В этом тексте обозначен также и мотив различения шаманства, как черного и белого, сохранившееся до настоящего времени в мировоззрении алтайского народа, дан статус последователей шаманства, которые не обретут богатства на земле, так как они пользуются силой и знаниями своих покровителей. Такое понимание статуса камов, независимо от их предназначения (белого, черного), бытует и сегодня. Возможно предположить, что Тянар является первым образом служителя Белой Веры «Ак јан» (бурханизма), так как особым отличием его практики является отказ от кровавых жертвоприношений Эрлик-Бию и его прислужникам. От шаманского жертвоприношения здесь осталось только брызгание или окропление молоком.

Во второй части этого же мифа «Происхождение шаманства; разделение языков и определение безграмотства» продолжается развитие сюжета о жизни на земле после спасения от потопа, народ так размножился, наполнив землю; все говорили на одном языке. Далее идет сюжет, напоминающий библейский сюжет о строительстве Вавилонской башни. Но в этом мифе есть иная мотивировка, что люди боятся нового потопа и решили сделать гору, Вавилонскую башню же строили из-за гордыни, чтобы доказать, что люди могут добраться до Бога. Но во второй части алтайский миф во многом схож с библейским, также Богу это строительство не нравится, он пытается людей остановить. В алтайском мифе сначала появляется Тянар, который говорит народу: «вы великое зло делаете предъ Богомъ; я не согласенъ делать гору, и, сказавъ это, ушель, неизвестно куда, такъ никто его после не виделъ» [5, с. 127]. Тогда сам Бог (имя бога не уточняется) пытается остановить людей, при этом он Тянара конкретно называет своим посланником: «вы не послушали меня и Тянара, коего я послалъ, за то вы будете говорить разными языками» [5, с. 127]. То есть, разделение людей на разные языки было следствием того, что люди не послушались Бога и его посланника Тянара, что подтверждает наше мнение о том, что Тянар в первой части мифа был персонажем божественного происхождения.

Итак, персонаж Тянар в сюжетах алтайских мифов, зафиксированных В. И. Вербицким, имеет божественное происхождение, являясь почитателем и посланником божеств (Улген, Кудай) верхнего мира. Но в текстах христианского миссионера В. И. Вербицкого в трактовку исконно алтайских мифов привнесены христианские мотивы, как мотив о строительстве горы. А также в мифах о толковании происхождения мира отразилось мировоззрение еще более ранней эпохи о дуальности мира, например, в древнетюркских текстах уже встречается противостояние божеств Тенгри и Эрлика [8], поэтому разделение шаманства на две части по цветовой или идеологической принадлежности могло возникнуть еще в древности. Также нужно понимать, что в эти же эпохи предки алтайцев были знакомы с ранними формами буддизма, в связи с чем в алтайских сказаниях встречается персонаж Уч Курбустан (Хормусту). Это двоеверие продолжилось и в период вхождения в Ойротское государство с принятием официальной религии буддизма. Поэтому эти мифы содержат в себе наслоение не только разных религиозных течений, но и разных исторических эпох.

Схожие мотивы встречаются в других мифах, только имя героя Тянар не упоминается. Так, в алтайских мифах встречаются мифы о сотворении земли, верховных богах и их детях. Например, в мифах говорится, что у Бога Улгения имеются 7 сыновей и 9 дочерей. Среди них еще много богатырей – посланников Улгения, спустившихся на землю для выполнения какой-либо миссии. Так, этнограф А. В. Анохин в своей книге об алтайском шаманизме перечисляет, что сыновей у Улгения семь: 1) Каршыг, 2) Пура-Кан, 3) Жажыл-Кан, 4) Бурча-Кан, 5) Кара-Куш – орел, 6) Пакты-Кани, 7) Ар-Каным. Сыновья Улгения живут на

небе [9]. Как и сам Ульгень, они причисляются к добрым неборожденным покровителям, но по статусу они ниже своего отца Ульгения, от которого они откололись, отделились. Этнограф Л. П. Потапов утверждает, что алтайцы считали, будто на 9-м небесном слое живут Ульгень и его сыновья [6, с. 34]. Ульгень отделил или отколол от себя девятерых сыновей, которые оберегают определенный род людей. Они также выступают божествами белого (доброе) назначения. Он имеет также девять дочерей (ак кыстар (белые девы)), которые помогают каму в его предсказаниях и прорицаниях.

Среди всех духовь-посредниковь первое место занимает Жайык, он дух – небожитель и часть существа Ульгения: Жайык живет на земле среди людей. Ульген послал его с неба охранять человека от всего худого и злого и давать всем жизнь, за что славится в молитвах как бог Кудай. Но главная роль Жайык заключается в посредничестве между человеком и Ульгением [9, с. 13].

Упоминание о сюжете сошествия небеснорожденных на землю есть в мифах, опубликованных в книге «Алтай кеп-куучындар», что с неба Ульген первым спускает своего посланника богатыря Шал-Жиме, затем других: Жапкара, Манды Шире Май Тере, Бодо Сунку [7].

Еще в XIX в. Г. Н. Потанин отмечал: «Все камы считают себя потомками одного кама, который первый на земле начал камлать и был гораздо искуснее и могущественнее нынешних. Имя его было, по одному преданию, Кадылбаш, по-другому – Тостогош; еще есть предания, которые дают ему имя Кайракан, Хан-Хурмос, Газыр-Гаш, Абыс и, весьма вероятно, много других имен» [10, с. 261], то есть в этих мифах подтверждаются мотивы о посланниках божеств на землю. Поэтому мифы о Тянгаре не выпадают из сюжетного состава алтайских мифов, а входят в число первых зафиксированных мифов.

Исследуя мифологию тюрко-монгольских народов, мы также находим упоминание персонажа по имени Тангара в якутском фольклоре. Исследователь В. Л. Приклонский пишет, что «якуты молились, призывая на помощь Тангара (Бога) и Николая Угодника, стали наконец шаманить [11, с. 48].

По якутской мифологии якутские божества живут на небе – үөһээ *абааһылар* (тёмные силы из Верхнего мира) и – *аллараа абааһылар* (тёмные силы из Нижнего мира) и делятся на добрых духов, имеющих общее название Айыы, Тангара (Бог) и злых абасы. Среди божеств так же имеется Кыыс-Тангара – Девушка-Богиня, которая изображается в образе человека, одетого в соболюю шкуру. Это изображение хранят в радужном мешке, расшитым разноцветным бисером. В важных случаях к нему обращаются за заступничеством, причем бросают масло, частицы пищи в огонь, как жертвоприношение [11, с. 59–61].

В якутской традиции формирование новых понятий, означающих «бог», «высшая сила» (в христианском смысле), шло в несколько этапов. Вначале они «называли русского Бога именем «*танарá*». Затем в этом же отношении стали использоваться и термин, близкий к пониманию Бога – Айыы Тойон [12, с. 239], имеющий функционально такое же значение, что и Кудай в алтайской культуре. И, наконец, термин *танарá* в лексическом смысле приблизился к образу иконы [13, с. 333–334]. Считается, что верховное божество якутов *Tangara* (небо) также «имеет свой престол в 9 небе» [14, с. 42].

Общими в мифологии тюрко-монгольских народов Сибири является их представления о трех мирах во вселенной: верхний мир, средний и нижний. Именно мифология питала фольклор, и она формировала внутреннее содержание его жанров.

Якутское слово *тангара* по сравнению с тюрк. *тангры, танры, тәнри, тәнгри, тәнҗрә*, бур. *tenere, teneri, tener*; монг. «*тэнри, тнҗри*» ‘небо, бог’ имело более широкие значения как ‘видимое небо; небо как божество; общее название добрых существ, добрый дух, бог, богини, божество языческое, главное божество, живущее на седьмом небе; бог, божество,

божеское естество, икона, образ; святой, священный; праздник' [15, стб. 2551-2552]. Слово *тангара* не встречается в текстах алгысов, но у якутов имеются алгысы, адресованные высшим божествам, живущим на небе. Понятие слова *тангара* как Неба осталось только в мифологическом сознании народа и считалось древним культом поклонения. В этом состоит одна из особенностей жанров обрядовой и шаманской поэзии якутов. Такую особенность впервые заметил Я. И. Линденау, написав, что «якуты бога и небо называют *Тангара*» [14, с. 39; с. 42]. Культ Неба у саха (якутов) был представлен *Урдук Айыылар* 'Высшими божествами', обитающими, по представлениям народа, на разных ярусах Неба. На самом верху Неба восседал *Урун Аар Тойон* со своей женой – *Кун Күбэй Хотун*. На ярусах небесного свода обитали другие божества – *Сүгэ Тойон*, *Хотой Айыы*, *Дьөһөгөй Айыы*, *Ынахсыт Хотун*, *Айыыһыт*, *Иэйэхсит*.

В алтайском фольклоре этимологией имени персонажа Тянгар (Тянар, Тянгару, Янгар), зафиксированным В. И. Вербицким в мифах [5], исследователи не занимались. В связи с этим можно высказать гипотезу о связи имени мифического Тянар с именем эпического героя «Янгар» («Дьанар») в сказании Н. Ялатова «Янгар», которое тоже не расшифровано, хотя сам сказитель Н. К. Ялатов в тексте эпоса объяснил бытующее определение одной из разновидностей жанра алтайской песни – январ, как песню-восхваление эпического батыра Янгар [16, с. 332]. Ссылаясь на текст этого сказания, можно допустить версию о том, что имя Янгар перекликается с именем божества Тенери (якутское – Танара) [17, с. 147], возможно, оно являлось одной из ипостасей божества Тенери (Тенгри), как в мифах В. И. Вербицкого, Тянгар – посланник небес. Потому что герой сказаний Янгар не рождается от земных родителей, а называет родителями море и тайгу, а земным его покровителем выступает сама хранительница земли – дух Матерь Пуповины земли [18]. Янгар же ниспослан на землю для спасения среднего мира от вторжения подземных чудовищ, что говорит о его божественной миссии.

Заключение

Таким образом, в алтайских мифах активно встречаются сюжеты о сотворении земли, верховных богах и их детях, посланниках небес, небесных богатырях (с конкретными именами) на землю, как покровителей людей, начиная с изданий конца XX века. Поэтому, несмотря на то что персонаж Тянар не упоминается среди них, можно предположить, что он мог быть среди них, так как осталась неизменной система покровительства мира людей верхними божествами и их противостояние с нижним миром, независимо от варьирования имен персонажей небесного происхождения. Интересным является факт упоминания персонажа Тангара в якутских мифах, который позволяет возвести данный персонаж с именем общеизвестного божества тюрко-монгольского мира – Тенери, Тенгри (Небо), а также сделать попытку расшифровки имени эпического героя Янгар.

Литература

1. Бедюров, Б. Я. Светлолюбые Алтай / Б. Я. Бедюров // Памятное завещание : Алтайская дореволюционная проза. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 3–42.
2. Суразаков, С. С. Алтай фольклор / С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск : Алтын Туу, 2015. – 317 с.
3. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Составитель В. И. Вербицкий. – [Изд. 2-е]. – Горно-Алтайск, 2005. – 491 с.
4. Арзютов, Д. В. Алтайские миссионеры: роль личности в истории традиционных сообществ. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/tubrikator/08/08_02/978-5-88431-154-1/© МАЭ РАН.
5. Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы / В. И. Вербицкий. – Горно-Алтайск : Ак чечек, 1993. – 270 с.

6. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Ленинград : Наука, 1991. – 321 с.
7. Алтай кеп куучындар (Алтайские мифы) / Составители : И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. – Горно-Алтайск : Ак чечек», 1994. – 414 с.
8. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири : Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск : Наука, 1988. – Вып. 1. – 225 с.
9. Анохин, А. В. Материалы по шаманизму у алтайцев. – [Переиздание] / А. В. Анохин. – Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1994. – 235 с.
10. Потанин, Г. Н. Очерк XII : Инородцы Алтая // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под редакцией П. П. Семенова. – Т. XI. Западная Сибирь. – Санкт-Петербург ; Москва, 1884. – С. 253–272.
11. Приклонский, В. Л. Три года в Якутской области : Этнографические очерки / В. Л. Приклонский // Живая старина. – Санкт-Петербург: Типография Е. Евдокимова. – Вып. 4. – 1891. – С. 63–83.
12. Бравина, Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса : на материале традиций саха / Р. И. Бравина. – Новосибирск : Наука, 2005. – 304 с.
13. Иохельсон, В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Ответственный редактор Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 2005. – 675 с.
14. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая пол. XVIII в.) : Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау. – Магадан : Книжное издательство, 1983. – 176 с.
15. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 томах. – М.-Л.: АН СССР, 1958-1959. – 3858 ст.
16. Январ. Сказитель Н. К. Ялатов. / Составитель И. Б. Шинжина. – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2004. – 352 с.
17. Ойротско-русский словарь / Составители Н. А. Баскаков, Т. М. Тошчакова. – Москва : ГИС, 1947. – 311 с.
18. Янгар : Алтайский героический эпос. Т. 1 / сказитель Н. К. Ялатов. – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1997. – 319 с. (На алт. яз.)

References

1. Bedyurov, B. YA. Svetolyuby Altaya / B. YA. Bedyurov // Pamyatnoe zaveshchanie : Altajskaya dorevolucionnaya proza. – Gorno-Altajsk, 1990. – S. 3–42.
2. Surazakov, S. S. Altaj fol'klor / S. S. Surazakov. – Gorno-Altajsk : Altyn Tuu, 2015. – 317 s.
3. Slovar' altajskogo i aladagskogo narechij tyurkskogoazyka / Sostavitel' V. I. Verbickij. – [Izd. 2-e]. – Gorno-Altajsk, 2005. – 491 s.
4. Arzyutov, D. V. Altajskie missionery: rol' lichnosti v istorii tradicionnyh soobshchestv. Elektronnyaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. – URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-154-1/© MAE RAN.
5. Verbickij, V. I. Altajskie inorodcy / V. I. Verbickij. – Gorno-Altajsk : Ak chechek, 1993. – 270 s.
6. Potapov, L. P. Altajskij shamanizm / L. P. Potapov. – Leningrad : Nauka, 1991. – 321 s.
7. Altaj kеп куучындар (Алтайские мифы) / Sostaviteli : I. B. SHinzhin, E. E. YАmaeva. – Gorno-Altajsk : Ak chechek», 1994. – 414 с.
8. Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov YUzhnoj Sibiri : Prostranstvo i vremya. Veshchnyj mir. – Novosibirsk : Nauka, 1988. – Vyp. 1. – 225 s.
9. Anohin, A. V. Materialy po shamanizmu u altajcev. – [Pereiz-danie] / A. V. Anohin. – Gorno-Altajsk : Ak-Chechek, 1994. – 235 s.
10. Potanin, G. N. Oчерk XII : Inorodcy Altaya // ZHivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii / Pod redakciej P. P. Semenova. – Т. XI. Zapadnaya Sibir'. – Sankt-Peterburg ; Moskva, 1884. – S. 253–272.
11. Priklonskij, V. L. Tri goda v YAkutskoj oblasti : Etnograficheskie oчерki / V. L. Priklonskij // ZHivaya starina. – Sankt-Peterburg : Tipografiya E. Evdokimova. – Vyp. 4. – 1891. – С. 63–83.
12. Bravina, R. I. Konceptiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa : na materiale tradicij saha / R. I. Bravina. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 304 s.
13. Iohel'son, V. I. YUkagiry i yukagirizirovannye tungusy / Otvetstvennyj redaktor N. A. Alekseev. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 675 с.
14. Lindenau, YA. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya pol. XVIII v.) : Istoriko-etnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka / YA. I. Lindenau. – Magadan : Knizhnoe izdatel'stvo, 1983. – 176 s.

15. Pekarskij E.K. Slovar yakutskogo yazika. V 3 tomakh. – M-L.: AN SSSR, 1958-1959. 3858 st.
16. Janar. Skazitel' N. K. YAlatov. / Sostavitel' I. B. SHinzina. – Gorno-Altajsk : Ak CHEchek, 2004. – 352 c.
17. Ojrotsko-russkij slovar' / Sostaviteli N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova. – Moskva : GIS, 1947. – 311 s.
18. YAngar : Altajskij geroicheskij epos. T. 1 / skazitel' N. K. YAlatov. – Gorno-Altajsk : Ak CHEchek, 1997. – 319 s. (Na alt. yaz.)

Мотивационная и функциональная значимость ценности «демократия» (на базе данных ассоциативного эксперимента на якутском языке)

Д. И. Чиркочева¹, З. Г. Адамова²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

²Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

E-mail: zoya_adamova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена демонстрации этнопсихолингвистической методики исследования значимости ценностей. На основе психологической теории деятельности предлагается введение категории значимости в этнопсихолингвистическое моделирование структуры и содержания ценностей; обосновывается разделение мотивационной и функциональной значимости. На примере анализа данных ассоциативного эксперимента демонстрируется процедура этнопсихолингвистического анализа мотивационной и функциональной значимости ценности «демократия». Делаются выводы о высокой мотивационной значимости демократии, которая проявляется в характере смысловой связи между речевыми действиями, выражающими внутренние потребности, ситуацию удовлетворения этих потребностей и эмоционально-оценочное отношение к данной ситуации; о функциональной значимости, выражаемой в ограниченном характере речевых операций. Отмечается высокий прогностический потенциал психолингвистического подхода к исследованию значимости ценностей и роли речевой деятельности в ее формировании и функционировании.

Ключевые слова: теоретическая (регулятивная) деятельность, ценности, речевая деятельность, «образ мира», личностный смысл, значимость ситуации, мотивационная значимость, функциональная значимость, ассоциативный эксперимент, демократия.

Для цитирования: *Чиркочева Д. И., Адамова З. Г.* Мотивационная и функциональная значимость ценности «демократия» (на базе данных ассоциативного эксперимента на якутском языке) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-51-59.

Motivational and functional significance of the value of “democracy”: the case of an associative experiment in the Yakut language

D. I. Chirkoeva¹, Z. G. Adamova²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

E-mail: zoya_adamova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the demonstration of an ethnopsycholinguistic methodology for a study of the significance of values. For this purpose, on the basis of the psychological theory of activity,

ЧИРКОЕВА Дария Ивановна – к. филол. н., зав. каф. якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

ЧИРКОЕВА Dariya I. – Professor of philological sciences, head of department, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АДАМОВА Зоя Гаврильевна – к. филол. н., в. н. с. лаборатории психолингвистики, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет.

E-mail: zoya_adamova@mail.ru

АДАМОВА Zoya Gavrilievna – PhD, lead researcher for the Laboratory of Psycholinguistics in the Department of general and comparative linguistics, Moscow State Linguistic University.

the introduction of the category of significance into the ethnopsycholinguistic modeling of the structure and content of values is proposed; the separation of motivational and functional significance is substantiated. The procedure of ethnopsycholinguistic analysis of the motivational and functional significance of the value “democracy” is demonstrated by the example of data analysis of the associative experiment. Conclusions are drawn about the high motivational significance of democracy, which is manifested in the nature of the semantic connection between speech actions expressing internal needs, the situation of satisfying these needs and the emotional and evaluative attitude to this situation; about the functional significance expressed in the limited nature of speech operations. The high prognostic potential of the psycholinguistic approach to the study of the significance of values and the role of speech activity in its formation and functioning is noted.

Keywords: theoretical (regulatory) activity, values, speech activity, “image of the world”, personal meaning, significance of the situation, motivational significance, functional significance, associative experiment, democracy.

For citation: *Chirkoeva D. I., Adamova Z. G.* Motivational and functional significance of the value of “democracy”: the case of an associative experiment in the Yakut language // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-51-59.

Введение

Актуальность исследования аксиологических понятий (ценностей) обусловлена конструктивно-прогностической функцией философии и ее ролью в формировании и функционировании культуры. Согласно философскому подходу, фундаментальные ценности и смыслы, или «мировоззренческие универсалии» обеспечивают целостность культуры как «сложноорганизованной системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей)» [1, с. 6]. Как «базисные ценности культуры» они определяют «осмысление мира, его рациональное постижение», а также «переживание человеком мира, эмоциональные оценки различных аспектов, состояний и ситуаций человеческой жизни» [1]. Поэтому понимание механизма означивания (осмысления) ценностей есть понимание механизма осмысления мира, обеспечивающего «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [2, с. 73]. Теоретическую деятельность по организации собственной жизнедеятельности на основе «ценностных ориентаций», «нравственных принципов» принято называть регулятивной [3, с. 33]. Деятельность по регуляции и саморегуляции поведения мы можем наблюдать только в речевой деятельности, так как всякое «коллективное знание» есть «языковое знание» [4, с. 37]. Следовательно, речевую деятельность можно исследовать как деятельность по регуляции и саморегуляции.

Цель данной статьи – теоретически обосновать необходимость исследования речевой деятельности как саморегулятивной деятельности и продемонстрировать на примере ценности «демократия» процедуру этнопсихолингвистического моделирования мотивационной и функциональной значимости ценностей.

Моделирование этнокультурной специфики инвариантного «образа мира»

С точки зрения саморегуляции отдельного человека и/или общества в целом этнопсихолингвистический анализ структуры и содержания ценностей и моделирование этнокультурной специфики инвариантного «образа мира» (А. Н. Леонтьев) на основе данных ассоциативных экспериментов есть моделирование «программы жизнедеятельности» (В. С. Степин). В практическом аспекте при таком подходе к изучению ценностей речь идет о проблеме адекватности регулирующего социальную реальность «образа мира», или точнее, «образа социального мира» (Г. М. Андреева) самой социальной реальности [5]. В теоретическом плане – о проблеме «роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры, включая определение специфики способов действия со словом в разных культурных сферах» [6, с. 18].

Под «образом мира» в отечественной этнопсихолингвистике понимается «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7, с. 268]. Такое понимание основывается на определении, данном А. Н. Леонтьевым: «Психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира, в котором они живут и действуют, который они сами переделывают и частично создают, это знание также и о том, как функционирует образ мира, опосредуя деятельность в объективно реальном мире» [5]. По словам А. Н. Леонтьева, «образ мира» – это не «нечто субъективно приписываемое миру», а «процесс восприятия», он может быть «более адекватным или менее адекватным, более полным или менее полным... Иногда он даже ложный.....» [8, с. 13]. Следовательно, «образ мира» является одновременно и результатом деятельности, и процессом (средством) деятельности. В этом состоит суть психологического принципа единства и противоположности образа и процесса, основанного на «специфике работы знания, с одной стороны, в системе общественных отношений, в общественном сознании, а с другой стороны, в деятельности индивида, реализующего общественные отношения, в его сознании» [9, с. 13]. Такая двойственность социального знания операционализируется в психологии в различении категорий значение и личностный смысл, где значение, в котором «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой», соотносится с инвариантным образом мира, а личностный смысл, формирующийся в процессе соотнесения элементов значения как «ориентиров» деятельности с актуальными потребностями – с личностно-смысловыми образованиями [9]. Таким образом, моделируя «образ мира» как результат и процесс регулирующей деятельности, мы моделируем ситуацию восприятия, или осмысления «актуально воспринимаемого образа мира», опосредствованного предметными значениями и когнитивными схемами [8, с. 269].

Идея «актуально воспринимаемого образа мира» исходит из коммуникативной или интерсубъективной природы регулирующей деятельности, которая подразумевает необходимость определения или осмысления ситуации в данный момент времени и выбора способа ее регулирования в соответствии с целью действия (деятельности). Ситуация предполагает, что, с одной стороны, она имеет дело с безразличными к формам чувственности предметными значениями, а с другой стороны, она всегда подразумевает «пристрастность» индивидуального сознания, отнесенность значения к чувственным впечатлениям [9, с. 153]. Процесс осмысления ситуации зависит от смысловых связей между мотивационной, целевой и исполнительной сторонами акта речевой деятельности: переживаемые человеком как условие его целенаправленной деятельности элементы социального знания, опредмеченные в значениях, проявляют себя как система мотивов. Функция системы мотивов «состоит в том, что они как бы «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением. При определенных условиях несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер нестоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности» [9, с. 150]. Следовательно, формирование личностного смысла есть формирование установки на действие, которая переживается человеком как оценочная деятельность по соотнесению потребностей с условиями деятельности по удовлетворению потребностей и проявляется как значимость предметного значения. В теоретической деятельности саморегуляции речь идет о значимости опредмеченных в значениях, но не выраженных

в непосредственной материальной форме психически «виртуальных» ценностей, и с другой стороны, о значимости опредмеченного в значении способа регулирования деятельности, связанной с ценностью.

В деятельностной психологии считается, что осознаваемые мотивы находят свое выражение в целенаправленной деятельности, регулируемой осознаваемыми способами и средствами, а неосознаваемые мотивы отражаются в деятельности «в форме эмоциональной окраски действия» [9, с. 201]. Важное методологическое положение, связанное с исследованием личностного смысла, основано на двойственной функции мотивов – побуждения и смыслообразования. Так, если в действиях эмоциональной окраски проявляются «субъективно» открывающиеся в виде переживания, хотения, стремления мотивы, побуждающие к действию, то собственно «смыслообразующими» являются открываемые «объективно» в результате теоретической деятельности мотивы [9, с. 204]. Именно они лежат в основе оценки и переоценки всей системы отношений человека к миру, осмысления и переосмысления «программы жизнедеятельности», которая обеспечивает «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [2, с. 71].

Мотивационная и функциональная значимость ценности «демократия»

Итак, как интерпретировать ассоциативные данные и экспериментально установить значимость ценностей? В этнопсихолингвистических исследованиях ценностей анализ мотивационной стороны речевой деятельности должен учитывать, что эмоциональные речевые действия являются проявлением отношения к условиям деятельности. Следовательно, особое внимание должно быть уделено эмоциональным речевым действиям и речевым действиям, связанным с потребностями, обусловленными условиями регулирующей деятельности. Так выявляется динамический аспект мотивации, т. е. регулирующая функция эмоциональных речевых действий. *Мотивационная значимость* ценностей будет проявляться в виде эмоционально окрашенных речевых действий для представления определенного предметного содержания и определенной направленности.

Как известно, структура речевой деятельности включает в себя способы оперирования со словом, т. е. речевые операции, которые формируются в процессе социальной практики общения. Они рассматриваются как «внешние» условия деятельности. Как продукт общественно-исторической практики, (речевая) операция «выступает как процесс непсихологический», так как зависит от внешних условий достижения целей. В то же время она психологична, поскольку принципиально целенаправленна и связана, таким образом, с побудительной силой действия [10, с. 15]. Следовательно, операционная сторона теоретической речевой деятельности определяется формами действия с «идеальными» значениями ценностей, в которых отражается структура действительности, её исполнительная сторона диктуется ситуацией социального взаимодействия. В речевых операциях проявляется «типичное» знание о ценностях в способе их регуляции. В этом смысле они характеризуются как автоматические, или неосознаваемые. Непроизвольный или произвольный характер операций так же, как и характер всей установки, зависит от мотивационных и волевых процессов деятельности, и необходимо выявить связи между ними. Таким образом, если определение мотивационной значимости ценностей связано с условиями конструирования «образа социального мира», то анализ волевых процессов в структуре речевой деятельности как саморегулятивной направлен на определение *функциональной значимости* ценностей с точки зрения содержательного потенциала ценностей для осуществления волевой личности как активно реализующего свои социально значимые мотивы субъекта общественных отношений.

Этнопсихолингвистический анализ ценности «демократия»

Теперь наглядно покажем процедуру выявления значимости ценностей на примере этнопсихолингвистического анализа ценности «демократия» на основе данных ассоциативного эксперимента. Материал исследования был получен в ходе массового свободного ассоциативного эксперимента, проводимого Лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета для создания ассоциативного словаря базовых ценностей. Мы проанализировали 159 вербальных реакций, в том числе 43 отказа, на слово-стимул *демократия*. Респонденты – студенты различных высших учебных заведений г. Якутска в возрасте от 17 до 29 лет. Эксперимент проводился на якутском языке, но реакции были получены как на якутском, так и на русском языке. Поэтому реакции на якутском языке приводятся с переводом на русский язык.

В качестве основы для интерпретации ассоциативных данных и психолингвистического анализа значимости ценностей мы используем модель личностного смысла [11]. Для выявления механизма мотивации в анализе структуры и содержания актуального психологического значения анализируемой ценности мы будем учитывать положения теории установки Д. Н. Узнадзе: во-первых, устанавливаем «мотивационные образования», т. е. потребности, связанные с демократией, которые могут быть вербализованы и выражены в конкретных речевых действиях; во-вторых, определяем направленность в предметном содержании установок, которые будут представлены в речевых действиях и операциях, репрезентирующих ситуативную конкретизацию установок [12]. Речь идет о двух типах направленности: 1) привносимой предметным содержанием потребности; 2) определяемой предметной ситуацией; им соответствуют воображаемая и актуальная ситуации [12]. А главным выразителем мотивационного потенциала ценностей, их побудительной силы, становятся семантически сопряженные с понятиями эмоции [13]. Для выявления отсутствия или наличия активного вмешательства в процесс осуществления потребности (значимости), который определяет характер смыслообразования, мы будем опираться на положения деятельностной теории мотивации. Согласно теории В. Г. Асеева, при анализе структуры мотивации необходимо учитывать структурные различия и соотношения двух форм побуждений: «влечения» с положительной эмоциональной модальностью переживания (действие, которое производит индивид) и «побуждения типа объективно заданной необходимости, нужды» (воздействие, которому подвергается индивид) с отрицательной эмоциональной модальностью переживания [14]. Наконец, для определения функциональной значимости ценности мы будем анализировать речевые действия, связанные с «внешними» условиями деятельности, т. е. речевые операции, связанные с задаваемыми условиями речевой деятельности способами (средствами) удовлетворения потребности в демократии.

На первом этапе анализа мы определили в отдельную группу реакции, которые, согласно интегративной модели личностного смысла, можно включить в компонент «понятие» (45 из 159): *политика* 14; *көҥүл/ свобода* 6; *норуот/ народ* 5; *народ* 3; *партия* 3; *власть народа* 2; *свобода* 2; *выбор*; *Конституция*; *куолаһ/ голос*; *народовластие*; *политик/ политика*, *республика былааһа/ власть республики*; *дьон тыла аабыллар/ считаться с мнением людей*; *равное принятие решений*; *тэҥнэһии/ имя действия от тэҥнэс (равняться)* 2. Эти реакции представляют совокупность наиболее существенных признаков *демократии* как понятия. Как правило, в научной литературе демократия определяется, в первую очередь, как политический строй, при котором источником власти является народ. Из такого понимания вытекают основные принципы демократии: правление большинства и уважение прав меньшинства; представительный характер власти; принцип делегирования власти;

выборность властей; принцип конституционализма; политико-правовое равенство граждан; плюрализм и свобода [15]. Демократия понимается также как принцип организации коллективной деятельности, при которой граждане принимают равноправное и активное участие в отправлении народовластия. Такое определение демократии исходит из фундаментального «правила» демократии, связанного с «фактической реализацией» власти людьми, делегированными от народа [15]. С точки зрения саморегулятивной деятельности второй компонент является определяющим, так как он связан с такими мировоззренческими универсалиями, как «личность», «свобода», «деятельность», которые определяют характер развития и функционирования всей «программы жизнедеятельности» человека и общества [1]. В содержание данного понятийного компонента мы включили следующие реакции (10 из 159): *дьоннор/ люди; история общества; киһи бэйэтин санаата/ собственное мнение человека; киһи-дьон/ люди; киһи толкуйа/ мышление человека; норуот күүһэ/ сила народа; уопсай эппизт/ общая ответственность; тэн буолуу/ имя действия от быть равными; хас биир киһи көҥүл тыллаах/ у каждого есть свобода слова; слово народа*. Как видим, опредмеченные в представлениях об «идеальном» значении внутренние потребности, связанные с демократией, связаны, в основном, с первым понятийным компонентом демократии. Однако мы видим и выражение потребности в демократическом принципе организации коллективной деятельности, которое связано со свободой самовыражения. Это важно отметить, т. к. в основе определения «идеального» значения, рассматриваемого нами как условие деятельности, мы будем интерпретировать актуальные потребности, опосредствованные личностными представлениями слова «демократия».

На втором этапе анализа анализируются эмоционально-оценочные речевые действия: *отказ 43; сымыйа/ ложь, неправда 2; күүһэ/ сила 2; икки сирэй/ лицемерие; не существует; үчүгэй/ хороший, хорошо; чиэһинэй/ честный; ыарахан/ трудный, тяжелый, трудно, тяжело; эрэн/ надеяться; Северная Корея; сэрии/ война, олохло киллэрии/ имя действия от претворять в жизнь*. Несмотря на сложившуюся традицию рассматривать отказ от ассоциирования как свидетельство о неактуальности исследуемого понятия в концептуальной системе респондента, вслед за В. В. Бибихиным, мы интерпретируем отказы (всего 43) как реакции, выражающие значимость, так как «молчание» есть «мысль, которая не пожелала войти в рамки и умолкла» [16, с. 168]. Далее для интерпретации содержания данного компонента мы выделили в его структуре две части: эмоции и ожидания, связанные с надеждой (*күүһэ/ сила 2; үчүгэй/ хороший, хорошо; чиэһинэй/ честный; эрэн/ надеяться, олохло киллэрии/ имя действия от претворять в жизнь* – всего 6 из 56); эмоции и ожидания, связанные с разочарованием (*сымыйа/ ложь, неправда 2; икки сирэй/ лицемерие; не существует; ыарахан/ трудный, тяжелый, трудно, тяжело; Северная Корея; сэрии/ война* – всего 7 из 56). Отметим, что реакции *Северная Корея* и *сэрии/ война* мы интерпретируем как выражение сарказма и иронии, которые, безусловно, связаны с чувством разочарования; а реакцию *олохло киллэрии/ имя действия от претворять в жизнь* побуждение к действию. Таким образом, в мотивационном аспекте мы наблюдаем преобладание отрицательного эмоционального переживания значимости анализируемой ценности (отказы и переживания с отрицательной модальностью – всего 50 из 55), которое, согласно деятельностной теории мотивации, выражает актуальное состояние неудовлетворения потребности и приводит к наличию активно-действенного момента в деятельности [14].

На третьем этапе для понимания связи потребности с актуальной ситуацией удовлетворения потребности рассмотрим содержание компонента «личностные представления». В нем можно выделить три части: представления, связанные с государством и его атрибутами (*Америка, Арассыыйа/ Россия, государство, Госдума, дойду/ страна, Ил Дархан/ пре-*

зидент, Путин, страна, суудаарыстыба/ государство, США – всего 10); представления, связанные с законностью и правами (сокуон/ закон 2; закон; права; право – всего 5); представления, связанные с властью как таковой (былаас/ власть – 7; власть; тойон/ начальник; үрдүктэр/ наделенные властью – всего 10). Анализ содержания данного компонента показывает, что определение ситуации, связанной с потребностью, исходит исключительно из понимания демократии как политического устройства. При этом мы видим искажение «идеального» понимания демократии в речевых действиях, в которых актуализируется такой элемент социального (политического) знания, как власть, но власть как таковая, а не народовластие.

На последнем этапе рассмотрим содержание исполнительной или операционной стороны теоретической речевой деятельности, связанной с актуальной неудовлетворенной внутренней потребностью активно-действенного характера, направленного на власть как таковую. В результате анализа мы обнаружили следующие речевые действия, связанные с «внешними» условиями деятельности, т. е. актуальными способами удовлетворения потребности, фиксируемыми в процессе социального взаимодействия в речевых операциях (всего 13): митинг 4; үөрэх/ образование, учеба, обучение 2; илии көтөбүүтэ/ имя действия от поднимать руку; киһи бэйэтин санаатын көнгүллүк этии/ имя действия от открыто высказываться; революция; провокация; тэннээһин/ имя действия от уравнивать; үлэ/ труд; сомоголоһуу/ единение. Анализ содержания данного компонента выявил смысловую связь речевых операций с обоими понятийными компонентами демократии. Но нельзя не отметить, что функциональная значимость ценности «демократия», ее содержательный потенциал не отличаются разнообразием и ограничиваются, в основном, общеизвестными способами «политической борьбы», если не считать важные с точки зрения деятельности по саморегуляции актуальные речевые операции үөрэх/ образование, учеба, обучение 2 и үлэ/ труд.

Заключение

Таким образом, мы проиллюстрировали процедуру психолингвистического анализа структуры и содержания личностного смысла ценности «демократия» как актуальной установки на действие. Мы выявили ее высокую мотивационную значимость, которая проявляется в характере смысловой связи между речевыми действиями, выражающими внутренние потребности, ситуацию удовлетворения этих потребностей и эмоционально-оценочное отношение к данной ситуации. Мы выяснили также функциональную значимость анализируемой ценности, обусловленную характером речевой деятельности, а именно «направляющими» речевыми операциями. Это позволяет нам говорить о том, что психолингвистический подход предоставляет прогностический инструментарий для выявления и побудительных, и смыслообразующих мотивов (потребностей), лежащих в основе теоретической, по сути своей речевой, деятельности, связанной с фундаментальными ценностями (смыслами), определяющими характер всей деятельности личности как активного участника общественных отношений и шире, деятельности всего общества и культуры.

Литература

1. Степин, В. С. Конструктивные и прогностические функции философии / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 5–10.
2. Степин, В. С. Человеческое познание и культура. / В. С. Степин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2013. – 140 с.
3. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения : Диспозиционная концепция / В. А. Ядов. – Москва : Наука, 2013. – 376 с.

4. Леонтьев, А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
5. Андреева, Г. М. Социальное познание и социальные проблемы / Г. М. Андреева // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 39–49.
6. Пищальникова, В. А. Этнопсихоллингвистика как методологическая база межкультурных исследований / В. А. Пищальникова // Вестник МГЛУ : Гуманитарные науки. – 2018. – № 4(793). – С. 11–19.
7. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл ; Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 287 с.
8. Леонтьев, А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 11–18.
9. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А. Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Основы теории речевой деятельности : Коллективная монография / Ответственный редактор А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1974. – 333 с.
11. Пищальникова, В. А. Концептуальный анализ художественного текста : учебное пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1991. 87 с.
12. Имедадзе, И. В. Ситуативное развитие мотивации и установка / И. В. Имедадзе – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm>] (дата обращения 20.12.22).
13. Шаховский, В. И. Эмоции : Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 128 с.
14. Асеев, В. Г. Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. – Москва : Мысль, 1976. – 158 с.
15. Вакулова, Т. В. К вопросу о демократии: определения и основные принципы / Т. В. Вакулова // Гуманитарная парадигма. – 2017. – № 3. – С. 50–62
16. Бибахин, В. Мир. Язык философии / В. Бибахин. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.

References

1. Stepin, V. S. Konstruktivnye i prognosticheskie funkcii filosofii / V. S. Stepin // Voprosy filosofii. – 2009. – № 1. – С. 5–10.
2. Stepin, V. S. CHElovecheskoe poznanie i kul'tura. / V. S. Stepin. – Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2013. – 140 s.
3. YAdov, V. A. Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya : Dispozicionnaya koncepciya / V. A. YAdov. – Moskva : Nauka, 2013. – 376 s.
4. Leont'ev, A. A. YAzyk. Rech'. Rechevaya deyatel'nost' / A. A. Leont'ev. – Moskva : Prosveshchenie, 1969. – 214 s.
5. Andreeva, G. M. Social'noe poznanie i social'nye problemy / G. M. Andreeva // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2013. – № 1(9). – С. 39–49.
6. Pishchal'nikova, V. A. Etnopsiholingvistika kak metodologicheskaya baza mezhkul'turnyh issledovanij / V. A. Pishchal'nikova // Vestnik MGLU : Gumanitarnye nauki. – 2018. – № 4(793). – С. 11–19.
7. Leont'ev, A. A. Osnovy psiholingvistiki / A. A. Leont'ev. – Moskva : Smysl ; Sankt-Peterburg : Lan', 2003. – 287 s.
8. Leont'ev, A. N. Obraz mira / A. N. Leont'ev // Mir psihologii. – 2003. – № 4. – С. 11–18.
9. Leont'ev, A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. / A. N. Leont'ev. – Moskva : Politizdat, 1975. – 304 s.
10. Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti : Kollektivnaya monografiya / Otvstvennyj redaktor A. A. Leont'ev. – Moskva : Nauka, 1974. – 333 s.
11. Pishchal'nikova, V. A. Konceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta : uchebnoe posobie / V. A. Pishchal'nikova. – Barnaul, 1991. 87 s.
12. Imedadze, I. V. Situativnoe razvitie motivacii i ustanovka / I. V. Imedadze – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm>] (data obrashcheniya 20.12.22).
13. SHahovskij, V. I. Emocii : Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya / V. I. SHahovskij. – Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2016. – 128 s.

14. Aseev, V. G. Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti / V. G. Aseev. – Moskva : Mysl', 1976. – 158 s.
15. Vakulova, T. V. K voprosu o demokracji: opredeleniya i osnovnye principy / T. V. Vakulova // Gumanitarnaya paradigma. – 2017. – № 3. – S. 50–62
16. Bibihin, V. Mir. YAzyk filosofii / V. Bibihin. – Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 448 s.

- ИТ В ИССЛЕДОВАНИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ -

DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-60-69

УДК 004.8+81'322

**Современные лингвистические ресурсы и ИТ-разработки
для татарского языка: региональный опыт***Д. Ш. Сулейманов, Р. А. Гильмуллин, А. Р. Гатиатуллин*

Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики, г. Казань, Россия

E-mail: dvdt.slt@gmail.com

E-mail: rinatgilullin@gmail.com

E-mail: ayrat.gatiatullin@gmail.ru

Аннотация. Вопрос сохранения языка этноса как языка коммуникации, а также как носителя культурных кодов в настоящее время обрел особую остроту и актуальность. Как сохранить и развивать язык в условиях глобализации и повсеместной цифровизации, в условиях наступающего, а во многом уже и реального, информационного хаоса и в условиях, когда в ближайшей перспективе большинству из известных языков грозит полное исчезновение. Очевидно, что одним из надежных и перспективных решений является включение языка в цифровое пространство как языка накопления, обработки и передачи информации; языка коммуникации в глобальной компьютерной сети Интернет. В настоящее время в Республике Татарстан практически полностью реализован комплекс организационных и директивных мер и создана необходимая информационно-технологическая база для обеспечения полноценного функционирования татарского языка в компьютерных технологиях, включая деловую сферу и сферу управления, издательское дело, образовательную деятельность, лингвистические научные исследования и прикладные разработки. Еще одной действенной и весьма перспективной активностью являются исследование и использование языка как когнитивно-концептуального инструментария, способного обогатить ментальное и духовное пространство цивилизации в качестве лингво-семиотического ресурса, имеющего необходимый потенциал для создания новых технологий обработки знаний и интеллектуального интерфейса. В данной работе представлен опыт научно-исследовательской и практической деятельности Института прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан в одном из важных направлений искусственного интеллекта,

СУЛЕЙМАНОВ Джавдет Шевкетович – д. т. н., профессор, академик АН РТ, г. н. с. Академии наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: dvdt.slt@gmail.com

SULEYMANOV Djavdet – Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

ГИЛЬМУЛЛИН Ринат Абрекович – к. ф.-м. н., директор, Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: rinatgilullin@gmail.com

GLMULLIN Rinat – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

ГАТИАТУЛЛИН Айрат Рафизович – к. т. н., в. н. с., Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики.

E-mail: ayrat.gatiatullin@gmail.ru

GATIATULLIN Ayrat – Candidate of Technical Sciences, leading researcher, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics.

именуемого «Обработка естественного языка» (NLP). Исследования и разработки осуществляются в трех научно-прикладных направлениях: 1) татарская национальная локализация инфокоммуникационных технологий; 2) разработка программного инструментария, систем и технологий обработки естественного языка (ЕЯ) и создание лингвистических ресурсов; 3) создание новых интеллектуальных технологий обработки информации на основе исследования когнитивного потенциала татарского языка (ТЯ).

Ключевые слова: инфокоммуникационные технологии, татарский язык, терминология, лингвистические ресурсы, когнитивный потенциал языка.

Для цитирования: Сулейманов Д. Ш., Гильмуллин Р. А., Гатиатуллин А. Р. Современные лингвистические ресурсы и IT-разработки для татарского языка: региональный опыт // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-60-69.

Modern linguistic resources and IT applications for the Tatar language: Regional practices

D. Sh. Suleymanov, R. A. Gilmullin, A. R. Gatiatullin

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Applied Semiotics, Kazan, Russia

E-mail: dvdt.slt@gmail.com

E-mail: rinatgilullin@gmail.com

E-mail: ayrat.gatiatullin@gmail.ru

Abstract. The issue of preserving the language of an ethnic group as a language of communication, as well as a carrier of cultural codes, has now acquired particular urgency and relevance. How to preserve and develop a language in the conditions of globalization and widespread digitalization, in the conditions of coming, and in many ways already real, information chaos and in conditions when in the near future most of the known languages are threatened with complete extinction. Obviously, one of the reliable and promising solutions is embedding a language in the digital space as a language of accumulation, processing and transmission of information; a language of communication in the global Internet network. Currently, in the Republic of Tatarstan, a set of organizational and policy measures has been almost completely implemented and the necessary information and technological base has been created to ensure full functioning of the Tatar language in computer technologies, including business and management spheres, publishing, educational activities, linguistic research and development. Another effective and very promising activity is the research and use of the language as a cognitive-conceptual tool that can enrich the mental and spiritual space of civilization as a linguistic-semiotic resource that has the necessary potential for creating new knowledge processing technologies and an intelligent interface. This paper presents the experience of research and practical activities of the Institute of Applied Semiotics of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in one of the important areas of artificial intelligence called “Natural Language Processing”. Research and development are carried out in three theoretical and applied areas: 1) Tatar national localization of infocommunication technologies, 2) Development of software tools, systems and technologies for natural language processing and creation of linguistic resources, 3) Creation of new intelligent information processing technologies based on the research the cognitive potential of the Tatar language.

Keywords: infocommunication technologies, Tatar language, terminology, linguistic resources, cognitive potential of the language

For citation: *Suleymanov D. Sh., Gilmullin R. A., Gatiatullin A. R.* On the experience of implementing the Tatar language into infocommunication technologies in the Republic of Tatarstan // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-60-69.

Введение

Исследования и разработки Института прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан в одном из важных направлений искусственного интеллекта, именуемого «Обработка естественного языка» (NLP), осуществляются в трех научно-прикладных направлениях: 1) татарская национальная локализация инфокоммуникационных технологий; 2) разработка программного инструментария, систем и технологий обработки естественного языка (ЕЯ) и создание лингвистических ресурсов; 3) создание новых интеллектуаль-

ных технологий обработки информации на основе исследования когнитивного потенциала татарского языка (ТЯ). В статье описывается опыт исследований и разработок Института прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан в области сохранения, изучения и развития татарского языка с использованием инфокоммуникационных технологий по данным трем направлениям.

Первое направление ориентировано на решение задач сохранения татарского языка, повышения его активности в сети Интернет, а также использования ИТ как когнитивного и коммуникативного средства. Наиболее наукоемким, требующим тщательной практической проработки, являются создание стандартов для использования татарского языка в компьютерных системах, создание и стандартизация системы татарских терминов и понятий в информационных технологиях.

В рамках второго направления создаются технологии и системы, программный инструментарий и лингвистические ресурсы, предназначенные, главным образом, для обработки тюркских языков. В статье приведено описание ряда разработок, наиболее наукоемких и нетривиальных в функциональном и технологическом планах: интернет-платформа «Многofункциональная модель тюркской морфемы (МТМ)», представляющая собой инструментальную среду и базу тюркских аффиксальных морфем для создания лингвистических ресурсов и систем обработки тюркских языков; русско-татарский машинный переводчик и система многоязычного машинного перевода для 7 тюркских языков; системы синтеза и распознавания татарской речи; татарский национальный корпус «Туган тел» (tugantel.tatar) – лингвистический ресурс современного литературного татарского языка, представляющий собой уникальную инструментальную платформу, разработанную специалистами Института.

Третье направление – фундаментальные исследования когнитивного потенциала татарского языка для создания интеллектуальных технологий. Ключевая идея – разработка и использование семиотических моделей лексико-грамматических конструкций тюркских языков как формальной основы интеллектуальных технологий, а также лексического корпуса как базы данных. Среди важных признаков интеллектуальности систем принятия решений, как правило, выделяются такие свойства, как активность знаний, то есть первичность анализа данных и вторичность принятия решения на основе этого анализа; возможность оперировать нечеткой информацией, семантически управляемой контекстом, и исполнять нечеткие команды. На конкретных примерах показывается перспектива исследования в этих целях татарского языка как языка агглютинативного типа, обладающего такими важными свойствами, как регулярность, рекурсия, активность знаний и ряд других. Работы этого направления создают перспективу построения универсального языка общения систем ИИ между собой и с человеком, а также интеллектуальной операционной системы, как когнитивно-коммуникативной системы ИИ.

Татарская локализация ИКТ

Направление исследования и разработки в этой области ориентированы на решение проблем сохранения языка, повышения его активности в сети интернет; использования татарского языка в ИТ как когнитивного и коммуникативного средства; обеспечения функционирования татарского языка как государственного в Республике Татарстан, а также национальной локализации интерфейса и ресурсов ИТ. Наиболее наукоемкими, требующими фундаментальных исследований, а также тщательной практической проработки, являются задачи разработки системы татарских терминов и понятий, создания стандартов для использования татарского языка в информатике и информационных технологиях [1].

В настоящее время эта задача решена в полном объеме для татарского языка на основе кириллической графики. По предложению Академии наук РТ принято Постановление

КМ РТ «О стандартах кодировки символов татарского алфавита для компьютерных применений» № 1026 от 9 декабря 1996 года. На его основе разработаны экранные и клавиатурные драйверы, драйверы печати и шрифтовое обеспечение для татарского языка на кириллической основе. Создан пакет стандартных технологий и программ базовой татарской локализации «Татарский Офис 2001». Унификация кодовой страницы и, соответственно, драйверов устройств, помогла ликвидировать начавшийся хаос в текстовых редакторах и издательских системах, когда татарские тексты, набранные на одной машине, не читались на другой или отображались некорректно.

На базе принятых стандартов по соглашению с фирмой Microsoft осуществлена полная татарская локализация операционной системы MS Windows и ее офисных приложений, включая интерфейс и справочные файлы, а также корректор татарских текстов (совместно с фирмой Microsoft). Разработано и внедрено более 5000 новых татарских терминов и понятий для компьютерных технологий. Текст переводов на татарский язык интерфейса и файлов помощи составил порядка 1 млн словоформ. Работа по татарской локализации новых версий программных продуктов Microsoft продолжается и сегодня.

В настоящее время происходит активное внедрение татарского языка в мобильные устройства. Создаются локализованные сервисные приложения: татарская клавиатура, словари, системы предиктивного набора текста, игры, обучающие программы для различных систем (iOS, Android, Microsoft Windows). С 2016 г. началась татарская локализация операционной системы Аврора для мобильных устройств и планшетов. Она стала первой мобильной операционной системой, дающей возможность полноценно использовать татарский язык наравне с русским языком в мобильных устройствах. Татарская локализация ОС Аврора представляет собой полную адаптацию мобильной операционной системы на этот язык. Общий объем переведенного контента составил порядка 17000 слов.

Еще одна уникальная пользовательская система, адаптированная для татарского языка нашими специалистами совместно с фирмой Смарткат – российская система для профессионального перевода Smartcat (smartcat.ai). Она предназначена для широкого применения в качестве инструмента профессионального переводчика с различными полезными функциями (машинный перевод, электронные словари и т. п.). Эта платформа для автоматизации перевода, которая оптимизирует процесс работы и комплексно решает все переводческие задачи, позволяя создавать проекты, следить за процессом работы команды переводчиков в реальном времени, проверять переведенные сегменты, обсуждать детали с командой прямо в системе. Система Smartcat в настоящее время активно используется в Республике Татарстан государственными органами, учреждениями и муниципальными образованияами. В аккаунте «Официальный Татарстан» зарегистрировано более 160 профессиональных переводчиков из 67 организаций республики.

Терминоворотчество является одной из ключевых позиций в процессе локализации компьютерных систем, поскольку именно от того, насколько этот процесс органичен, насколько термины и понятия корректны и адекватны языковым явлениям, зависят цельность и устойчивость языка, а также, что не менее существенно, корректность понимания команд и функций и, соответственно, корректность решения задач пользователя. В настоящее время нередки случаи употребления на практике нескольких татарских вариантов перевода одного и того же английского термина. Например: *санак, компьютер, кампир, ЭХМ; клавиатура – тэймэсар, клавиатура; меню – меню, сайлак; монитор – дисплей, күрэк.*

В основу принципов перевода терминов при татарской локализации легли правила образования и применения терминов и понятий в татарском языке, разработанные татарскими филологами [2], а также результаты наших исследований, полученные при локализации

компьютерных систем, при создании англо-татарско-русского толкового словаря по терминам информатики и при обучении студентов [3].

Татарская локализация операционной системы MS Windows решала следующие задачи, требующие перевода терминов и понятий:

1) перевод интерфейсов операционных систем и ее офисных приложений – перевод текстов, которые отображаются на экране дисплея (например, текстов, используемых при работе с электронной почтой, с приложениями Windows Word, Excel и т.д.);

2) перевод на татарский язык текстов на кнопках меню (Save, Open, Close, OK, Yes, Delete, Print и т.д.); перевод файлов справок и помощи на татарский язык.

При этом к татарским текстам, понятиям и терминам предъявлялись следующие требования:

1) правильность, естественность, точность татарских понятий и терминов и татарских текстов для адекватного перевода смысла текста на английском языке;

2) краткость, понятность и правильность понятий, терминов, текстов (команд, действий) на кнопках меню;

3) понятность и компактность понятий, терминов, текстов в файлах справок.

Татарская локализация операционной системы и офисных приложений – это не прямой перевод с английского или русского языков, а творческая адаптация программного продукта для комфортной работы татаро-язычного пользователя в соответствующей операционной среде. Важно, чтобы представленный в системах на разных языках текст имел одинаковый смысл. Тексты на разных языках должны восприниматься одинаково и быть корректными по отношению к пользователю.

К основным принципам образования татарских понятий и терминов, описанным в работе [2], нами предложены дополнительно три новых принципа. Они практически еще не изучены или недостаточно отражены в татарской лексикологии, подробное их описание дается в работе Д. Ш. Сулейманова, А. Ф. Галимянова [1]. Здесь ограничимся определением этих принципов и примерами.

1) Принцип «формального гнезда». Образование новых слов из каркаса (матрицы) татарского слова, в котором «убираются» все гласные буквы, и слово-схема заполняется другими татарскими гласными буквами.

Структуру татарских корневых слов можно представить как матрицу из согласных букв, заполненных гласными буквами. В современном татарском языке 9 гласных букв (*а-ә, о-ө, у-ү, ы-е, и*). Соответственно, заполняя, например, матрицу «*т-з*», можно образовать следующие слова: *таз-тәз-тоз-төз-туз-түз-тыз-тез-тиз*. Здесь 7 слов из 9 представлены в татарском словаре: *таз* (*тазик*), *тоз* (*соль*), *төз* (*стройный*), *туз* (*береста*), *түз* (*терпи*), *тез* (*строй*), *тиз* (*быстро*). В то же время по схеме «*ж-л*» образуется всего одно слово, это слово *жыл* (*ветер*), и нет ни одного татарского литературного слова, которое можно породить по схеме «*б-н*». Такие схемы мы называем «формальными гнездами», это практически готовые структуры для порождения новых слов.

В настоящее время в компьютерных технологиях используется ряд понятий, названия которых представляют собой новые слова, неологизмы, образованные на основе описанного принципа: *күрәк* (*к-р-к*) – дисплей, *күрсәр* (*к-рес-р*) – курсор, *сайлак* (*с-л-к*) – меню, *буяк* (*б-й-к*) – тонер, *турак* (*т-р-к*) – измельчитель бумаги. Возвращенное слово *санак* (компьютер) также могло бы образоваться на основе формы «*с-н-к*».

2) Принцип «возвращенных» слов. Возвращение в язык слова, которое этимологически является тюркским, использовалось в языке, сохранилось в других языках, или вышло из употребления в языке как «архаизм».

Одним из таких «возвращенных» слов является слово айкен (иконка, *icone*), обозначающее пиктограмму – небольшое растровое символическое изображение, используемое в графическом интерфейсе пользователя для выбора того или иного инструмента (программы) или файла.

Слово *айкен-айкөн* составлено из двух тюркских слов *ай* – луна и *кен (көн)* – солнце. У индейцев майя имеется такой глиф с изображением луны и солнца. Соответственно, вполне логично пиктограмму (знак) *иконка* по-татарски называть возвращенным словом *айкен*.

3) Принцип «блендинг» («слияние») – синтетический принцип. Образование новой метафоры из нескольких метафор «слиянием, соединением» и обозначение ее новым именем. Этот принцип в настоящее время активно применяется для языков индоевропейской группы. Например, слово *edutainment (education + entertainment)* – (обучение + развлечение) обозначает программное обеспечение, которое развлекает, когда обучает. Также слиянием слов *пүчтэк (рус.: пустяк, пустячок)* и *күчтәнэч (презент)* можно образовать слово *пүчтәнэч*. В итоге данное новое слово передает новое значение: маленький, недорогой подарок, слово образовано из значений двух метафор. Данный принцип в татарском языке в настоящее время практически не используется для образования новых терминов и понятий.

Программные системы, технологии и лингвистические ресурсы для татарского языка

Следующее направление исследований и разработок института ориентировано на создание программного инструментария, прикладных программ и лингвистических ресурсов для татарского языка, обеспечивающих использование компьютерных систем и технологий в работе с татарским языком во всех сферах и формах его проявления (наука, образование, делопроизводство, издательская деятельность, накопление и обработка информации, и т. д.). Исследования теоретических и прикладных проблем компьютерной лингвистики применительно к татарскому языку являются весьма наукоемкой задачей и требуют интеграции знаний и умений специалистов в смежных областях – информатике, математике и лингвистике. Описанию современного состояния исследований и разработок в этом направлении и раскрытию приведенных ниже разработок в функциональном, содержательном и технологическом аспектах посвящена коллективная монография [4].

В настоящее время ряд задач: создание программных средств и пакетов прикладных программ поддержки татарского языка в инфокоммуникационных технологиях, создание национального корпуса татарского языка и иных лингвистических ресурсов лингвистических ресурсов – решаются в рамках выполнения Государственной программы по изучению, сохранению и развитию языков народов РТ.

Морфологический анализатор татарского языка и программный комплекс снятия морфологической неоднозначности (<http://tatmorphanywhere.com/>).

Как известно, татарский язык обладает содержательно богатой и формально элегантной, регулярной, почти автоматной, морфологией [5]. Морфологическая модель татарского языка является базовой составляющей практически во всех полнофункциональных лингвистических процессорах. Соответственно, создание компьютерной модели морфологии татарского языка было одной из первых и важных задач института. Учитывая структурную специфику татарского языка и исходя из прикладных задач, к настоящему времени нами разработаны три различные модели морфологии. *Генеративная модель* морфологии, основанная на правилах словоизменения, хотя и уступает другим моделям по быстрдействию, обеспечивает полноту анализа словоформы, позволяя в полной мере учитывать агглюти-

нативный характер языка, распознавая словоформы потенциально неограниченной длины. *Парадигматическая модель* татарской морфологии обеспечивает быстрое распознавание словоформ и анализ корректности татарских словоформ с точностью до 95% и используется в операционной среде MS Windows и ее офисных приложениях.

Кроме того, в рамках совместного проекта с Белкентским университетом (Турция) разработана *двухуровневая модель морфологии* татарского языка, реализованная в среде программной оболочки РС КИММО. Эта модель морфологического анализа включена в состав поисковой системы УИС «Россия» (ЦИТ МГУ), причем скорость распознавания составляет 100 слов за 0.014 секунд, что на порядок превосходит требования заказчика. На ее основе разработан морфологический анализатор татарского языка, используемый как средство аннотации текстов, и программный комплекс снятия морфологической многозначности в корпусе татарского языка.

Создана также *гибридная модель морфологического анализа*, использующая генеративный и парадигматический подходы и являющаяся частью информационно-инструментального комплекса «Татарская морфема» [6].

В татарском языке, как и в других агглютинативных языках тюркской группы, морфемы представляют собой важнейшие значащие языковые единицы, которые несут как семантическую, так и синтаксическую информацию. Имея теоретически неограниченное количество присоединяемых к основе морфем, *морфологическая многозначность* приобретает разнообразные формы, что значительно усложняет задачу разрешения. В связи с этим весьма важным и значимым теоретическим и практическим результатом является решение следующих задач, успешно выполненных в институте: 1) разработка программного инструментария для автоматизации процессов создания и тестирования программных средств разрешения многозначности в ЕЯ-текстах; 2) создание лексико-грамматической модели представления базы знаний для разрешения морфологической многозначности в ЕЯ-текстах; 3) разработка программных средств разрешения морфологической многозначности в ЕЯ-текстах на татарском языке.

Система машинного перевода (СМП) «Татсофт» (translate.tatar). Первый нейросетевой русско-татарский машинный переводчик. Один из важных и востребованных продуктов. В настоящее время является одним из лучших по качеству перевода среди своих аналогов (Яндекс и Google). По данным Яндекс.Метрики по состоянию на 30.08.2023 г. количество стран, обратившихся за сервисом, составило 102 страны, обработано более 20 миллионов запросов на перевод. В «Татсофте» перевод осуществляется с «пониманием» всего предложения, а не отдельных слов/фраз. Модели переводчика обучены на базе параллельных текстов, которая включает более 1 млн русско-татарских пар предложений и двуязычные специализированные словари фамилий, имен, отчеств, государств, субъектов РФ, районов РТ, населенных пунктов, гражданств, национальностей в объеме более 95 тыс. словарных пар.

В настоящее время ведутся работы по разработке речевого (голосового) интерфейса, что сделает сервис машинного перевода «Татсофт» еще более удобным и особенно важным для пользователей со слабым зрением.

В институте разработана также система машинного перевода для 7 языковых пар, в которых один язык является русским, а другой принадлежит к тюркской языковой группе. Для достижения поставленной цели создана база параллельных обучающих данных и разработан метод объединения собранных параллельных корпусов на основе структурно-функциональной модели тюркских морфем [6], а также созданы программные средства для обучения многоязычного машинного переводчика на основе подходов трансферного

обучения и увеличения данных. Это позволило впервые создать параллельный корпус для крымскотатарско-русской языковой пары. Система машинного перевода работает еще с 6 языковыми парами (татарско-русский, башкирско-русский, чувашско-русский, казахско-русский, киргизско-русский и узбекско-русский).

Татарский национальный корпус (ТНК) «Туган тел» (<http://tugantel.tatar/>). Очевидно, формирование максимально полной, репрезентативной лингвистической ресурсной базы также служит сохранению, изучению и развитию языка. В этом плане одним из важных разработок института является Татарский корпус «Туган тел» («Родной язык»). Это лингвистический ресурс современного литературного татарского языка, адресованный широкому кругу пользователей: лингвистам, специалистам в области татарского, тюркского и общего языкознания, типологам, преподавателям татарского языка, деятелям культуры, а также всем, кто изучает татарский язык и интересуется им. В настоящее время объем корпуса составляет около 200 миллионов словоупотреблений и содержит тексты различных жанров (художественная литература, тексты СМИ, тексты официальных документов, учебная литература, научные публикации и др.). Уникальность корпуса заключается еще и в том, что программная платформа корпуса языка представляет собой оригинальную разработку нашего института и имеет инструментарий, практически «заточенный» под татарский язык.

Проект выполнялся в рамках Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы». Практически данный ресурс реализует базовые блоки концепции машинного фонда татарского языка МФТЯ, представленной в статье [7] средствами современных технологий.

Электронная версия Атласа татарских народных говоров (atlas.antat.ru). Еще один уникальный продукт: Электронный Атлас татарских народных говоров. Атлас построен совместными усилиями специалистов НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ, ИЯЛИ АН РТ и КФУ, охватывает все основные районы расселения татар и отражает сведения по фонетике, морфологии, лексике и синтаксису татарского языка, собранные в 28 регионах Российской Федерации. Выпуск электронного варианта атласа является новым этапом представления диалектических знаний по татарскому языку на базе геоинформационных систем. Реализована специальная программа для сбора материалов и включения их в базу диалектологического Атласа силами пользователей. Электронный атлас татарских говоров позволяет получить информацию об имеющихся языковых явлениях в привязке к конкретным географическим объектам на картах. На данный момент используется информация с 215 карт языковых явлений.

Интернет-платформа «Тюркская морфема». Еще одна разработка – интернет-платформа «Тюркская морфема» [6] – это инструмент, разработанный с целью создания интегрального описания тюркских языков в рамках целостной лингвистической модели. Подход создания Интегральной лингвистической модели естественного языка был предложен Мельчуком при работе над проектом машинного перевода «Этап» [8]. В модели, использованной в проекте «Этап», в качестве базовой лингвистической единицы была взята лексема, которой в явном виде прописывали все ее свойства, включая просодические, семантические, прагматические, коммуникативные и сочетаемостные. В модели портала «Тюркская морфема» в качестве базовой единицы использована тюркская морфема, как аффиксальная, так и корневая. База данных модели представляет собой единый граф знаний, содержащий с описанием характеристик тюркских морфем на всех языковых уровнях (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом). Основные функ-

ции сервиса: формирование ресурсной базы для программных продуктов, осуществляющих компьютерную обработку тюркских языков, таких как системы машинного перевода, информационно-поисковые системы, системы разметки электронных корпусов, извлечения данных и др.; информационно-справочная система, содержащая практически полную информацию о тюркских морфемах; инструментарий для исследований ученых-тюркологов.

Важно отметить, что эта интернет-платформа есть одновременно и ценный программный инструментарий, а также лингвистическая база для сравнительного изучения тюркских языков и реализации совместных коллективных проектов с участием ученых, являющихся носителями языка этноса, с глубокой лингвистической интуицией.

Система анализа и синтеза татарской речи. Как прогнозируется специалистами, одним из основных направлений развития в сфере высоких технологий в ближайшие годы будут речевые технологии, особенно, автоматическое распознавание речи (ASR). Ожидается широкое внедрение технологий ASR в ведущие сектора экономики. В Институте разрабатывается комплекс речевых технологий, включающих в себя возможности определения языка говорящего, синтеза и распознавания татарской речи [9]. Накапливаются и анализируются базы данных текстовой и речевой информации на татарском языке, разрабатываются технологии машинного обучения, происходит интеграция речевого интерфейса на татарском языке в современные ПК и мобильные устройства. Достигнутые результаты сравнимы с мировыми аналогами и позволяют организовать «общение» с компьютером с помощью голосовых команд (речевой перевод, мобильные ассистенты, диктовка сообщений, чтение новостей).

Заключение

В статье изложены результаты деятельности НИИ «Прикладная семиотика» Академии наук РТ за последние годы в области создания программных систем, технологий и лингвистических ресурсов с целью обеспечения паритетного функционирования татарского языка в инфокоммуникационных технологиях в качестве одного из государственных языков в Республике Татарстан. Разработанные институтом и представленные в статье программные продукты способствуют сохранению и развитию татарского языка, повышению его активности в интернете и помогают татарскому языку стать языком компьютерных технологий. Описан ряд потенциальных когнитивных возможностей татарского языка, позволяющих ему стать формальной базой для построения новых средств описания, хранения и обработки информации.

Литература

1. Сулейманов, Д. Ш. Система татарских терминов в компьютерных технологиях и информатике / Д. Ш. Сулейманов, А. Ф. Галимянов // В сб. трудов Первой международной конференции «Компьютерная обработка тюркских языков». – Астана : ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2013. – С. 132–140.
2. Правила образования, совершенствования и применения татарских терминов. Комитет при Кабинете Министров РТ по реализации Закона РТ «О языках народов РТ». Зам. председателя Комитета профессор М. З. Закиев, председатель терминологической комиссии Комитета, доцент И. М. Низамов. – Казань, 1995. – 13 с. (на татарском языке).
3. Сулейманов, Д. Ш. Англо-русско-татарско-чувашский словарь терминов по информатике и информационным технологиям (с толкованиями на татарском языке). [Текст] / Д. Ш. Сулейманов, А. Ф. Галимянов, М. Х. Валиев [и др.]. // Приложение к Материалам III Международной конференции по компьютерной обработке тюркских языков (TurkILang 2015, Казань, 17–19 сентября 2015 г.). – Казань : Издательство АН РТ, 2015. – 400 с.
4. Формальные модели и программные инструменты компьютерной обработки татарского языка / Р. Р. Гатауллин, А. Р. Гагиатуллин, Р. А. Гильмуллин [и др.] ; под редакцией Д. Ш. Сулейманова,

А. Ф. Хусаинова ; Академия наук РТ, Институт прикладной семиотики АН РТ. – Казань : Издательство Академии наук РТ, 2019. – 260 с.

5. Heintz J. and Schonig C. (1989). Turcic Morphology as Regular Language // *Central Asianic Journal (CFJ)*. – P.1–24.

6. Ayrat Gatiatullin, Dzhavdet Suleymanov, Nikolai Prokopyev, Bulat Khakimov (2020). About Turkic Morpheme Portal. In *Proceedings of the Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2020)*. Kazan, Russian, November 12–13, 2020. Pp. 226–243 (<http://ceur-ws.org/Vol-2780/>).

7. Бухараев, Р. Г. Машинный фонд татарского языка : состояние и проблемы / Р. Г. Бухараев, Д. Ш. Сулейманов // *Инфокоммуникационные технологии глобального информационного общества : тезисы докладов научно-практической конференции* (Казань, 16–18 сентября 2003). – Казань : Издательство КГУ, 2003. – С. 80–81.

8. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл –Текст» / И. А. Мельчук. – Москва, 1974.

9. Khusainov A., Suleymanov D. (2015). An approach to automate process of creating speech analysis systems for under-resourced languages. *IEEE CPS Volume of Proc. of MICAI-2015*. (Cuernavaca, October 25 to 31, 2015). 2015. P. 28-34. [Tatar National Corpus] Tatar National Corpus – URL: <http://tugantel.tatar/>.

References

1. Sulejmanov, D. SH. Sistema tatarskih terminov v komp'yuternyh tekhnologiyah i informatike / D. SH. Sulejmanov, A. F. Galimyanov // *V sb. trudov Pervoj mezhdunarodnoj konferencii «Komp'yuternaya obrabotka tyurkskih yazykov»*. – Astana : ENU im. L. N. Gumileva, 2013. – S. 132–140.

2. Pravila obrazovaniya, sovershenstvovaniya i primeneniya tatarskih terminov. Komitet pri Kabinete Ministrov RT po realizacii Zakona RT «O yazykah narodov RT». Zam. predsedatelya Komiteta professor M. Z. Zakiev, predsedatel' terminologicheskoy komissii Komiteta, docent I. M. Nizamov. – Kazan', 1995. – 13 s. (na tatarskom yazyke).

3. Sulejmanov, D. SH. Anglo-russko-tatarsko-chuvashskij slovar' terminov po informatike i informacionnym tekhnologiyam (s tolkovaniyami na tatarskom yazyke). [Tekst] / D. SH. Sulejmanov, A. F. Galimyanov, M. H. Valiev [i dr.]. // *Prilozhenie k Materialam III Mezhdunarodnoj konferencii po komp'yuternoj obrabotke tyurkskih yazykov (TurkLang 2015, Kazan', 17–19 sentyabrya 2015 g.)*. – Kazan' : Izdatel'stvo AN RT, 2015. – 400 s.

4. Formal'nye modeli i programmnye instrumenty komp'yuternoj obrabotki tatarskogo yazyka / R. R. Gataullin, A. R. Gatiatullin, R. A. Gil'mullin [i dr.]; pod redakciej D. SH. Sulejmanova, A. F. Husainova ; Akademiya nauk RT, Institut prikladnoj semiotiki AN RT. – Kazan' : Izdatel'stvo Akademii nauk RT, 2019. – 260 s.

5. Heintz J. and Schonig C. (1989). Turcic Morphology as Regular Language // *Central Asianic Journal (CFJ)*. – P.1–24.

6. Ayrat Gatiatullin, Dzhavdet Suleymanov, Nikolai Prokopyev, Bulat Khakimov (2020). About Turkic Morpheme Portal. In *Proceedings of the Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2020)*. Kazan, Russian, November 12–13, 2020. Pp. 226–243 (<http://ceur-ws.org/Vol-2780/>).

7. Бухараев, Р. Г. Машинный фонд татарского языка : состояние и проблемы / Р. Г. Бухараев, Д. Ш. Сулейманов // *Инфокоммуникационные технологии глобального информационного общества : тезисы докладов научно-практической конференции* (Казань, 16–18 сентября 2003). – Казань : Издательство КГУ, 2003. – С. 80–81.

8. Mel'chuk, I. A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl –Tekst» / I. A. Mel'chuk. – Moskva, 1974.

9. Khusainov A., Suleymanov D. (2015). An approach to automate process of creating speech analysis systems for under-resourced languages. *IEEE CPS Volume of Proc. of MICAI-2015*. (Cuernavaca, October 25 to 31, 2015). 2015. P. 28-34. [Tatar National Corpus] Tatar National Corpus – URL: <http://tugantel.tatar/>

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-70-75

УДК 929Слепцов(571.56)

**Саха тылын Улахан Быһаарыылаах тылдыта –
академик П. А. Слепцов түстээбит, тэрийбит, айсыбыт
сүҥкэннээхэй суолталаах үлэтэ = Академик П. А. Слепцов –
идейный вдохновитель, организатор и создатель Большого
толкового словаря якутского языка**

В. Д. Монастырёв

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: dimamon92@mail.ru

Аннотация. Петру Алексеевичу Слепцову – главному научному сотруднику отдела якутского языкознания Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИ-иПМНС) СО РАН, известному тюркологу, первому академику из числа лингвистов Якутии, доктору филологических наук, профессору 12 июля 2023 года исполнилось 95 лет.

В связи с этим ИГИиПМНС СО РАН, Академия наук РС (Я) и Администрация муниципального образования «Верхнеколымский улус (район)» планируют провести 14 декабря 2023 г. Всероссийскую научно-практическую конференцию «Языки коренных народов России в междисциплинарном дискурсе».

Петр Алексеевич разработал теоретические и прикладные направления современного якутского языкознания, в рамках которых развиваются такие направления, как лексикология, лексикография, социолингвистика, лингвофольклористика, этнолингвистика, история языка.

Он один из ведущих якутских лексикографов, глубоко вникающих в историко-культурную роль свидетельств языка и письменной речи. Под его руководством, редакцией и в соавторстве создан «Якутско-русский словарь» (1972), который явился первым нормативным словарем среднего объема на якутском языке. После выхода этого словаря Петр Алексеевич сумел сосредоточить основные силы своих учеников-языковедов на создании очень сложной и трудоёмкой работы – многотомного академического Большого толкового словаря якутского языка. Этот грандиозный проект Петра Алексеевича, начатый в 1972 г., успешно завершился в 2018 г. через 46 лет в виде 15 томов общим объемом 769 п. л., охватывающий 80 тысяч слов и фразеологизмов. За это время он был бессменным главным редактором всех томов словаря.

МОНАСТЫРЁВ Владимир Дмитриевич – к. филол. н., ведущий научный сотрудник отдела якутского языкознания, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: dimamon92@mail.ru

MONASTYREV Vladimir Dmitrievich – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of the Yakut language, Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

Особенность его словаря заключается в том, что он представляет собой новый тип толкового словаря в тюркских языках. Это в первую очередь выражается в том, что Словарь выполнен не только как нормативный – то есть фиксирующий определенные правила употребления тех или иных слов, а как национальный словарь нормативно-регламентирующего типа. Это значит, что с учётом всего разнообразия существующей лексики авторы стремились как можно полнее охватить и представить лексическое богатство языка якутского народа. Это относится к определению типа словаря как «регламентирующего». Ещё одна особенность заключается в том, что словарь – двуязычный. Задача словаря состояла в том, чтобы через русский язык обеспечить выход богатейшего материала в широкую научную сферу. Этим проектом Петр Алексеевич привлек представителей нескольких поколений лингвистов из числа своих учеников и единомышленников к очень сложной, но всегда увлекательной, интересной и перспективной сфере научной деятельности – лексикографии.

Благодаря этому проекту под руководством академика АН РС (Я), лауреата Государственной премии Республики Саха (Якутия) в области науки и техники, заслуженного деятеля науки Якутской АССР и Российской Федерации Петра Алексеевича Слепцова создан коллектив словаристов, объединенных в одну слепцовскую школу якутских лексикографов.

Ключевые слова: Петр Алексеевич Слепцов, толковый словарь якутского языка, биография

Для цитирования: *Монастырёв В. Д.* Саха тылын Улахан Быһаарыылаах тылдьыта – академик П. А. Слепцов түстээбит, тэрийбит, айсыбыт сүҥкэннээхэй суолталаах үлэтэ = Академик П. А. Слепцов – идейный вдохновитель, организатор и создатель Большого толкового словаря якутского языка (на якутском языке) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-70-75.

Academician Petr Sleptsov – the ideological inspirer, organizer and creator of the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language

V. D. Monastyrëv

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

E-mail: dimamon92@mail.ru

Abstract. Petr Alekseevich Sleptsov, Chief Researcher of the Department of Yakut Linguistics, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North (IGIIPMNS), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, a well-known turkologist, the first member of the academy from Yakut linguists, Doctor of Philology, Professor, turned 95 on July 12, 2023.

On this occasion, the Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Administration of the municipal district “Verkhnekolymsky ulus (rayon)” are hosting a Russian conference “Languages of the indigenous peoples of Russia in interdisciplinary discourse” on December 14, 2023.

Petr Sleptsov developed theoretical and applied directions of the modern Yakut linguistics, including lexicology, lexicography, sociolinguistics, linguo-folkloristics, ethnolinguistics, and history of language.

He is a leading Yakut lexicographer, deeply delving into the historical and cultural role of linguistic evidence and written language. Under his leadership, editorship and co-authorship the Yakut-Russian Dictionary (1972) was created, which was the first normative dictionary of medium volume in the Yakut language. After the release of this dictionary, Petr Alekseevich managed to concentrate the main forces of his students – linguists on the creation of a very complex and time-consuming work – a multi-volume Great Academic Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Petr Alekseevich begun this tremendous project in 1972, it was successfully completed in 2018 after 46 years in 15 volumes of 769 printed sheets, covering 80 thousand words and phraseological units. During this time, he was the permanent editor-in-chief of all volumes of the dictionary.

This dictionary represents a new type of explanatory dictionaries of Turkic languages. First of all, the Dictionary is not only descriptive, i. e. fixing certain rules for usage of words, but also a national dictionary of the descriptive registering type. It means that, taking into account the diversity of the existing vocabulary, the authors sought to cover and present the lexical richness of the language of the Yakut people as fully as possible. This refers to defining a dictionary type as “registering”. Another feature is that the dictionary is bilingual. The goal of the dictionary was to ensure the introduction of the richest material to a wide scholarly audience through the Russian language. With this project, Petr Alekseevich attracted several generations of

linguists from his students and like-minded people to a very complex, but always fascinating, interesting and promising field of scientific activity – lexicography.

Thanks to this project there exists a team of lexicographers, the Sleptsov school of Yakut lexicographers under the leadership of Member of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), laureate of the State Prize of the Republic of Sakha (Yakutia) in the field of science and technology, Honored Scientist of the Yakut ASSR and the Russian Federation Petr Alekseevich Sleptsov.

Keywords: Petr Alekseevich Sleptsov, Explanatory Dictionary of the Yakut Language, biography

For citation: *Monastyrev V. D.* Academician Petr Sleptsov – the ideological inspirer, organizer and creator of the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language (in the Yakut language) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-70-75.

Саха тылын Улахан Быһаарыылаах тылдыта – академик П. А. Слепцов түстэбит, тэрийбит, айсыбыт сүнкэннээхэй суолталаах үлэтэ

Арасыйа наукаларын академиятын Сибиирдээҕи салаатын Гуманитарнай чинчийи уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуртар проблемаларын институтун (РНА СС ГЧуОХА-АОПИ) саха салаатын кылаабынай научнай үлэһитэ, тыл билимин дуоктара, профессор, академик Петр Алексеевич Слепцов бу сыл от ыйын 12 күнүгэр 95 сааһын туолбутун, кини үлэлиир Института, Саха Өрөспүүбүлүкэтин Наукатын академията уонна төрөөбүт Үөһээ Халыматын улуунун дьаһалтата ахсынны ый 14 күнүгэр «Языкы коренных народов России в междисциплинарном дискурсе» диэн ааттаах Арасыйа таһымыгар киэн научнай тэрээһини ыытарга бэлэмнэнэллэр. Петр Алексеевич олоҕун 63 сылын саха тылын науката чэчири сайдарын туһугар анаан, бэринилээхтик үлэлээн кэллэ. Кини тыл араас салааларын (лексикология, лексикография, семантика, истиил, социоллингвистика, лингвофольклористика, этнолингвистика, тыл историята о. д. а) үөрэтиигэ тугунан да солбуллубат кылааты киллэрбит, наука теориятын практиканы кытта ситимнээн үлэлиир ааттаах-суоллаах учуонай.

I

Петр Алексеевич үлэтин эргийэр киинэ – саха литературнай тылын сайыннарыы, нуормаларын олохтоонун. Оттон литературнай тылы өрө тутарга, бастатан туран, сүрүн оруолу тылдыттар ылаллар. Ол да иһин буолуо, кини научнай үлэтин биир сүрүн хайысхата – тылдыттары оноруу.

Биллэрин курдук, хайа баҕарар норуот үйэ-саас тухары олоҕурбут өйө-санаата, олоҕо-дьаһаҕа, сирэ-туома, тулалыыр эйгэни хайдах өйдүүрү, сайдан кэлбит историята – барыта тылыгар көстөр. Норуот бу сүрүн уратытын үйэлэри унуордаан хайдах тутан илдьэ кэлбитин төһө кыалларынан толорутук көрдөрүөн сөптөөх – хайа баҕарар омур национальнай тылын быһаарыылаах толору тылдыта буолар. Онтон манньк тылдыты тэрийэн, иилээн-саҕалаан, өссө түмүктээх буоларыгар тиэрдибит улуу дьоннордоох норуот, туох да саарбаҕа суох – дьоллоох норуот аатын ылыан сөп. Норуотун туһугар манньк сүдү үлэни ылсыбыт, саха тылын Улахан Быһаарыылаах тылдытын төрүттэбит, биллиилээх, киэн далааһыннаах лексикограф П. А. Слепцов: “70-с сыллар саҕаланыларыгар саха тылын баай саппааһын барытын ырытан, улахан тылдыты онорорго сананыбыт, билигин кэлэн санаатахха, олус да баламат, хорсун быһыы эбит”, – диэн «Кыым» хаһыакка суруйбуттаҕа.

Бу тылга сүрүн тылдыт норуот суруга-бичигэ, уус-уран литературата, култуурата, тылын үөрэбэ тустаах кэрдиискэ тиийбит кэмигэр тыл үөрэбин инники ситиһилэригэр олоҕуран оноһулар. Онон тылбыт науката төһө сайдыылааҕын эмиэ киэнник көрдөрөр тылдыт. Ол иһин быһаарыылаах тылдыттар үксүгэр академической диэн ааттаналлар уонна норуот билиини-көрүүнү ингэринэригэр, өйө-санаата тобулларыгар, улахан төһүү буолаллар. Быһаарыылаах тылдыт норуот тылын баайын эрэ көрдөрөр буолбакка, үүнэр көлүөнэни тыл күүһүнэн иитиигэ эмиэ ордук суолталаах.

Петр Алексеевич лексикографияға бастакы улахан үлэтэ саха литературнай тылын орто кээмэйдээх, нуормаламмыт «Сахалыы-нууччалы тылдыгыта» буолар. Оччолорго сана сайдан эрэр саха литературнай тыла грамматика, истиил, арпагырааппыйа өттүнэн нуормалара өссө да олохтоно илик кэмнэрэ этэ. Фольклор уонна кэпсэтии тыла норуот тылыгар олус күүстээх сабыдыаллааба, тыл семантической тутулун, ол эбэтэр тыл суолтатын толорук көрдөрүүххэ сөптөөх картотека тэрриллэ илигэ. Онон ити кэмгэ саха литературнай тылын лексическэй, стилистическэй нуормаларын тылдыкка ылбычча ылан көрдөрүү уустуктардаах этэ. Ол да буоллар, бу тылдыгыт сыалын-соругун ситэн, ылынныгыга сөпкө тангыллан Петр Алексеевич эрдээксийэтинэн 1972 сыллаахха бэчээттэнэн тахсыгыта. Бу саха лексикографиятыгар бастакы улахан үлэ киниэхэ дирин ис хоһоонноох идеялары, лексикографияға сана былааннары үөскэппитэ саарбахтаммат.

Тылдыгыты онорууга көрсүллүбүт ыарахаттар Петр Алексеевичка сана толкуйдары, ол иһигэр, саха тылын академической картотекатын тэрийии туһунан санаалары үөскэппит буолуохтарын сөп. Онон кини наукаға киллэрбит биир сүрүн кылаатынан 70-с сыллартан сағалаан саха тылын толору куорпуһун, ол эбэтэр саха тылынан уонна суругунан литературнай тылын баайын түмэр, норуот духуобунай култууратын акылаатын – академической картотеканы тэрийиини – аатгыахха сөп.

Манньык улахан култуурунай суолталаах үлэбэ Петр Алексеевич бэйэтэ 1972 сыллаахха тэрийбит лексикология уонна лексикография сиэктэрин үлэһиттэриттэн ураты, элбэх киһи тастан үлэлэһэн картотека атабар туран, саха тылын национальнай толору тылдыгыта оноһулар кыахтаммыта. Маны таһынан, тылга сыһыаннаах араас чинчийиилэр бу картотека баай матырыйаалыгар олобуран ытытылар кыахтаммыттара. Бу оччолорго 2 мөлүйүөн цитата-хаартыскалаах картотекаға (билигин 3,5 мөлүйүөн) тирэбэрэн 1980-с сыллар сағаланыыларыгар Петр Алексеевич өссө 1930-ус сыллаахха П. А. Ойуунускай баға санаа оностубут былаанын олоххо киллэрэр сороктууах, саха национальнай тылын толору кээмэйдээх, элбэх туомнаах академической Быһаарыылаах тылдыгытын бэлэмнииргэ ураты уустук бырайыагы сағалаабыта. Тылдыгыты онорооччулар академической картотека матырыйаалын ырытан, тыл туох суолталардаабын уонна туттулуутун төһө кыалларынан толорук көрдөрүөхтээхтэрэ. Биридди тыл туттулууга хастыы да сүүһүнэн, эбэтэр тыһыынчанан хаартыскаға көстүбүтүн көрдөөн булан, тылдыкка киллэрэн, саха национальнай тылын толору кээмэйдээх тылдыгыта оноһулуохтааба. Тылдыгыттары оноруу үөрэбин историята көрдөрөрүнэн улахан быһаарыылаах толору тылдыгыттар олус уһун кэмгэ оноһуллаллар (60-70 сылга тийэ). Онон норуот, уопастыба сайдыгытын уратыларын көрдөрөр, ол кэмнэр идеологияларыгар эппиэттиир курдук гына оноһуллалара. Саха тылын Улахан Быһаарыылаах тылдыгытын оноруу ааспыт үйэ 1980-ус сылларыгар сағаламмыт буолан, тылдыгыт ылынныгыга, тыл суолтатын арыйар холобурдар эмиэ оччотооһу кэм ирдэбиллэригэр эппиэттиир курдук гына таныллыгыттара. Онтон тылдыгыт туомнарын бэчээккэ бэлэмниир кэм бийиги уопастыбабытыгар улахан уларыйыылар, төрөөбүт тылы сайыннарыгыга Арасыйыа үрдүнэн саға хамсааһыннар күүскэ сағаламмыт кэмнэригэр түбэспитэ, онон тылдыгыт үгүс ыстатыйаларын хаттаан көрүүгэ улахан үлэ ытытылыгыта. Тылдыгыт ылынныгыга, холобурдар эмиэ санаттан көрүллүбүттэрэ. Онон Тылдыкка сүрүннэн саха национальнай тылын лексическэй баайа ытытылыгыта. Ити тылдыгыт биир улахан уратытын курдук көрүллүн сөп.

Петр Алексеевич бэйэтэ ааптар быһыгытынан бу далааһыннаах үлэни бастакы «А» буукубаттан сағалаан, бүтэһик «Э» буукубанан түмүктэбитэ.

Кини суруйбут словарнай ыстатыйаларын ылан көрдөххө тылы быһаарыылар олус сиһилии, толорук бэриллибиттэрэ тута харахха бырабыллар. Элбэхтэн ағыах холобуру

“А” буукубажа онгорбут ыстатыйаларыттан көрүөххэ сөп: ААТ диэн тылга 7 суолтаны уонна 50 холбуу тыллары, ААРТЫК диэн тылга (6 уонна 44), АЙАХ I диэн тылга (8 уонна 93) булан ааҕааччыны итэҕэтэр толору быһаарылары биэрбитин көрөбүт.

Петр Алексеевич Быһаарыылаах тылдыт таһымын түстүүр сүрүн чааһынан тыл суолтатын быһаарыы буоларын бэйэтин ыстатыйаларынан көрдөрөр уонна атын да ааптардарга кытаанах ирдэбиллэри туруорар. Ордук кини тыл суолтатын дэгэтин туспа суолта курдук биэрэн, тыл дьиннээх суолтатын чуолкай араарбат онорууну олох сөбүлээбэт суола. Ол курдук, уопута суох тылдыты онорооччу хас да суолта оноруон сөптөөх биир суолтаны бытарыппакка дэгэт быһыытынан (//) биэрбитин ААРЫГЫР диэн тыл бастакы суолтатыгар көрөбүт: 1. Ньиргирдээхтик ланкыныыр, сатарыыр тыаһы таһаар. *Куолакал тыаһа энин араастаан аарыгыран, лынкынаан түннүгүнэн киирэр.* Дьүөгэ Ааныстыырап. // Айаарар курдук сатархайдык сангар, ыллаа. *Албакыын кырдыаҕас оҕо ыалдыбытын көрөн, тизтэйэн, олобор олорон, кыыран аарыгырбытынан барар.* Р. Кулаковской. // Тыаһаанууһаан айдааран, биллэн-көстөн бар-кэл, сырыт (*үксүгэр элбэх дьон, суол-иис ньиргирин туһунан*). *Лампаарыкы уруккута даҕаны аттаах бөҕө аарыгырбыт, тингилэхтээх бөҕө тибиллийбит, аатырбыт сайылык этэ.* Далан.

Петр Алексеевич тылдыт ааптардарыгар биир халбаннаабат кытаанах ирдэбиллэнэн тыл суолтатын өйдөнүмтүө тылынан, төһө кыалларынан кылгастык, чуолкай гына быһаарыы буолар. Синонимнарынан субуруттан, тыл суолтатын симэлитиини куруутун кириитикэлиир суола. Суолта быһаарыыларынан холобурдарынан бигэргэтэн биэриигэ улахан болҕомтолоох буолууну ирдиир.

Петр Алексеевич: «Хас биирдии словарист норуот тылыгар чахчы баар тылы киллэриэхтээх, ону кэрэхэлиир холобурдаах буолуохтаах, ону ааһан быһаарыылаах тылдыт тылы туттуу бастын холобурун көрдөрөн, тыл култууратын өрө тутуохтаах», – диэн мэлдьи этэрэ.

Бу улахан, бэйэтэ саҕалаабыт бырайыага бүтүүр диэри Петр Алексеевич үлэни бэйэтинэн көбүлээн, тылдыкка үлэлэһэн, 15 туомна барытыгар кылаабынай эрэдээктэр эбээһинэһин толорон кэлбитэ үлэ түмүктээх буолбутун кэрэхэлиир.

Кини бу далааһыннаах бырайыага 46 сыл устата оноһулан 2018 сыллаахха ситиһиилээхтик түмүктэммитэ. Тылдыт уопсайа 9 аһаар тыһыынча сирэйдээх, 769 бэчээтинэй илиистээх, 80-ча тыһыынча тыллаах буолан тахсыбыта. Саамай элбэх 10 тыһыынча тыллаах «К» буукуба, 8 тыһыынча тыллаах «С уонна Т» буукубалар 2-лии туомунан уонна 7 тыһыынча тыллаах «Б» буукуба 900-тан тахса сирэйдээх 1 улахан кинигэһэн бэчээттэнэн тахсыбыттара.

II

Улахан тылдыт оноһулар кэмигэр Петр Алексеевич лексикографическай түөрүйэҕэ улахан болҕотун ууран үлэлээбитэ. Салайааччы быһыытынан үлэ бу өттүгэр улахан ирдэбили туруорбута, эдэр словаристарга научнай тиэмэлэрин аттарыыга улахан үлэни ыппыта. Кини тылдыты оноруу проблемаларыгар анаан дириг ис хоһоонноох ыстатыйалары суруйталаабыта. Анал научнай хомуурунньуктары, ону таһынан, тылдыты онорооччуларга анаан бэйэтэ научнай, теоретическай хабааннаах улахан салалта суругу суруйбута.

Петр Алексеевич олобун анаабыт бу улахан бырайыагын тосхолун биир олох сана, сонун өттүнэн, билигин кэмгэ сайдан ээр адьас ураты (эридьиэстиир) көрүннээх национальнай тыл тылдытын саха тылыгар бэлэмнээн таһаарыы буолбута. Россияҕа маньык тылдыт тосхолун бастакынан академиктар А. А. Шахматов уонна Я. Грот нуучча литературнай тылын историческай хабааннаах тылдытыгар саҕалаабыттара.

Маньык тосхол, биллэн турар, норуот тылын баайын сирбэккэ-талбакка, сиидэлээбэккэ, кытаанах нуормаҕа хаайбакка, төһө кыалларынан толорутук көрдөрө сатыыртан

тахсар. Ол быһыытынан, тылга санга, эргэрэн эрэр, эргэрбит да көстүүлэр нуорма иһинэн көрүллүөхтэрин сөбүн бэлиэтиир.

Онон билигин оноһуллан бүппүт Улахан быһаарыылаах тылдыт сүрүн тосхоло – эри-дьиэстиир-нуормалыыр тылдыт. Түүр тылларын лексикографиятыгар өссө да киэнник тарҕана илик манник тылдыт көрүнүн Петр Алексеевич саха тылын быһаарыылаах тылдытыгар бастакынан киллэрэн, биһиги лексикографиябытын сана таһымна таһаарда.

Кини бу улахан бырайыагын биир өссө чаһылхай уратытынан тыллар суолталарын икки тылынан (нууччалыы, сахалыы) толорутук быһаарыы буолар. Ол Петр Алексеевич нуучча-саха тылларын алтыһыларын диринник үөрэппититтэн, нуучча тыллаах аабааччылар эмиэ толору информацияны ылыахтаахтар диэн санаатыттан үөскээбит кэскиллээх быһаарыныы.

Түүр тылларын историческай өттүттэн тэннээн үөрэтиигэ Тылдыт бэйэтин баай матырыйаалынан уонна икки тыллаабынан туохха да тэннэммэт тирэх буолуобун ыйан уонна норуоттар былыргы алтыһыларын үөрэтиигэ улахан суолталаабын бэлиэтээн тылдыт кылаабынай эрдээктэригэр Петр Алексеевич Слепцовка Аан дойдутаабы түүр академията бэйэтин үрдүкү наҕараадатын, Вильгельм Томсен аатынан кыһыл көмүс мэтээлин, туттарыыта – үлэни үрдүктүк сыаналааһын туоһута буолар. Россия омуртар дьыалаларыгар федеральной агенствота «Ключевое слово» диэн сыл аайы ытытар куонкурсугар Саха тылын Быһаарыылаах тылдыта «Лучший научный проект 2019 года» диэн номинацияҕа бастакы бириэмийэни ылбыта тылдыт суолтатын эмиэ үрдэтэр.

Маны таһынан, Казахстан наукаларын академиятын А. Байтурсинов аатынан Тыл үөрэбин институтун тэрийиитинэн Тылдыт бастакы сүрэхтэниитэ Алматы куоракка үрдүк таһымна ытыллыбыта. Тылдыт кылаабынай эрдээктэригэр академик П. А. Слепцовка Казахстан Республикатын Бырабыыталыстыбатын «Хранитель родного языка» диэн кыһыл көмүс мэтээлин туттарбытара.

Саха тылын элбэх туомнаах Улахан быһаарыылаах тылдытын анала манан бүтэн хаалбат аналаах. Кини биир өссө улахан суолтата – инники өттүгэр ханнык баҕарар нормативнай тылдыттары онорууга төрүт тылдыт буоларыгар сытар. Ол курдук тылдыты онорооччулар

биир туомнаах 30-ча тыһыынча тыллаах сахалыы тылынан быһаарыллар саха тылын литературнай тылын нуормаламмыт тылдытын онорон бүтэрдилэр. Маны таһынан, тылдыт историятын, саха-монгуол норуоттарын историческай сибээстэһиилэригэр баҕар туох эмэ сананы этиэн сөп дии санаан, тылдыты онорооччулар монгуоллары кытта холбоһон биир улахан бырайыакка үлэлэһэ сылдьаллар. Түмүгэ саха лексикографиятыгар бастакы элбэх тыллаах монгуоллуу-нууччалыы-сахалыы тылдыт буолуоҕа. Тылдыт оноһуллан табыстабына инники өттүгэр саха эрэ тылыгар буолбакка түүр, монгуол тыллаахтарга эмиэ туһалаах тылдыт буолуоҕар эрэнэбит.

Бу тылдыттар бары түмүллэн, Петр Алексеевич ыраабы өтө көрөр кыахтаабын, үлэтэ далааһыннаабын чаһылхай туоһута буолаллар. Манан сиэттэрэн, Петр Алексеевич Слепцов Саха Сиригэр үрдүк таһымнаах лексикографическай оскуоланы тэрийдэ, олохтоото диир толору кыахтаахпыт.

Саха лексикографиятын О. Н. Бётлингк, Э. К. Пекарскай курдук наука улуу корифейдара төрүттээбит буоллахтарына, кинилэр үтүө үгэстэрин салҕаан, өссө кэнэтэн, аныгы кэм ирдэбилгэр сөп түбэһиннэрэн сайыннарбыт, биһиги тылбытын өлбөт-сүппэт аналаабыт, наука өттүнэн өссө кыабырпыт кининэн учууталбыт, Арасыйыа уонна Саха Өрөспүүбүлүкэтин наукаларын үтүөлээх үлэһитэ, Саха Өрөспүүбүлүкэтин наукаҕа судаарыстыбаннай бириэмийэтин лауреата, академик Петр Алексеевич Слепцов буолар.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 3 (10) 2023

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.09.2023. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2023.